

«Быть впереди народа, освещать ему путь, направляя его правосознание ко благу и правде в человеческих отношениях, — такова истинная обязанность юриспруденции и ее отдельных представителей»

ISSN 2074-7306

*И. А. Покровский
История Римского права. Введение.
Петроград. Изд. 4. 1918. С. 4*

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1, 2023

Периодичность 4 номера в год

*Издается с 1997 г.
Основан д. ю. н., проф.
Д. Ю. Шапсуговым*

Включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» по отрасли: 5.1. Право (юридические науки)

Регистрационный номер ПИ № ФС 77 – 76204 от 02.08.2019 Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Редакционная коллегия

докт. юрид. наук, проф., академик АМАН и МАНЭБ, заслуженный юрист РФ **Шапсугов Д.Ю.** (директор центра правовых исследований ЮРИУ РАНХиГС, главный редактор, г. Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф. **Краковский К.П.** (докт. юрид. наук, проф. кафедры государственно-правовых дисциплин Высшей школы правоведения Института государственной службы и управления, зам. главного редактора, г. Москва); докт. юрид. наук, проф., академик РАЕН, заслуженный деятель науки РФ **Баранов П.П.** (зав. кафедрой конституционного и муниципального права ЮРИУ РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф. **Овчинников А.И.** (зав. кафедрой теории и истории государства и права Южного федерального университета, Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф., профессор **Шатковская Т.В.** (зав. кафедрой теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф. **Егорова М.А.** (начальник Управления международного сотрудничества Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), проф. кафедры конкурентного права МГЮУ имени О.Е. Кутафина, г. Москва); докт. юрид. наук, проф. **Корецкий А.Д.** (зав. кафедрой гражданского права РГУП, судья Ростовского областного суда, г. Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф. **Момотов В.В.** (судья, секретарь Пленума, член Президиума Верховного Суда Российской Федерации, г. Москва); докт. юрид. наук, проф., Заслуженный работник высшей школы РФ **Овсеян Ж.И.** (зав. кафедрой государственного (конституционного) права Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону); канд. юрид. наук **Супатаев М.А.** (г. Москва); докт. юрид. наук, проф. **Авакян Р.О.** (академик МАНЭБ и Всеармянской Академии проблем национальной безопасности, г. Ереван); докт. юрид. наук, проф. **Алиев А.И.** (декан юридического факультета Бакинского государственного педагогического университета, г. Баку); докт. ист. наук, проф., **Алиева С.И.** (зав. кафедрой «Общей истории и технологии преподавания истории» Азербайджанского государственного педагогического университета, г. Баку); докт. ист. наук, проф. Стамбульского университета **Мехмет Али Бейхан** (Турецкая Республика, г. Стамбул); доктор права, университетский профессор **Шелухин С.И.** (Городской университет, факультет законодательства, полиции и криминальной юстиции, г. Нью-Йорк).

Редакционный совет

докт. юрид. наук, проф. **Акопов Л.В.** (г. Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф. **Бойко А.И.** (зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин ЮРИУ РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф., Заслуженный работник высшей школы РФ **Волова Л.И.** (проф. кафедры международного права ЮФУ, г. Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф. **Казинян Г.С.** (декан юридического факультета Ереванского государственного университета, г. Ереван); докт. юрид. наук, проф. **Исмаилов М.А.** (проректор по общим ресурсам Дагестанского государственного педагогического университета, г. Махачкала); доктор юридических наук, проф. **Исмаилов Х.Д.** (юридический факультет Бакинского государственного университета, г. Баку); докт. юрид. наук, проф., Заслуженный работник высшей школы РФ **Ляхов Ю.А.** (проф. ЮФУ, г. Ростов-на-Дону); канд. юрид. наук **Радачинский Ю.Н.** (доц. ЮРИУ РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону), председатель ТИК г. Батайска; докт. юрид. наук, проф. **Фаргиев И.А.** (председатель Верховного Суда Республики Ингушетия, г. Магас).

Адрес редакции:

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54;
тел.: (8-863) 203-63-89; e-mail: yurvestnik@mail.ru

«Северо-Кавказский юридический вестник», 2023, № 1

“To be ahead of the nation, show the way
to its people directing their legal awareness
towards the benefit and truth in human
relations – that is the genuine duty of juris-
prudence and some of its representatives”

I. A. Pokrovsky

History of Roman Law. Introduction.

Petrograd. Ed. 4/ 1918. P. 4

ISSN 2074-7306

NORTH CAUCASUS LEGAL VESTNIK

SCIENTIFIC-PRACTICAL JOURNAL

№ 1, 2023

Regularity 4 times a year

Published since 1997

*was founded
by Doctor of Law, professor
D. Y. Shapsugov*

*The journal is included into the «List of reviewed scientific
publications where main research results of dissertations
for the degree of Candidate and doctor of Science».
Enters the VAK List on the industry: 5.1. Law (legal sciences)*

*Registration number ПИ № ФС 77 – 76204 from 02.08.2019 of Federal Service for Supervision
of communications, information technologies and mass media
(Roskomnadzor)*

*Founder – Federal state budget educational institution of higher education
«Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration»*

Editorial Board

Doctor of Law, professor, Academician AMAN and MANEB, honored lawyer of the RF **Shapsugov D.Y.** (Director of Legal Research Center of URIU RANEPa, editor-in-chief, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Krakovsky K. P.** (Professor of the Department of State Governance, of Institute of Public Administration and Management of RANEPa, deputy editor-in-chief, Moscow); Doctor of Law, professor, Academician of the RANS, Honored Worker of science of the RF **Baranov P.P.** (Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, URIU RANEPa, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Ovchinnikov A.I.** (Professor of the Department of Theory and History of Law and State URIU RANEPa, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Shatkovskaya T.V.** (Head of the Department of Theory and History of Law and State, URIU RANEPa, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Egorova M.A.** (Head of the Department of International Cooperation of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (Moscow State Law University)), professor of the Department of competitive right of MGYuU Law, Moscow); Doctor of Law, professor **Koretsky A.D.** (Honored Worker of Higher School of the RF, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Momotov V.V.** (Justice, Moscow); Doctor of Law, professor, Honored Worker of Higher School of the RF **Ovsepyan Zh.I.** (Head of the Department of Constitutional Law of South Federal University, Rostov-on-Don); Candidate of Law **Supataev M.A.** (Moscow); Doctor of Law, Professor **Avakyan R.O.** (Academician MANEB and All-Armenian Academy of the problems of national security, Erevan); Doctor of Law, professor **Aliev A.I.** (Dean of Law Faculty of Baku State University); Doctor of Historical Sciences **Alieva S.I.** (Head of Department of General History and Technology of History Teaching, Azerbaijan State Pedagogical University, Baku); Doctor of historical sciences, professor of the Istanbul university **Mehmet Ali Beihan** (Atatürk Supreme Council for Culture Language and History, the President of the Center of researches of Atatürk, Republic of Turkey, Ankara); Ph.D. **Serguei Cheloukhine** (John Jay College of Criminal Justice, Department of Law and Police Science, New York)

Editorial Council

Doctor of Law, professor **Akopov L. V.** (Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Boiko A.I.** (Head of the Department of Criminal Legal disciplines of URIU RANEPa, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor, Honored Worker of Higher School of the RF **Volova L. I.** (Professor of the Department of International Law of South Federal University); Doctor of Law, professor **Kazinyan G.S.** (Dean of Law Faculty of Erevan State University, Erevan); Doctor of Law, professor **Ismailov M. A.** (Vice-Rector for General Resources, Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala); Doctor of Law **Ismailov Kh. D.** (Law Faculty of Baku State University, Baku); Doctor of Law, professor, Honored worker of Higher School of the RF **Lyakhov Y. A.** (professor of South Federal University, Rostov-on-Don); Candidate of Law **Radachinsky Y. N.** (associate professor, URIU RANEPa, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Fargiev I. A.** (Chairman of the Supreme Court of the Republic Ingushetia, Magas).

Address: 344002, Russia, Rostov-on-Don, st. Pushkinskaya, 70/54

Tel: 8-863-203-63-89,

e-mail: yurvestnik@mail.ru

<http://vestnik.uriu.ranepa.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА	7
<i>Н. Н. Апостолова. ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ – ОСНОВА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА.....</i>	<i>7</i>
<i>Д. Ю. Шапсугов. ТЕОРИЯ КРИТИКИ В ЮРИСПРУДЕНЦИИ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ.....</i>	<i>14</i>
<i>В. М. Сырых. ОБ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА – ДОСТОВЕРНО, ОБОСНОВАННО И ТЕОРЕТИЧНО .....</i>	<i>26</i>
<i>Т. В. Шатковская. НАУЧНЫЙ ПОДХОД Н. Н. АЛЕКСЕЕВА К ВЫБОРУ ПУТИ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ.....</i>	<i>34</i>
<i>З. В. Соломко. К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ОСВЕЩЕНИЯ ПРОБЛЕМ РЕВОЛЮЦИИ И КОНТРРЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ.....</i>	<i>40</i>
<i>М. Ж. Хачеритлов, Х. Л. Кушхов. К ВОПРОСУ О МИРОВОЗЗРЕНИИ КАК ДУХОВНО-ПРАКТИЧЕСКОМ СПОСОБЕ ОСВОЕНИЯ МИРА.....</i>	<i>48</i>
<i>С. П. Федоренко. МЕТАВСЕЛЕННАЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ.....</i>	<i>56</i>
ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО, АДМИНИСТРАТИВНОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА.....	62
<i>А. Б. Дудаев, В. В. Ткаченко, Э. А. Безуглый. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПАСПОРТНОЙ СИСТЕМЫ В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ.....</i>	<i>62</i>
<i>Н. В. Щитова. ГЕНЕЗИС И РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРИРОДООХРАННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД .....</i>	<i>68</i>
<i>И. В. Симкина. ПРАВО НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ И МЕДИЦИНСКУЮ ПОМОЩЬ: КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВАХ.....</i>	<i>75</i>
<i>Д. Б. Юсуфова. ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРАКТИКИ ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ ДОБЫЧИ ЭНЕРГОРЕСУРСОВ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....</i>	<i>81</i>
ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА	87
<i>О. Г. Зубарева. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ СУПРУГОВ В СЕМЬЕ ..</i>	<i>87</i>
<i>А. А. Кружевникова. КРИТЕРИИ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ВОПРОСА О ПРЕДДОГОВОРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ.....</i>	<i>94</i>
<i>М. Д. Шапсугова. О ПОНЯТИИ «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» В ЧАСТНОМ ПРАВЕ .....</i>	<i>102</i>
<i>В. И. Барциц. КОНКУРЕНЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ И БРИТАНСКОЙ ЮРИСДИКЦИЙ В УСЛОВИЯХ BREXIT .....</i>	<i>109</i>
ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО И ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА	120
<i>Г. Г. Небрятенко, Е. В. Безручко. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ В ОБЫЧНОМ ПРАВЕ ДОНСКИХ КАЗАКОВ .....</i>	<i>120</i>
<i>О. В. Куликов. УГОЛОВНАЯ НЕОДНОКРАТНОСТЬ: ОТРИЦАНИЕ ОТРИЦАНИЯ.....</i>	<i>127</i>
<i>О. Н. Лазаренко, О. Н. Лаврова. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 174, 174.1 УК РФ .....</i>	<i>136</i>
<i>М. Д. Шапсугова. ПРОБЛЕМЫ ПОДВЕДОМСТВЕННОСТИ И ПОДСУДНОСТИ ГРАЖДАНСКИХ И АДМИНИСТРАТИВНЫХ ДЕЛ С УЧАСТИЕМ МОБИЛИЗОВАННЫХ ЛИЦ.....</i>	<i>141</i>
<i>М. Ю. Петрова. К ВОПРОСУ СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ «ПОДВЕДОМСТВЕННОСТЬ», «ПОДСУДНОСТЬ» И «КОМПЕТЕНЦИЯ».....</i>	<i>148</i>
ПРОБЛЕМЫ ТРУДОВОГО ПРАВА	154
<i>К. В. Пятков. СОЦИАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА КАК ПРИЗНАК ТРУДОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ .....</i>	<i>154</i>
РЕЦЕНЗИИ.....	161
<i>И. А. Фаргиев. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: СЕРКОВ П. П. ПРАВООТНОШЕНИЕ (ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ): МОНОГРАФИЯ: В ДВУХ ЧАСТЯХ. М.: НОРМА, 2023. Ч. I – 872 С., Ч. II – 672 С.....</i>	<i>161</i>
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ.....	165
ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ.....	173
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ.....	175

CONTENTS

PROBLEMS OF THE THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE	7
<i>Natalia N. Apostolova. SPIRITUAL AND MORAL VALUES ARE THE BASIS OF THE RUSSIAN STATE AND LAW...</i>	<i>7</i>
<i>Damir Yu. Shapsugov. THE THEORY OF CRITICISM IN RUSSIAN JURISPRUDENCE: PROBLEMS OF FORMATION.....</i>	<i>14</i>
<i>Vladimir M. Syrykh. ON THE HISTORY OF THE SOVIET STATE – RELIABLY, REASONABLY AND THEORETICALLY .....</i>	<i>26</i>
<i>Tatiana V. Shatkovskaya. N. N. ALEKSEEV'S SCIENTIFIC APPROACH TO CHOOSING THE PATH OF CULTURAL AND CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT OF RUSSIA.....</i>	<i>34</i>
<i>Zarianna V. Solomko. ON THE QUESTION OF THE CRITERIA FOR COVERING THE PROBLEMS OF REVOLUTION AND COUNTER-REVOLUTION IN RUSSIA.....</i>	<i>40</i>
<i>Mukharbi Zh. Khacheritlov, Khazhmurat L. Kushkhov. ON THE QUESTION OF WORLDVIEW AS A SPIRITUAL AND PRACTICAL WAY OF MASTERING THE WORLD .....</i>	<i>48</i>
<i>Svyatoslav P. Fedorenko. METAVERSE AS A FACTOR OF TRANSFORMATION OF LEGAL REGULATION .....</i>	<i>56</i>
PROBLEMS OF CONSTITUTIONAL, ADMINISTRATIVE AND ENVIRONMENTAL LAW	62
<i>Anatoly B. Dudaev, Vladimir V. Tkachenko, Eduard A. Bezugly. LEGAL REGULATION OF THE PASSPORT SYSTEM IN THE SOVIET AND POST-SOVIET PERIODS.....</i>	<i>62</i>
<i>Natalia V. Shitova. GENESIS AND DEVELOPMENT OF DOMESTIC ENVIRONMENTAL LEGISLATION IN THE PRE-SOVIET PERIOD.....</i>	<i>68</i>
<i>Irina V. Simkina. THE RIGHT TO HEALTH AND HEALTH CARE: CONSTITUTIONAL BASIS OF LEGAL REGULATION IN FOREIGN COUNTRIES .....</i>	<i>75</i>
<i>Daria B. Yusufova. LEGAL ANALYSIS OF THE PRACTICE OF LICENSING THE EXTRACTION OF ENERGY RESOURCES OF THE ARCTIC REGION OF THE RUSSIAN FEDERATION.....</i>	<i>81</i>
PROBLEMS OF CIVIL, BUSINESS AND PRIVATE INTERNATIONAL LAW.....	87
<i>Olga G. Zubareva. LEGAL REGULATION OF NON-PROPERTY RELATIONS OF SPOUSES IN THE FAMILY .....</i>	<i>87</i>
<i>Anna A. Kruzhevnikova. CRITERIA OF GOOD FAITH WHEN RESOLVING THE ISSUE OF PRE-CONTRACTUAL LIABILITY IN CIVIL LAW.....</i>	<i>94</i>
<i>Marietta D. Shapsugova. ON THE CONCEPT OF "ECONOMIC ACTIVITY" IN PRIVATE LAW.....</i>	<i>102</i>
<i>Valeriya I. Bartsits. COMPETITION BETWEEN EUROPEAN AND UK JURISDICTIONS IN THE CONTEXT OF BREXIT .....</i>	<i>109</i>
PROBLEMS OF CRIMINAL AND PROCEDURAL LAW	120
<i>Gennady G. Nebratenko, Evgeny V. Bezruchko. CRIMINAL-LEGAL CHARACTERISTICS OF CRIMES AGAINST LIFE AND HEALTH IN COMMON LAW OF DON COSSACKS.....</i>	<i>120</i>
<i>Oleg V. Kulikov. CRIMINAL REPETITION: DENIAL OF DENIAL.....</i>	<i>127</i>
<i>Olga N. Lazarenko, Oksana N. Lavrova. IMPROVING THE METHODOLOGY OF INVESTIGATION OF CRIMINAL CASES OF CRIMES PROVIDED FOR IN ARTICLES 174, 174.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION .....</i>	<i>136</i>
<i>Marietta D. Shapsugova. PROBLEMS OF CONFORMITY AND JUDICIALS OF CIVIL AND ADMINISTRATIVE CASES WITH PARTICIPATION OF MOBILIZED PERSONS.....</i>	<i>141</i>
<i>Mariya Yu. Petrova. TO THE QUESTION OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS OF «JURISDICTION», «COGNIZANCE» AND «COMPETENCE» .....</i>	<i>148</i>
PROBLEMS OF LABOR LAW.....	154
<i>Kirill V. Pyatkov. SOCIAL INFRASTRUCTURE AS A SIGN OF LABOR RELATIONS IN THE FIELD OF ENSURING THE LIFE OF THE POPULATION.....</i>	<i>154</i>
REVIEWS.....	161
<i>Ibragim A. Fargiev. BOOK REVIEW: SERKOV P. P. LEGAL RELATIONSHIP (THEORY AND PRACTICE OF MODERN LEGAL POLICY): MONOGRAPH: IN TWO PARTS. M.: NORMA, 2023. PART I – 872 P., PART II – 672 P. ....</i>	<i>161</i>
SCIENTIFIC LIFE	165
ANNIVERSARIES	173
EQUIREMENTS FOR THE PREPARATION OF ARTICLES.....	175

Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 7–13

North Caucasus Legal Vestnik. 2023;(1):7–13

Проблемы теории и истории права и государства

Научная статья

УДК 342

doi: 10.22394/2074-7306-2023-1-1-7-13

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ – ОСНОВА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА*

Наталья Николаевна Апостолова

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, napostolova@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются важность и значение возрождения духовно-нравственных основ России и предлагаются пути их укрепления. Нравственная деградация человека приводит к его интеллектуальной деградации. Нравственный кодекс гражданина России должен быть квинтэссенцией национального духа (идеи) всего многонационального и многоконфессионального российского народа и быть привлекательным для народов других стран. Пренебрежение нравственными правилами и их нарушение следует расценивать как противопоставление себя народу, обществу и государству. Высокий уровень сознания человека должен определять его бытие даже в цифровую эпоху. Через соблюдение нравственного закона, прежде всего, должностными лицами государства, право получит возможность стать действительно искусством добра и справедливости. Соответствие духовно-нравственным ценностям имеет особое значение для судей и должностных лиц органов уголовной юстиции, осуществляющих борьбу с самым опасным злом и несправедливостью.

Ключевые слова: духовно-нравственные основы, российский народ, вечные истины, гражданский долг, право, справедливость

Для цитирования: Апостолова Н. Н. Духовно-нравственные ценности – основа российского государства и права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 7–13. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-1-7-13>

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

SPIRITUAL AND MORAL VALUES ARE THE BASIS OF THE RUSSIAN STATE AND LAW

Natalia N. Apostolova

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, napostolova@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the importance and significance of the revival of the spiritual and moral foundations of Russia and suggests ways to strengthen them. Moral degradation of a person leads to his intellectual degradation. The moral code of a citizen of Russia should be the quintessence of the national spirit (idea) of the entire multinational and multi-confessional Russian people and be attractive to the peoples of other countries. Disregard for moral rules and their violation should be regarded as opposing oneself to the people, society and the state. A high level of human consciousness should determine his existence even in the digital age. Through the observance of the moral law, first of all, by state officials, the right will have the opportunity to truly become the art of goodness and justice. Compliance with spiritual and moral values is of particular importance for judges and officials of criminal justice bodies engaged in the fight against the most dangerous evil and injustice.

© Апостолова Н. Н., 2023

* Статья публикуется в авторской редакции (в качестве дискуссионной).

Keywords: spiritual and moral foundations, the Russian people, eternal truths, duties of a citizen, law, justice

For citation: Apostolova N. N. Spiritual and moral values are the basis of the Russian state and law. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(1):7–13. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-7-13>

В ноябре 2022 г. Указом Президента РФ были утверждены “Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей”¹, имеющие стратегическое значение в сфере обеспечения национальной безопасности России. Данные Основы определяют цели, задачи и инструментарий защиты российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти. С опорой на эти нравственные ориентиры должно осуществляться формирование мировоззрения российских граждан и духовно-нравственное единство народа России.

В пятом пункте данных Основ содержится лаконичный перечень традиционных ценностей, отражающий сложный путь развития российского общества и государства. Все остальные положения основного документа государственной политики в этой сфере нашей жизни посвящены формированию механизма их сохранения и укрепления. Правда, сделать это будет весьма непросто.

Дело в том, что тлетворное (разлагающее душу, нравственные устои и разум) влияние модных западных идей сделало свое черное дело. Даже родившиеся, выросшие и получившие свое благосостояние за счет и благодаря России люди, пустившись во все тяжкие, предают, очерняют и иным образом злодействуют в отношении своей страны, продолжая пользоваться ее благами.

Подменяя правду – ложью, добро – злом, справедливость – успешностью, без тени сомнения, многие из них считают себя «лучшей» частью человечества: «Все предрассудки истребя, мы почитаем всех нулями, а единицами себя»².

Нравственная деградация приводит к извращенному восприятию действительности, неадекватности суждений и поступков. Становится все более очевидным, что между нравственным состоянием и разумом человека существует прямая неразрывная взаимосвязь.

Чем более нравственен человек, тем более разумны его суждения, устойчива психика и полноценна жизнь. И наоборот, отсутствие нравственных ограничений приводит к потере человеческой сущности и к маргинализации.

Таковыми людьми легко управлять и манипулировать, но полагаться на них в трудный и ответственный момент – невозможно. Это хорошо знают и понимают даже за рубежом, поскольку все отчетливее проявляется презрительно-снисходительное отношение к ним.

У таких лиц выработался только один рефлекс – требовать реализации своих собственных прав и свобод, не утруждая себя обязанностями. Однако государство и общество, в котором граждане не исполняют своих обязанностей, обречено. «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан»³.

Предательство и ложь не раз ставили Россию на грань краха и разрушения. Нельзя допускать, чтобы такие представители народа превалировали в нашем обществе и государстве, тем более, в органах власти и управления.

В Преамбуле Конституции РФ говорится о необходимости сохранения нашей Родины для будущих поколений. А будет ли нужна Россия будущим поколениям, которых не научили чтить память своих героических предков и нести ответственность за свою Родину, не привили любовь и уважение к Отечеству, стремление к правде, добру и справедливости? Вопрос, как говорится, риторический.

---

¹ URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/77839.html> (дата обращения 12.01.23 г.)

² Пушкин А.С. Евгений Онегин. / URL: <http://www.poetry-classic.ru/2-14.html> (дата обращения 1.02.23 г.)

³ Некрасов Н.А. Поэт и гражданин. / URL: <https://rupoem.ru/nekrasov/opyat-odin-opyat.aspx>

Сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей станет успешным, если их удастся сформулировать по аналогии с 10 Заповедями из Библии¹ или “Моральным кодексом строителя коммунизма”². В этом суть решения данной проблемы.

Система российских духовно-нравственных ценностей должна быть не просто краткой, но и близкой и понятной для всех и каждого. Во-вторых, она должна быть общей и объединяющей для граждан, народов и конфессий России. В-третьих, желательна ее универсальность и привлекательность и для других народов мира.

Необходимо предложить человечеству такой вектор развития, в центре которого находится нравственно, интеллектуально, физически высокоразвитый и благоразумно пользующийся цифровыми технологиями человек, а не бездушный искусственный интеллект, манипулирующий человекоподобными существами, влачащими жалкое существование.

Свод духовно-нравственных начал россиян представляется как система долженствования (исполнения обязанностей) живущего в нашем социуме человека, соблюдение которых гарантирует достойную жизнь ему, всем и каждому. Сделай, что должен, а потом требуй реализации своих прав от других. Ну а хочешь большего – заслужи это большее честно.

Да и свобода у человека с точки зрения нравственного закона, в общем-то, одна – это свобода воли, свобода выбора между правдой и неправдой, добром и злом, справедливостью и несправедливостью и т.д.

И отрадно, что и сегодня большинство граждан России, вопреки десятилетиям безнравственного лихолетья, сделали свой выбор в пользу правды, добра и справедливости. И сделали это вопреки всем трудностям и проблемам.

Согласно данным ВЦИОМ на конец января 2023 г. 75,5 % опрошенных российских граждан одобряют деятельность Президента³. Как и прежде, достойные потомки Победителей «не признали наглой воли того, под кем дрожали»⁴ и дрожат клеветники России.

Ресурсный потенциал нашей страны и уровень развития современных технологий позволяет обеспечить людей необходимыми потребительскими условиями для их достойной жизни так, чтобы высоконравственное сознание человека определяло его бытие.

Только деятельное стремление каждого из нас к нравственной чистоте и красоте – сделает нашу жизнь лучше. Очевидно, следует согласиться с тем, что “конечное назначение человеческого рода состоит в наивысшем моральном совершенстве” [1, с. 321].

Нравственный кодекс гражданина России (или духовно-нравственная конституция россиян) должен быть квинтэссенцией национального духа (идеи) всего российского народа и состоять из хорошо известных и вечных истин.

1. Любить свою Родину, быть преданным и верным своему Отечеству и народу, его истории, религиозным убеждениям, традициям, языку. Любить Родину (свое Отечество) – значит вносить свой вклад в ее развитие и благополучие, без всяких условий и оговорок, ничего не требуя взамен. «Если крикнет рать святая: “Кинь ты Русь, живи в раю. Я скажу: “Не надо рая, дайте родину мою”»⁵.

Верность религиозным убеждениям – приверженность Православию, Исламу, Буддизму, Иудаизму и другим традиционным религиозным верованиям народов России (включая возможность придерживаться и атеистических взглядов).

А знание подлинной истории своей страны и народа, следование его традициям, бережное и уважительное отношение к своему языку – свидетельствует о зрелости и полноценности

¹ URL:http://uspenie-kamishin.prihod.ru/tak_govorit_biblija/view/id/1153376 (дата обращения 25.01.2023 г.).

² URL:<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/250607> (дата обращения 25.01.23 г.).

³ Обзор ВЦИОМ./ URL:<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-doverija-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partii-20230127> (дата обращения 2.02.23 г.)

⁴ Пушкин А. С. Клеветникам России / URL:<https://www.culture.ru/poems/4966/klevetnikam-rossii> (дата обращения 2.02.23 г.)

⁵ Есенин С. Гой ты, Русь, моя родная / URL:<https://rupoem.ru/esenin/goj-ty-rus.aspx> (дата обращения 2.02.23 г.).

нации, о ее праве на суверенное существование. «Народ, не имеющий национального самосознания, есть навоз, на котором произрастают другие народы»¹.

2. Защищать свою землю и российский народ от любых посягательств. «Все может родная земля: и напоить из своих светлых родников, и накормить своим хлебом, и удивить красотой цветущих садов, вот одного она только не может – защитить себя, и сделать это должен тот, кто пьет ее воду, ест ее хлеб и любит ее красотой»². Потому испокон веку на Руси защита Отечества была священным долгом каждого.

Готовность в любой момент встать на защиту своей Родины была, есть и будет неотъемлемой чертой русского, а теперь уже и всего российского народа, умеющего сплотиться в один мощный кулак и дать отпор любому врагу. «Много раз тебя пытали, быть Россией или не быть, много раз в тебе пытались душу русскую убить, но нельзя тебя, я знаю, не сломить, не запугать»³.

3. Стремиться к правде, добру и справедливости. Именно в этих духовно-нравственных ценностях и заключается наша пассионарность, непобедимая, несокрушимая сила и мощь российского народа, так и оставшаяся загадкой, завернутой в тайну и помещенной внутрь головоломки⁴. Где-то на подсознательном уровне у россиян еще остается понимание того, что не «хлебом единым жив человек», что у него есть бессмертная душа, нуждающаяся в животворящей (духовной) пище. Сохраняется вера и в то, что «капля Правды перевесит греховный мир»⁵. «Совесть, Благородство и Достоинство – вот оно, святое наше воинство... Посвяти ему свой краткий век»⁶.

4. Сохранять мир и согласие в обществе, единство и соборность России на основе взаимоуважения и взаимовыручки. В результате многовековой истории в России сложилась уникальная социокультурная среда, в которой каждый народ имеет возможность сохранять свою традиционную национальную самобытность и идентичность, являясь частью единого большого и сильного народа. В основе такого мирного сосуществования очень разных людей лежит уважительное и доброжелательное отношение друг к другу и готовность прийти на выручку.

5. Быть приверженным семейным и иным традиционным ценностям своего народа. Наша страна многонациональная и многоконфессиональная, и каждый народ имеет свои собственные семейные традиции и уклад жизни, в которых, как в неисчерпаемом источнике жизненных сил и энергии, заключен главный потенциал дальнейшего развития России.

Да, под натиском постоянно меняющихся внешних условий неизбежно меняется и жизнь людей, неизменными (даже в цифровую эпоху) должны оставаться: любовь, верность, взаимоуважение, взаимопонимание, бескорыстное служение ближнему, взаимная поддержка и ответственность друг за друга.

6. Заботиться о детях, пожилых, инвалидах и других нуждающихся в помощи и участии. Забота о духовно-нравственном воспитании, интеллектуальном и физическом развитии детей, в том числе, и оставшихся без надлежащего попечения родителей должно стать всенародным делом (родителей, родных и близких, каждого гражданина). Деятельность всех органов власти и институтов гражданского общества должна быть нацелена на решение этой самой важной для будущего страны задачи.

¹ Столыпин П. А. Цитата. /URL:<https://ru.citaty.net/tsitaty/620256-piotr-arkadevich-stolypin-narod-ne-imeiuschchii-natsionalnogo-samosoznaniia-est/> (дата обращения 27.01.23 г.).

² Суворов А. В. Цитата. /URL:<https://multiurok.ru/pimnas/files/vyskazyvaniie-a-v-suvorova> (дата обращения 31.01.23 г.).

³ Ножкин М. Я люблю тебя Россия. /URL: <https://www.chitalnya.ru/work/206951/> (дата обращения 28.01.23 г.).

⁴ Черчилль У. Цитата. /URL/ <https://ru.citaty.net/tsitaty/649731-uinston-cherchill-ia-ne-mogu-predskazat-vam-deistviia-rossii-eto-zag/> (дата обращения 28.01.23 г.).

⁵ Матюшин А. (иеромонах Роман) Капля правды. /URL: <https://soulibre.ru/> (дата обращения 30.01.23 г.).

⁶ Окуджава Б. Святое воинство. /URL/http://www.bokudjava.ru/S_2.html (дата обращения 27.01.23 г.).

Не менее важна для нравственного здоровья нации забота и участие в жизни стариков (особенно одиноких) и инвалидов. И вовлекать в эту работу необходимо граждан всех возрастов (чем раньше, тем лучше) и социальных слоев, ибо этим важнейшим качеством определяется духовно-нравственная состоятельность и достоинство нашего народа. Подтверждением этому являются данные ВЦИОМ за декабрь 2022 г., согласно которым 76 % опрошенных россиян хотели бы видеть своих детей и внуков волонтерами¹.

7. Ответственно и добросовестно исполнять свой гражданский долг. Каждый гражданин России с детства должен знать свои обязанности по соблюдению нравственного закона, осознавать и нести ответственность за его нарушение. Личностный рост – это стремление к духовно-нравственному, интеллектуальному и физическому развитию ради собственного благополучия и процветания России. Целью образования, науки, культуры, искусства должно быть – совершенствование человеческой природы (а не деградация). Только «светом нравственного знания человек есть “Человек”»².

8. Стремиться к потребительской умеренности и самоограничению. В современном обществе это требование приобретает все большее значение с точки зрения выживания человеческой цивилизации. Чрезмерное потребление (не всегда безвредных продуктов и товаров), погоня за бесконечным наращиванием производства, капиталов, ВВП любой ценой – с одной стороны, истощает наши природные ресурсы, а с другой – создает огромные объемы мусора и токсичных отходов человеческой жизнедеятельности. Все это губит природу и самих людей, приводит к ухудшению их ментального и физического здоровья и к вырождению. Неслучайно 93 % российских граждан беспокоит изменения климата, а 57 % из них отмечают влияние таких изменений на их жизнь³.

Мы всего лишь часть единой экосистемы нашей планеты. Причиняя вред окружающей среде – мы причиняем вред и самим себе. Необходимо категорически отказаться от идеологии бездумного потребления и перейти к более рациональному и соразмерному реальным человеческим потребностям образу жизни.

9. Беречь и приумножать благосостояние России, ее природные богатства, историческое и культурное наследие. Эта важная обязанность каждого российского гражданина прямо закреплена в Конституции РФ. Ни одна страна в мире не обладает такими ресурсами, такой героической и великой историей, такой уникальной культурой и талантами, как Россия. Нравственным долгом каждого поколения россиян является сохранение и приумножение всего этого достояния. «И надеждою маюсь, (полный тайных тревог) что хоть малую малость я России помог. Пусть она позабудет, про меня без труда, только пусть она будет, навсегда, навсегда»⁴.

10. Строить отношения со всеми народами и странами мира на основе доброжелательности, уважения и равноправия. Что всегда и было присуще россиянам с широкой, открытой и чистой душой, обращенной ко всем добрым людям. Современный мир в силу высокого уровня технологического развития глобален и взаимозависим. Потому власти и люди разных стран и народов должны научиться слушать и слышать друг друга, стремиться к взаимопониманию и нахождению взаимоприемлемых решений.

Благополучие и жизнь одних стран и народов за счет обмана, притеснения и разграбления других – должны уйти в прошлое, от этого придется отказаться. Люди и народы, живущие на нашей планете, очень разные, но каждый вправе и должен иметь достойную жизнь в соответствии со своим мировоззрением и возможностями.

¹ Обзор ВЦИОМ / URL:<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/v-volontery-ja-b-poshel> (дата обращения 2.01.23 г.).

² Бенедиктов В. Г. Воскресная школа / URL:https://lukianpovorotov.ru/f_vin/vin_poet/b/benediktov_voskresnaya_shkola.html (дата обращения 31.01.23 г.).

³ Обзор ВЦИОМ. / URL:<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/izmenenie-klimata-i-kak-s-nim-borotsya> (дата обращения 2.02.23 г.).

⁴ Евтушенко Е. А. Идут белые снеги... / URL:<https://rupoem.ru/evtushenko/idut-belye-snegi.aspx> (дата обращения 25.01.2023 г.).

Вышеизложенные положения можно корректировать и продолжить, но куда важнее – не забалтывать эти давно известные прописные истины, а начать по ним жить. В виде обязательного элемента воспитательной, образовательной, творческой и любой иной деятельности государственных и общественных структур вводить их необходимо здесь и сейчас, чтобы атмосфера общественной и государственной жизни нашей страны стала более здоровой и плодотворной, чтобы у россиян появилось больше жизненных перспектив и возможностей для личностного роста и благополучия. Тогда и не будет так остро стоять проблема оттока за рубеж креативных, талантливых и перспективных кадров (включая ученых), способных обеспечивать успешное развитие и защиту интересов России.

Принципиально важно добиться, чтобы именно должностные лица государства соблюдали и чтили духовно-нравственные основы нашей страны в первую очередь. Метод «делай, как я» – самый действенный, эффективный и убедительный. Это ключевой момент, никаких двойных стандартов.

Если представитель государства, независимо от должности и звания, явно пренебрегает этими нравственными правилами и нарушает их – он должен уйти с государственной службы как не соответствующий занимаемой должности, как противопоставивший себя нашему народу, обществу и государству.

Соблюдение нравственного закона откроет возможность и праву стать действительно искусством добра и справедливости, если и принимаемые законы, и правоприменительная практика будут на это нацелены [2, с. 667–682; 3, с. 67–77; 4, с. 15–26]. Через исполнение нравственного закона мы придем к надлежащему соблюдению Конституции России, других законов и к более гармонично организованному обществу и государству. Российскому народу присущ правовой нигилизм, в том числе и потому, что он не считает наши законы и (или) практику их применения справедливыми.

Особенно важным соответствие требованиям нравственного кодекса является для судей и должностных лиц, осуществляющих деятельность в сфере уголовной юстиции, представляющую собой передний край борьбы со злом и несправедливостью, о чем уже неоднократно подчеркивалось в научной литературе [5–8]. Еще в самом начале XX века было отмечено, что в будущем нравственным началам будет принадлежать «первенствующая роль в исследовании условий и обстановки уголовного процесса» [9]. Надо полагать, что пришло время воплощать эти слова в жизнь.

Список источников

1. Кант И. Лекции по этике. М.: Наука. 2000. 431 с.
2. Алексеев С. С. Право. Опыт комплексного исследования. М.: «Статут», 1999. 712 с.
3. Краковский К. П. «Право появляется там, где есть добро и согласие...» (неопубликованные труды выдающегося правоведа М.М. Сперанского) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 1. С. 67–77.
4. Шапсугов Д. Ю. Становление научной критики в российской юриспруденции в XIX в. Размышления о полемике Б. Н. Чичерина и В. С. Соловьева о праве, нравственности и их соотношении // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 1. С. 15–26.
5. Кобликов А. С. Юридическая этика. М.: НОРМА. 1999. 168 с.
6. Дорошков В. В. Современный уголовный процесс через призму духовно-нравственных основ российского общества // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 12. С. 14–25.
7. Победкин А. В. Уголовный процесс: состояние вне права. М.: Юрлитинформ, 2013. 248 с.
8. Ярославцев В. Г. Нравственное правосудие и судебское правотворчество. М.: Юстицинформ, 2007. 304 с.
9. Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nravstvennye-nachala-v-ugolovnom-protsesse-obschie-cherty-sudebnoy-etiki/viewer> (дата обращения 1.02.23 г.).

References

1. Kant I. *Lectures on Ethics*. Moscow: Nauka; 2000. 431 p. (In Russ.)
2. Alekseev S. S. *Law. The experience of complex research*. Moscow: "Statute"; 1999. 712 p. (In Russ.)
3. Krakovskiy K. P. "The right appears where there is good and consent..." (unpublished works of the outstanding jurist M.M. Speranskiy). *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(1):67–77. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-67-77>
4. Shapsugov D. Yu. Genesis of scientific criticism in Russian jurisprudence in the XIX century. Reflections on the polemics B. N. Chicherin and V. S. Soloviev on law, morality and their relationship. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(1):15–26. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-15-26>.
5. Koblikov A. S. *Legal ethics*. Moscow: NORM; 1999. 168 p. (In Russ.)
6. Doroshkov V. V. Modern criminal process through the prism of the spiritual and moral foundations of Russian society. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2021.;25(12):14–25. (In Russ.)
7. Pobedkin A. V. *Criminal procedure: a state outside the law*. Moscow: Yurlitinform; 2013. 248 p. (In Russ.)
8. Yaroslavtsev V. G. *Moral justice and judicial law-making*. Moscow: Justicin-form; 2007. 304 p. (In Russ.)
9. Koni A. F. *Moral principles in criminal proceedings*. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/nravstvennye-nachala-v-ugolovnom-protsesse-obschie-cherty-sudebnoy-etiki/viewer> (accessed 1.02.23).

Информация об авторе

Н. Н. Апостолова – доктор юридических наук, профессор кафедры процессуального права ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

N. N. Apostolova – Doctor of Law, Professor of the Department of Procedural Law of South-Russia Institute of Management – branch of RANEP.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 14.02.2023; одобрена после рецензирования 27.02.2023; принята к публикации 28.02.2023.

The article was submitted 14.02.2023; approved after reviewing 27.02.2023; accepted for publication 28.02.2023.

ТЕОРИЯ КРИТИКИ В ЮРИСПРУДЕНЦИИ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ

Дамир Юсуфович Шапсугов

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия,
shapsugov@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется становление критики и научной критики в юриспруденции с учетом опыта развития критической мысли в России, выделения теоретических конструкций А. В. Никитенко, В. Г. Белинского, И. Канта. Кратко характеризуется развитие идей критики в российской юриспруденции XIX – XX вв., формулируется проблема становления теории научной критики в советский период истории России.

Ключевые слова: критика, цензура как видимость критики, история критики, становление критики в российской юриспруденции, предмет критики, критика и культура творчества, критическое знание, критическое мышление

Для цитирования: Шапсугов Д. Ю. Теория критики в юриспруденции России: проблемы становления // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 14–25. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-1-14-25>

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

THE THEORY OF CRITICISM IN RUSSIAN JURISPRUDENCE: PROBLEMS OF FORMATION

Damir Yu. Shapsugov

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, shapsugov@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the formation of criticism and scientific criticism in jurisprudence, taking into account the experience of developing critical thought in Russia, highlighting the theoretical constructions of A. V. Nikitenko, V. G. Belinsky, I. Kant. The development of the ideas of criticism in Russian jurisprudence of the 19th-20th centuries is briefly characterized, the problem of the formation of the theory of scientific criticism in the Soviet period of Russian history is posed.

Keywords: criticism, censorship as the appearance of criticism, the history of criticism, the formation of criticism in Russian jurisprudence, the subject of criticism, criticism and culture of creativity, critical knowledge, critical thinking

For citation: Shapsugov D. Yu. The theory of criticism in Russian jurisprudence: problems of formation. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(1):14–25. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-1-14-25>

Научная критика есть процесс профессиональной утилизации устаревшего знания и создания надлежащих предпосылок для возникновения нового.

***

Критика – древний способ коренных позитивных изменений в развивающемся знании, обеспечения свободы мышления, стремящегося к истине, которым юриспруденция пока еще не овладела.

***

Критика предполагает понимание необходимости и ограниченности рассудка в правовом познании, необходимости и всеобщности разума, способного оставаться в пределах постоянно расширяющихся его возможностей.

***

Научная критика включает критику самой способности познания, критику книг, школ, концепций, отдельных творческих произведений, составляющих основные разделы ее теории.

***

Процесс критического анализа осуществляется путем выделения оснований творческих произведений и концепций, установления необходимости единства и различия непосредственного и опосредованного познания, раскрытия движения познания права от единичного через особенное ко всеобщему, не допуская при этом их смешения, отождествления или обособления.

***

Критика включает выявление внеюридических и юридических оснований в познании и реализации права как основу научного понимания единства и различия права и законодательства.

***

Критике необходим естественно-научный инструмент золотой пропорции для гармонизации внутренних компонентов права и законодательства и их внешнего взаимодействия с окружающим человека миром.

***

Научная критика выявляет и преодолевает догматизм и скептицизм в познании права, освобождает его (познание) от создаваемых ими оков, удерживает разум в пределах постоянно расширяющихся его действительных возможностей.

***

Критика напоминает костер, в котором горит устаревшее знание, отдающее свое последнее тепло, сохраняя возможность появления нового знания. Горение может разъесть глаза дымом, тлеть, не давая тепла, быть чистым огнем без дыма. Таковы и разновидности критики: примитивная, поверхностная, профессиональная: научная (теоретическая) и практическая, опирающаяся на опыт, в их единстве.

Д. Ю. Шапсугов

В юриспруденции накоплен огромный опыт критического рассмотрения ее предмета от критики при рассмотрении отдельных исследований отдельных авторов до выделения многообразных, различных типов правопонимания, формирующихся в результате критической оценки существующих. Сегодня взаимная критика естественно-правового, позитивистского, психологического, социологического, феноменологического, герменевтического, интегративного, философского направлений и многочисленных их вариантов представлена огромным количеством изданий. Однако очевидно, что это многообразие остается не обобщенным в единой теории критики. Более того, вопрос о необходимости такой теории, как одного из условий преодоления кризиса юридической науки, как нам представляется, даже серьезно не поставлен. Для того, чтобы быть «служанкой» богословия или «служанкой» государства, ей достаточно цензуры как видимости критики, познание которой оказывается необходимым для возникновения действительной критики, которая является эффективным инструментом получения достоверного знания, без которого совершенствование условий жизни индивида, общества, развитие государства и права, соответствующее их социальному назначению оказывается невозможным.

Познание указанного выше опыта критики является одной из предпосылок формирования теории научной критики в юриспруденции, что не означает отсутствия других предпосылок, породивших культуру критики творческих произведений во всех областях научного знания. Поэтому изложению истории критики в юриспруденции должен предшествовать анализ становления критики от первоначальных форм, как это имело место в России – от литературной и художественной критики. Никакая критика невозможна без создания литературного, а затем профессионального языка, характеризующего особенности исследовательской деятельности в отдельных отраслях знания.

В литературе по истории русской критики отмечается выдающаяся роль М. В. Ломоносова, С. А. Сумарокова, В. К. Тредиаковского, которым удалось сделать серьезный шаг в формировании русского литературного языка, обосновании конкретных требований (правил), соблюдение которых необходимо при написании творческих произведений в различных жанрах, составивших первый – очень важный этап – в становлении классических представлений о форме и содержании произведений литературы и искусства.

Необходимо отметить, что становление критики в России проходило не без влияния уже существовавшей в Западной Европе культуры критического мышления, но в России большой вклад в ее становление на первом этапе внесли также Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин, А. В. Никитенко, В. Г. Белинский.

Здесь нам представляется необходимо особо отметить две ключевые идеи для развития критики, высказанные Н. М. Карамзиным. Первая выражается в положении «Хорошая критика это роскошь», которую можно позволить, когда накоплен большой опыт создания и издания творческих произведений, которые только и могут быть предметом критики. Вторая формула дана как «Абстрактного закона словесности нет» [1]. Автор сам формулирует правила, по которым создает свои произведения. Неслучайно В. Г. Белинским он был объявлен первым критиком в России, основателем критики в русской литературе, которому пришлось заново создавать и жанры, приемы критики [2]. Этими двумя идеями четко подчеркивалась необходимость приобрести опыт создания творческих произведений как предмет критики и объявлялась по существу свобода творчества, ставшая впоследствии ее фундаментом.

Замечательным фактом этого процесса стала объявленная 25 марта 1842 г. речь о критике доктора философии и одновременно либерального цензора А. В. Никитенко на Торжественном собрании Санкт-Петербургского университета. Как нам представляется, это была первая попытка формулирования оригинальной, целостной теории критики, которая во многом, в частности, в самом определении критики как суда разума над творчеством, опиралась на идеи И. Канта о критике, являвшиеся прежде всего философской критикой, критикой философии как процесса познания, который нужно осознать, чтобы сделать его предметом критики.

В изложении профессора А. В. Никитенко, выходца из малороссийских крепостных крестьян графа Шереметьева, критика представлена в качестве сложной теоретической конструкции, свидетельствующей о хорошем его знании материала критики, связанном с огромным личным опытом работы как редактора и цензора.

Эта конструкция, в соответствии со сложившейся традицией, начинается сразу с определения **критики как суда разума над творчеством**, отличавшегося не только выдающейся оригинальностью, но и глубоким философским осмыслением рассматриваемой проблематики в тогдашних условиях России. Понятно, что такое определение сразу ставит много до сих пор неразрешенных вопросов о том, что есть разум и творчество, которые профессор А. В. Никитенко рассматривает с высоких философских позиций в полном соответствии с достигнутым до этого уровнем их исследования, что свидетельствует о том, что мы имеем дело с основательно подготовленным доктором философии. Применение термина «суд» в данном определении достаточно условно, поскольку не имеется в виду орган государственной власти. Оно является следствием буквального применения одного из этимологических значений термина «критика». К тому же понятно, что суд разума не выносит юридически значимый приговор или решение.

Очевидно, здесь упор делается на господствующую трактовку значения термина «критика» – разложение, разбирательство целостного явления, произведения.

«Разум тогда только признает известную истину, учение или явление действительности, – подчеркивает В. Г. Белинский, комментируя А. В. Никитенко, – когда находит в них себя как содержание в форме. Для этого ему только один путь и одно средство – разъединение идеи от формы, разложение элементов, образующих собою данную истину или данное явление. И это действие разума отнюдь не отвратительный анатомический процесс, разрушающий прекрасное явление для того, чтобы определить его значение. Разум разрушает явление для того, чтобы оживить его для себя в новой красоте и новой жизни, если он найдет себя в нем. От процесса разлагающего разума умирают только такие явления, в которых разум не находит ничего своего и объявляет их только эмпирически существующими, но не действительными. Этот процесс называется критикой» [3].

Обращает на себя внимание выделение профессором А. В. Никитенко источников критики: личное убеждение автора, аналитическая деятельность, основание, которые впоследствии становятся критериями классификации критик на виды: личная критика, аналитическая критика, философская, по преимуществу, художественная критика.

Далее дается обстоятельная критика каждой отдельно взятой критики. Прочность данной теоретической конструкции опирается на выделяемые им два вечных закона творчества: закон соотношении частных вещей, характеризуемый им как закон природы и закон идей, по которому происходит разумное обобщение этих соотношений, дающее истину. Развивая эту идею, профессор А. В. Никитенко выделяет идею красоты в искусстве, которая является венцом любого произведения искусства, вытекающую из многовековой истории человечества и **идею истины**, которая является основанием науки и ее воплощения в действительность.

Истина и красота здесь представлены как главные цели критики, призванной установить их наличие или отсутствие в произведениях искусства. Как видим, профессор А. В. Никитенко ограничивает рассмотрение критики сферой литературоведения и художеств, надо полагать, исходя из того, что в России того времени только эти разновидности критики получили определенное развитие.

Много прекрасных суждений о социальном значении критики, ее роли в воспитании молодежи, в развитии творческой деятельности высказано им в этой работе, многие сохраняют свою ценность и в настоящее время.

Однако эта теория критики, несмотря на восторженную оценку передовых писателей и общественных деятелей, не получила должной оценки в ее теоретической части. И даже в Речи о критике В. Г. Белинского, составленной под впечатлением Речи о критике А. В. Никитенко, теоретическая конструкция последнего не была воспринята как существенное достижение в исследованиях критики [4]. Возможно, здесь сыграло роль господствовавшее традиционное рассмотрение критики сквозь призму установления и четкого соблюдения правил творческой деятельности, о которых А. В. Никитенко почти не упоминает, настаивая, наоборот, на необходимости свободы творчества, учитывающей закономерности развития общественной жизни.

Речь о критике, произнесенная профессором и цензором А. В. Никитенко, побудила известного отечественного публициста В. Г. Белинского высказать свое отношение к ее содержанию и значению для развития отечественной критики. В Речи о критике В. Г. Белинского, представляющей собой комментарий речи А. В. Никитенко, высказано благожелательное отношение к ее содержанию. Эти комментарии впоследствии, особенно в советское время, стали рассматриваться как единственно верное освещение проблем критики в российской публицистике, искусствоведении, что, как нам представляется, совершенно незаслуженно оставляло в тени действительные заслуги А. В. Никитенко в теоретическом исследовании критики.

Критика А. В. Никитенко носила характер научного исследования, жестко увязанного с пониманием социально-политической и нравственной значимости рассматриваемого института. Критика В. Г. Белинского, изложенная в его комментариях к речи А. В. Никитенко,

преимущественно носила философско-публицистический характер, который в XIX веке приобретает все более возрастающее значение. Во многих случаях комментариев В. Г. Белинского выступал как конспект речи А. В. Никитенко.

Текст Речи о критике В. Г. Белинского начинается с характеристики становления Духа современного ему времени. В. Г. Белинский более подробно останавливается на его историческом становлении, его особенностях. При этом В. Г. Белинский не занимается подробным анализом теории критики, формулируемой А. В. Никитенко, полагая, что в основе исследования критики должен лежать исторический подход, в связи с чем он начинает разработку истории русской критики во второй статье, посвященной критике. К сожалению, она осталась незавершенной.

В. Г. Белинский отмечает, что времена, когда чувства и фантазии давали ответ на все вопросы (*и потому критика была не нужна – Д.Ш.*), уже прошли. Дух прошедшего века «умел только разрушать, не умея созидать, что делало критику ненужной. Дух анализа и исследования – это дух нашего времени», подчеркивает он. «Наше время алчет убеждений, томится голодом истины», желает «принять всякую живую мысль, преклониться перед всяким живым явлением; но оно не спешит им навстречу, а спокойно ожидает их к себе без страсти и увлечения ...».

... Миру нужен не просто калейдоскоп воображения, а микроскоп и телескоп разума, сближающего с отдаленным, делающий для него невидимое видимым. Действительность – вот лозунг и последнее слово современного мира. Действительность в фактах, в знании, в убеждениях чувства, в заключениях ума. Истина страшна только для ограниченного индивидуального человека, а сама в себе есть вечная красота, вечное блаженство» [4]. В этих страстных выражениях В. Г. Белинский выражает важные содержательные идеи критики: не останавливаться на видимом, часто выступающем видимостью действительного, стремиться и содействовать познанию невидимого с помощью новых инструментов, образно называемых микроскопом и телескопом, долженствующих входить в арсенал критического мышления. Ибо «теперь все подлежит критике, даже сама критика».

В. Г. Белинский готов объявить разум господствующим в XIX веке, обнаружив стремление к примирению с ним, «признав их (чувства и созерцания) права, но как подчиненных ему союзников, ...». Повсюду ищет самого себя и только то признает действительным, в чем находит самого себя».

Здесь необходимо отметить хорошее знакомство А. В. Никитенко и В. Г. Белинского с философией И. Канта и Г. Гегеля, в частности, учением о разуме, которое судя по их текстам они полностью разделяли, обеспечивая высокий познавательный уровень их собственного мышления. Ибо XIX век – «весь вопрос, весь стремление, весь искание истины. Человек не боится что его обманет истина, он боится лжи, которую человеческая ограниченность часто принимает за истину» [4].

Гносеологическую причину **невосходимости** мышления к разуму он видит в том, что исследование не было свободным, находящимся под непосредственным влиянием созерцания или в зависимости от авторитета чувств и заранее принятых начал. Отсюда следует, что критика выступает или должна выступать инструментом (микроскопом, телескопом) обнаружения **свободности** мышления, его способности преодолевать преграды, возникающие в процессе познания.

Опираясь на приведенные положения, В. Г. Белинский формулирует понятие критики: «разум разрушает явление для того, чтобы оживить его для себя в новой красоте и новой жизни, если он найдет себя в нем. Эмпирически существующее (то, в чем разум не нашел себя) существует, но не действительно. Но это не анатомический процесс, разрушающий прекрасное явление для определения его значения. Разум признает .... Истину, учение или явление действительными, когда находит в них себя как содержание в форме» [4]. Не анатомическим процессом делает то, что он постоянно имеет дело с живой мыслью, сохранять которую необходимо в ее действительной целостности, мысленное «разъединяющее идеи от форм разложение элементов, составляющих данную истину или данное явление».

Объясняя таким образом достаточно сложный процесс критики, В. Г. Белинский характеризует самое пошлое и самое распространенное на Руси понимание критики, как «осуждение рассматриваемого явления, или отделение в нем хорошего от худого ... . Критиковать значит ругать, называть критикой сатиру и пасквиль, а в провинции, в средних кругах – пересуды, сплетни, злоязычие по принципу “мне нравится”, “мне не нравится”, означающие, что суд принадлежит лицам, а не разуму. Поэтому нельзя ничего ни утверждать, ни отрицать на основании личного произвола, непосредственного чувства или индивидуального убеждения в качестве критики» [4].

Представляется очень важным, подчеркивая оригинальное определение критики как суда разума над творчеством, отметить, что в таком подходе А. В. Никитенко к критике, фактически отождествляющем критику с облагороженной цензурой, сыграла его долгая профессиональная деятельность в качестве цензора, обязанного принимать решения от имени государства. Но, как известно, он был одним из немногих цензоров, прославившихся в качестве убежденных либералов, боровшихся с субъективизмом, можно сказать, господствовавшим в цензурной деятельности. Отсюда его деятельное участие в разработке либеральных проектов уставов о цензуре, которая как раз отмечена борьбой за суд разума над творчеством. Естественность такого объяснения определения критики цензором и доктором философии, профессором А. В. Никитенко обнаруживается и в том, что он даже не пытается в этой речи отделить цензуру от критики. Его в этом вопросе интересует в основном совместимость творчества с судом разума, которая, по его мнению, вполне возможна.

Нетрудно убедиться в том, что приведенные выше положения о критике российских мыслителей во многом опирались на идеи И. Канта о критике, включая даже само ее определение¹.

Критика как научная теория критики в философии является, по определению И. Канта, законодательницей при получении критического знания, на ее основе должна развиваться критика во всех науках с учетом особенностей их предмета. Подобно тому, как философия необходима наука, определяющая возможности, принципы и объем априорных знаний, юриспруденции необходима наука, определяющая возможность, принципы, объем априорного юридического знания и возможности технологии его применения. Философия права, выявляющая внеюридические основания юриспруденции, и собственно юридические основания, выявляемые общей теорией юридической науки и отраслевыми юридическими науками, должны быть выражением единства чистого и практического разума в юриспруденции. Характерно при этом, что понимание как реализованное обобщение и непонимание как недостаток или отсутствие обобщения выявляется посредством критического анализа, критического знания о нем в тех формах, которые сложились в старой метафизике. Отметим, что ее главный недостаток, заключающийся по убеждению И. Канта – в слепом следовании предмету, не требующим поэтому особенного внимания к внутреннему содержанию процесса познания; он приходит к необходимости исследования именно этого вопроса, рассматриваемого им как природная способность разума. При этом он исходит из того, что настало время (в век И. Канта) подвергнуть критике все, даже религию, опирающуюся на свою святость, законодательство, опирающееся на свое величие, порождаемые разумом, создающим ложное, иллюзорное знание. Избавление человечества от такого знания, недопущение его появления в новых вариантах есть главная задача, которую призвана решать создаваемая им философская критика способности познания.

Исследуя критику как анализ познавательной способности разума, И. Кант впервые вводит разграничение разума на чистый спекулятивный априорный разум, вытекающий из понятий, и разум практический, вытекающий из созерцаний, каждое из которых исходит из свойственных им основоположений, в том числе, и в отношении к внутреннему чувству, обосновывает необходимость их разграничения, опасность их смешения, и единство, проявляющееся при его применении. Решение этих вопросов составляет главное содержание его учения о критике.

¹ В современной российской философской науке разрабатывается такая наука. См. [5].

Таким различием, по мнению И. Канта, легко предотвратить опасность смешения основоположений, на которых они основаны. При этом возможно сочетание основоположений путем **сложения** многообразного, представляющего собой синтез многообразного, части которого необходимо принадлежат друг другу (два треугольника, составляющие квадрат), синтез однородного во всем, что можно исследовать математически, или **связь** – синтез многообразного, части которого необходимо принадлежат друг другу. Такая общая конструкция способности разума представляет собой своеобразную общую схему критического мышления, которой должна руководствоваться критика, чтобы задачи чистого спекулятивного априорного разума были решены, не допуская никакого сомнения в достоверности получаемого при этом знания.

По мнению И. Канта, необходимость в чистом спекулятивном разуме возникает тогда, когда он попадает в **«затруднительное»** положение, когда его осаждают вопросы, от которых он не может уклониться, так как они **навязаны его собственной природой**, но в то же время он не может ответить на них, так как они превосходят возможности человеческого разума» [6, выделено нами – Д. Ш.], происходит «ссора разума с самим собой, при его независимости от опыта его применения».

В такое положение он попадает **не по своей воле** потому, что он **начинает с основоположений**, применение которых в опыте неизбежно и подтверждается им. Опираясь на основоположения, он поднимается все выше и выше к условиям, все более отдаленным. Вопросы тоже нарастают, и он замечает, что на этом пути его дело должно оставаться незавершенным, и он должен **прибегнуть к основоположениям, которые выходят за пределы опыта** и тем не менее **кажутся столь несомненными, что даже обиденный** человеческий разум соглашается с ними. Вследствие этого разум погружается в мрак и **впадает в противоречия**, которые, правда, могут привести его к заключению, что где-то **в основе лежат скрытые ошибки**, но обнаружить их он не в состоянии, так как основания, которыми он пользуется, выходят за пределы всякого опыта и в силу этого не признают критерия опыта» [6, Предисловие к первому изданию, выделено нами – Д. Ш.].

Абстрагирование чистого разума приводит к нарушению его единства с практическим разумом, нечто подобное происходит и с практическим разумом, когда категории рассудка начинают применяться как основания чистого разума. Задача критики заключается в нахождении этих двух отклонений от единства разума, сохраняя их различие в применении. Тем самым, именно критика обнаруживает и устраняет «крылья разума» в первом случае и «оковы рассудка» во втором, обеспечивая надлежащее их взаимодействие в процессе познания (см. об этом: [7, с. 50-63]), получения достоверного развивающегося знания.

При познании эмпирического необходимо осознавать, что это не чистый разум без опыта, не всеобщее, не априорное. При забвении этого обстоятельства возникает иллюзия, от которой чистый разум должен избавляться, преодолеть. Это преодоление – задача критики. Возникновение такой иллюзии означает непреодоленность «затруднений, встречающихся в синтезе, ради которого затеяна вся критика».

«Основная задача критики в том, – подчеркивает И. Кант, – чтобы показать в одном общем принципе единство практического разума со спекулятивным, так как в конце концов мы имеем дело с одним и тем же разумом, который должен иметь различия в применении» [6, с. 226]. Спекулятивный разум, чтобы быть чистым, должен избегать соприкосновения с опытом, эмпирическим разумом, то есть быть априорным и именно в таком качестве он сохраняет единство с практическим разумом, переходит в него, становясь выражением цели, определенной чистым разумом, которая применяется в практическом разуме и фиксируется как различие в применении разума. В практическом разуме составляющие его мотивы, чувства, удовольствия и неудовольствия, составляющие основы непосредственного знания, приобретают разумную форму, делающую их разумными. Разумное содержание они получают благодаря соответствию – цели, определяемой чистым разумом, воплощению ее в разумную форму.

Таким образом, решается задача критики «показать в одном общем принципе единство практического разума со спекулятивным».

Концепция И. Канта о чистом и практическом разуме строится на обособленном рассмотрении чистого и практического разума как обособленное рассмотрение способности чистого разума и разума практического, в котором важную роль играет установление пределов их применения, объема и технологии познания и самопознания.

Что касается творчества, то оно, по нашему мнению, представляет собой как предмет исследования *переход* чистого разума в практический через деятельность, вбирающую в себя обе разновидности разума: поэтому критика здесь не является принадлежностью одной разновидности разума, ее предметом анализа здесь выступает разумная деятельность по созданию творческих произведений, составляющих особую форму материализации результатов познавательной деятельности в широко понимаемой практике. И здесь задача заключается в том, чтобы определить особенные задачи и функции критики в творческой деятельности по созданию произведений литературы, искусства, науки, их переводу на другие языки, комментарию и т.п. Это означает найти место критики в системе деятельности по созданию творческих произведений и их исследованию. Ответ на этот вопрос содержится в рассмотрении И. Кантом истории чистого разума по его происхождению, сущности и методу, охватывающему полный цикл становления чистого разума, его истории: от догматизма через скептицизм, критицизм к науке как процессу становления разумного содержания и облечения его в разумную форму как восхождения к истине.

Гегель вводит в эту систему единства разума новый элемент – «снятие» непосредственного знания в опосредованном, спекулятивном, его «сохранение» в понятии через надлежащее обобщение, которое впоследствии получает конкретизацию в понятиях объема и содержания понятия. В спекулятивном мышлении при образовании действительного понятия через процедуру обобщения количество признаков содержания предмета познания сокращается, а объем понятия увеличивается и этим обеспечивается сохранение единичного во всеобщем¹. Эти положения существенно дополняют предмет критики и хотя, возможно, усложняют дело критики, но несомненно усиливают познавательный потенциал разума.

По схеме И. Канта, чистый разум, постигший истину как цель, применяется практическим разумом через категорический императив по принципу, составляющему определение права – как совокупность условий, при которых произвол одного согласуется с произволом другого по общему закону свободы, названному категорическим императивом.

Таким образом, получается по И. Канту, что чистый разум без опыта как найденная истина-цель переходит в эмпирический мир, становясь практическим разумом при сохранении единства разума и его разном применении.

Становление научной критики в России проходило в рамках общих предпосылок становления критики в литературе и искусстве через формирование литературного языка, жанров творческих произведений и оформление требований к ним, накопление определенного богатства творческих произведений, без чего изначально не сможет сформироваться предмет критики. Научная критика в России оказывалась возможной на указанном фундаменте с учетом постепенного формирования профессионального юридического языка и способов мышления, источники которых возникали в самой России с опорой на подобный опыт мировой, преимущественно западно-европейской, политико-правовой мысли, представленной прежде всего, И. Кантом и Г. Гегелем.

Первой формой научной критики в российской юриспруденции выступали аналитические творческие произведения отдельных авторов, школ и направлений, формировавшихся

---

¹ Кант не допускает непосредственное, эмпирическое в чистый разум, единство синтетического, чистого и практического разума, именно такое качество сохраняется и переходит в него, становясь выражением истины-цели, определенной чистым разумом, которая применяется в практический разум.

в российской науке [8–11] в основном уже в XIX веке, в которых критика отдельных произведений совмещалась с анализом юридических школ в Западной Европе, что стимулировало развитие российской юридической критики.

Внимание российских юристов в этот период преимущественно концентрировалось на применении кантовской и гегелевской схем критики, в основном сосредоточенной на выяснении и анализе **основоположений**, позволявших определять специфическую особенность соответствующих концепций права и технологии их развертывания в творческих произведениях ученых юристов (П. Новгородцев, С. Муромцев, Н. Кареев, Б. Н. Чичерин, В. С. Соловьев, Е. Трубецкой, И. Покровской, Н. Алексеев и др.).

При этом, как нам представляется, недостаточно уделялось внимание развитию учения И. Канта о критике самой **способности** разума, его разграничению и единству, переходу чистого разума в практический, не получила серьезной разработки роль рассудка и разума в развитии критического мышления, а также проблема «снятия», «схватывания» непосредственного во всеобщем как предмет критики в юриспруденции.

В целом, научных работ, специально посвященных вопросам теории научной критики в юриспруденции, в этот, самый богатый на критические произведения период, к сожалению, не было издано, но шел процесс интенсивного накопления материала для ее возникновения.

В советское время теория научной критики в юриспруденции не получила развития в связи с установившимся «догматическим деспотизмом» (термин И. Канта) одного единственного основоположения о классовой сущности институтов власти и права, ставшего критерием научности юриспруденции (см. об этом: [12, с. 341-452]).

Может быть, в связи с этим, научная критика в юриспруденции в этот период, как правило, не выступила как специальный предмет исследования, являясь неотъемлемой частью практически любого труда, в котором всегда содержалась, или обязательно должна была содержаться критика взглядов других ученых на данную проблематику, либо идеологическая критика несостоятельности взглядов ученых, представляющих другое мировоззрение.

Эту ситуацию вполне отражает определение научной критики В. М. Сырых как «оценка наличного теоретического или эмпирического знания, объективированного в печатных или рукописных источниках» [13, с. 319], которое связывается со структурой и правилами их создания с целью выявления фактов неполного соответствия научного знания логическим, методологическим и теоретическим требованиям. Это позволяет относить к критике «анализ нормативных актов с использованием разработанных российскими правоведом критериев качества норм права, выявление уровня совершенства исследуемых норм и нахождение их недостатков» [14, с. 200]. Так, например, аналитическая деятельность по проверке правовых актов характеризуется как их критика, которая одновременно в этом же тексте определяется как их проверка.

Таким образом, критика и проверка фактически отождествляются, несмотря на различия их предметов, целей, технологий осуществления. Как нам представляется, отождествление этих процедур вполне укладывается в традиции ее понимания как опирающееся на действие установленных или рекомендуемых правил, рассматриваемых как критерии оценки предметов анализа. Это создает возможности отнесения критики, научной критики к анализу объектов, предметов, имеющих отношение к другим, некритическим видам научной деятельности. Такое понимание научной критики относит ее к догматическому этапу формирования метода (по концепции критики И. Канта), после которого еще надо пройти скептицизм, на котором уже собственно возникает предмет, материал критики, делающий ее возможной. Следует также помнить, что, как уже об этом говорилось, специальным предметом критики у И. Канта является только сама способность разума, и что он не занимается критикой научных школ и направлений, тем самым четко определяя возможный предмет критики в качестве научных произведений и исследований.

Концепция критики В. М. Сырых прежде всего представляет собой изложение богатого личного опыта ее осуществления, который он щедро предоставляет для использования в первую очередь новым поколениям ученых-юристов, всем желающим им воспользоваться.

Параметры научной критики, обоснованные И. Кантом, уже преодолевали то, что до сих пор традиционно понимается критикой (анализ произведений на предмет соответствия их установленным требованиям к ним и их оценка на этой основе).

В России первым предложившим преодолеть это понимание оказался Н. М. Карамзин, указавший на ее (традиционной критики) недостаток: «Абстрактного закона словесности нет, Автор – творец своего творчества».

Критический потенциал в советской юриспруденции опирался на присвоенность истины одной господствующей концепции и изначальной ненаучности всякой другой концепции. Вытекавшее из такой установки знание оказалось неспособным обеспечивать советское общество и государство достоверным научным знанием, в том числе и по причине отсутствия научной критики в процессах познания действительности разумных понятий. В очередной раз подтвердилась старая истина: без подлинной научной критики невозможно получить знание, способное обеспечить процесс развития общества и государства. Начавшаяся еще в Российской империи попытка подменить критику цензурой, являющейся лишь видимостью критики, в какой-то мере удалась, о чем свидетельствует история Российского законодательства о цензуре и постепенное появление отдельных элементов институтов критики в законодательстве Российской Империи о цензуре XIX века, начале XX века, создавших условия для ее становления (права авторов, переводчиков, издателей, распространителей произведений литературы и искусства).

Периодически отменявшаяся цензура успевала произвести компоненты, дававшие возможность возникновения критики.

Среди малочисленной литературы, посвященной теории научной критики, все же можно выделить одно фундаментальное исследование – докторскую диссертацию Г. В. Хомелева «Философские основания научной критики» на соискание ученой степени доктора философских наук, защищенную в 2004 г. и посвященную исследованию философских предпосылок, теоретических и методологических основ, необходимых для построения научной теории критики, включающую исследование новейших образцов критического мышления преимущественно в диалектическом ключе: негативная диалектика франкфуртской школы, экзистенциальная диалектика, критический рационализм К. Поппера, постструктурализм, история науки [5]. И здесь можно зафиксировать отставание юриспруденции, которое желательно преодолеть.

Все изложенное выше подходит к научной критике, ее происхождению, внутренней структуре, задачам и способам их решения, концентрируется сегодня вокруг вопроса о ее институализации [15], которая не может быть осуществлена без обоснованной теории научной критики. Существующий теоретический исследовательский и эмпирический материал достаточен для ее создания на основе его научного обобщения. Критика только в формате концептуально оформленного знания может стать действительным источником его непрерывного развития, необходимого для гармоничного, эволюционного развития каждого общества, государства, всего человечества.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод о том, что становление научной критики включает в себя цепочку концептуальных обобщений результатов ее развития в каждый период ее истории. В настоящей статье приняты во внимание лишь отдельные разновидности таких обобщений, имевших место только тогда, когда накапливался достаточный для этого материал.

После революции, в понимании критики совершенной И. Кантом, и тех существенных поправок к ней, сделанных Г. Гегелем, критическое мышление «пошло вширь». Если И. Кант ограничился критическим анализом самой способности чистого разума, выявляя ее возможности, границы, технологии действия, не занимаясь критикой книг и систем, и далее школ,

направлений, отдельных творческих произведений, то последующее развитие критической мысли, практически ничего не добавив к кантовскому анализу критики, можно даже сказать, часто вовсе не усваивая ее содержания, пошло по пути критики книг, систем, школ, направлений и отдельных творческих произведений, концепций отдельных авторов. Это позволило основательно обогатить опыт «догматического деспотизма» и привело к утверждению скептицизма, если воспользоваться терминологией И. Канта, непосредственно нуждающемуся в критицизме. Огромный материал, накопленный в результате такого движения «вширь», уже вполне «тянет» на его обобщение в обновленной концепции критики, что также связано с возвращением в поле зрения исследователей наследия И. Канта и Г. Гегеля.

Значительно расширяется перечень оснований научной критики, возникает проблема внеотраслевых, универсальных оснований и обобщения внутриотраслевых оснований критического исследования. Новая концепция критики уже не может не учитывать естественно-научные, культурно-исторические, ноосферные, синергетические основания.

Актуализируется необходимость применения в общественных науках, особенно в юриспруденции и образовании, в своей основе универсального древнейшего инструмента – золотой пропорции для обеспечения регулируемого, в соответствии с природными (присущими данному предмету) свойствами и тенденциями, возможного развития общественных и государственных институтов в условиях обеспечения их надлежащего развития. Современная критика уже обнаруживает потребность в таких основаниях, способных быть ключом к решению самых острых вопросов развития современного человечества. С учетом подобных постулатов должна разрабатываться и теория научной критики в юриспруденции как специфическая разновидность критического знания и мышления.

Список источников

1. Карамзин Н. М. Нечто о науках, искусствах и просветлении / Карамзин Н. М. Избранные сочинения в двух томах. М.; Л.: Художественная литература, 1964. Т. 2. С. 122–142.
2. Критика XVIII века / Авторы-составители А. М. Ранчин, В.Л. Коровин. М., 2002. 439 с.
3. Речь о критике, произнесенная в торжественном собрании С.-Петербургского университета марта 25 дня 1842 года экстраорд. проф., доктором философии А. Никитенко. СПб., 1842.
4. Белинский В. Г. Речь о критике. 1842. / Полн. собр. соч. Т. 6. М., 1955.
5. Хомелев Г. В. Философские основания теории научной критики. Автореферат дис. на соискание уч. ст. докт. филос. наук. СПб., 2004.
6. Кант И. Критика чистого разума. Перевод с немецкого Н. Лосского. М.: ООО «Издательство «Эксмо», 2015.
7. Шапсугов Д. Ю. Рассудок – разум - право. Ростов-на-Дону, 2016. 192 с.
8. Немецкая историческая школа права. Челябинск: Социум, 2010. 528 с.
9. Шапсугов Д. Ю. Проблема институализации научной критики и апологетики в исследованиях истории государственно-правового развития народов Кавказа и в отечественной юридической науке / Научная критика и апологетика в исследованиях истории государственно-правового развития народов Кавказа и в отечественной юридической науке: понятие, исторический опыт, критерии, разновидности и особенности. Материалы научной конференции по научно-исследовательскому проекту «Правовой мир Кавказа». 21 декабря 1919 г. Ростов на-Дону, 2020. С. 5–20.
10. Шапсугов Д. Ю. Становление научной критики в российской юриспруденции в XIX в. Размышления о полемике Б. Н. Чичерина и В. С. Соловьева о праве, нравственности и их соотношении // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 1. С. 15–26. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-1-15-26>
11. Шапсугов Д. Ю. Юриспруденция и проблема конструирования понятий права как свободы, данности и видимости // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 4. С. 9–14.
12. Шапсугов Д. Ю. Проблема свободного мышления в юридической науке. М., 2020. 456 с.
13. Сырых В. М. История и методология юридической науки. М.: Норма : ИНФРА-М, 2012. 464 с.

14. Сырых В. М. Логические основания общей теории права: В 2-х т. Т. 2. Логика правового исследования. М.: Юстицинформ, 2004. 548 с.
15. Шапсугов Д. Ю. К разработке первого органа юриспруденции // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 2. С. 125–132.

References

1. Karamzin N. M. Something about sciences, arts and enlightenment. In: *Karamzin N.M. Selected works in two volumes*. Moscow-Leningrad; 1964. Vol. 2. P. 122-142. (In Russ.)
2. *Criticism of the XVIII century* / Authors-compilers A.M. Ranchin, V. L. Korovin. Moscow; 2002. 439 p. (In Russ.)
3. *Speech on criticism, delivered at the solemn meeting of St. Petersburg University on March 25, 1842 by extraordinary professor, Doctor of Philosophy A. Nikitenko*. St. Petersburg, 1842. (In Russ.)
4. Belinsky V. G. *Speech on criticism. 1842.* / Full collection of Op. Vol. 6. Moscow; 1955. (In Russ.)
5. Khomelev G. V. *Philosophical foundations of the theory of scientific criticism*. Abstract of the dis. for the application of the uch. art. doct. philos. scien. St. Petersburg; 2004. (In Russ.)
6. Kant I. *Critique of Pure Reason*. Translated from the German by N. Lossky. Moscow: OOO "Eksmo Publishing House"; 2015. (In Russ.)
7. Shapsugov D. Yu. *Reason – reason - law*. Rostov-on-Don; 2016. 192 p. (In Russ.)
8. *German Historical School of Law*. Chelyabinsk: Socium, 2010. 528 p. (In Russ.)
9. Shapsugov D. Yu. The problem of institutionalization of scientific criticism and apologetics in studies of the history of state and legal development of the peoples of the Caucasus and in domestic legal science. In: *Scientific criticism and apologetics in studies of the history of the state-legal development of the peoples of the Caucasus and in the domestic legal science: concept, historical experience, criteria, varieties and features. Materials of the scientific conference on the research project "The Legal world of the Caucasus"*. December 21, 1919. Rostov-on-Don; 2020. P. 5-20. (In Russ.)
10. Shapsugov D. Y. The formation of scientific criticism in Russian jurisprudence in the XIX century. Reflections on the polemics of B. N. Chicherin and V. S. Solovyov on law, morality and their correlation. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(1):15-26. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-1-15-26>
11. Shapsugov D. Yu. Jurisprudence and the problem of constructing concepts of law as freedom, givenness and visibility. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2019;(4):9-14. (In Russ.)
12. Shapsugov D. Yu. *The problem of free thinking in legal science*. Moscow; 2020. 520 p. (In Russ.)
13. Syrykh V. M. *History and methodology of legal science*. Moscow: Norma : INFRA-M, 2012. 464 p. (In Russ.)
14. Syrykh V. M. *Logical foundations of the general theory of law*: In 2 vols. 2. Logic of legal research. Moscow: Justicinform; 2004. 548 p. (In Russ.)
15. Shapsugov D. Yu. To the development of the first organon of legal science. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2018;(2):125–132. (In Russ.)

Информация об авторе

Д. Ю. Шапсугов – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, директор центра правовых исследований, научный руководитель школы правового мышления ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

D. Yu. Shapsugov – Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Lawyer Sciences, Professor, Director of the Center for Legal Research, Supervisor of the School of Legal Thinking of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPa.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 25.02.2023; одобрена после рецензирования 07.03.2023; принята к публикации 09.03.2023.

The article was submitted 25.02.2023; approved after reviewing 07.03.2023; accepted for publication 09.03.2023.

ОБ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА – ДОСТОВЕРНО, ОБОСНОВАННО И ТЕОРЕТИЧНО*

Владимир Михайлович Сырых

Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия, 2707xyz@mail.ru

Аннотация. В представленном материале излагается совокупность теоретических и методологических требований, которым должны удовлетворять публикации по проблемам истории советского государства и права. Автором названы виды методологических ошибок, допускаемых авторами публикаций и даются рекомендации по их устранению. Делается вывод о том, что задача раскрытия истории советского государства и права может быть решена только на уровне теоретических исследований.

Ключевые слова: советское государство, советское право, исторические исследования, принципы исторического исследования, эмпирические правовые исследования, теоретико-правовые исследования

Для цитирования: Сырых В. М. Об истории советского государства – достоверно, обоснованно и теоретично // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 26–33. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-1-26-33>

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

ON THE HISTORY OF THE SOVIET STATE – RELIABLY, REASONABLY AND THEORETICALLY

Vladimir M. Syrykh

Russian State University of Justice, Moscow, Russia, 2707xyz@mail.ru

Abstract. The presented material sets out a set of theoretical and methodological requirements that publications on the problems of the history of the Soviet state and law should meet. The author names the types of methodological errors made by the authors of publications and gives recommendations for their elimination. It is concluded that the task of revealing the history of the Soviet state and law can be solved only at the level of theoretical research.

Keywords: Soviet state, Soviet law, historical research, principles of historical research, empirical legal research, theoretical and legal research

For citation: Syrykh V. M. On the history of the Soviet state – reliably, reasonably and theoretically. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(1):26–33. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-1-26-33>

В современной России созданы наиболее благоприятные условия для обоснованного и достоверного изучения истории советского общества и государства со всеми ее плюсами и минусами, зигзагами и отходами от рационального пути формирования и развития первого в истории человечества государства трудящихся масс. Открыт доступ к архивным материалам, упразднены партийный контроль за инакомыслием и цензура печати, предоставлена всем и каждому свобода мысли и слова. Согласно электронным каталогам Российской государственной библиотеки, за период 2000–2022 гг. в фонды библиотеки поступило более 70 000 публикаций

по истории советского государства и права, подготовленных российскими и зарубежными исследователями. К сожалению, в значительной части публикаций подлинно-научный анализ проведен с нарушением основополагающих принципов методологии научного познания – объективности, полноты, всесторонности, обоснованности, конкретно-исторического подхода.

В результате объективная, всесторонняя и обоснованная достоверными фактами оценка исторических событий, мероприятий, действий руководителей партии и советского государства подменяется личностным авторским, сугубо идеологизированным видением исследуемых политико-правовых явлений и процессов. Научное исследование низводится до уровня обыденного сознания, не способного отделить второстепенное от главного, случай от необходимости, домыслы, слухи от научного обоснованного исторического факта. Отрицаются и подвергаются опознанию научно обоснованные положения классиков марксизма, им приписываются положения, которых они не разделяли, и предаются забвению их основополагающие выводы и оценки.

Публикации, объективирующие подобного рода знания, таким образом, не способствуют восстановлению истины по дискуссионным, малоисследованным проблемам истории советского государства, а еще больше запутывают их. Между тем, делом чести современных исследователей является не умножение клеветы и лжи о советском государстве и праве, высказанной ранее, а восстановление истины, исторической правды на уровне эмпирических и теоретических знаний, в которой заинтересованы все патриоты современной России. Ибо нельзя в полной мере оценить преимущества и недостатки современного строя в отсутствие достоверных и научно обоснованных системных знаний предшествующей ему истории советского государства.

Характерно, что историки-антисоветчики не ограничиваются историей советского государства, а с необыкновенной легкостью переносят свой субъективистский подход на исследования истории дореволюционной России. В статье К. П. Краковского «Размышления о судьбах кассационного суда в пореформенной России, спровоцированные книгой А. Н. Верещагина», достоверно и обстоятельно раскрыты основные приемы фальсификации, используемые авторами, испытывающими явную неприязнь к истории советского государства и права и вообще к социалистическим идеям и движениям. Это: традиционное безосновательное навешивание ярлыков на авторов, разделяющие иные взгляды, использование «дурно пахнущих» приемов приписывания оппонентам положений, отсутствующих в их работах, формулирование общих выводов и оценок на основании единичных, к тому же сомнительных фактов, тенденциозное освещение ряда событий и фактов, множественность фактических ошибок и др. В конечном итоге, вопреки основной заповеди историка, нести правду, А. В. Верещагин дает идеологизированную и искаженную картину дореволюционного правопорядка [1].

Основной тезис критиков советской власти сводится к ее обвинению в насильственном захвате власти и установлении диктатуры пролетариата, проведении красного террора. Так, очевидец событий Октябрьского переворота доктор юридических наук, проф. А. И. Ильин был уверен в том, что «революция была срывом в духовную пропасть, религиозным оскудением, патриотическим и нравственным помрачением русской народной души» [2, с. 196]. Аналогичные мысли разделяет современный исследователь Д. Волкогонов, полагая, что красный террор был введен В. И. Лениным затем, чтобы «запугать, подавить террором людей, взять на свое вооружение страх». Белый же террор в основном был инициирован низовыми массами как реакция на большевистские бесчинства».[3, с. 330–331] Еще дальше идет бывший специалист в области марксологии Э. Л. Розин. По его убеждению, идея диктатуры пролетариата не была присуща марксистской доктрине и представляла собой скорее литературную метафору нежели научное понятие. В. И. Ленин, следовательно, придавая первостепенное значение диктатуре пролетариата как средству удержания государственной власти, отходит от марксистского учения и противоречит ему [4, с. 135].

И. А. Ильину, равно как и критикам истории советского государства, которые в настоящее время являются по преимуществу верующими, не мешало было внимательно прочесть Библию, в которой Яхве неоднократно и последовательно утверждал о том, что террор, насилие является

самым действенным средством в деле искоренения устаревших порядков, препятствующих формированию развитию новых и прогрессивных порядков. В 35 книгах из 39 «Ветхого Завета» содержатся призывы к совершению насилия к народам или лицам, прегрешившим перед Богом.

Первый террор был совершен Всевышним в отношении человечества посредством Всемирного потопа, который, согласно Библии истребил всякое сущее от человека до скота его, гадов и даже птиц небесных. Подобная кара была ниспослана Богом за великое развращение людей, помышления и сердца которых были ориентированы на зло в любое время (Бытие 6, 5). Библия описывает и иные случаи коллективной ответственности народов за свои прегрешения перед Всевышним (в частности, города Содом и Гоморра, города и народы земли Ханаанской, переданные в руки Израиля и др.). При этом Всевышний требует проводить тотальный террор: поразить мечом жителей соответствующего города и предать заклятию и его все, что есть в нем: скот, домашнюю утварь. Однако допускались и иные формы террора, в том числе и индивидуальный. Террор оправдывался необходимостью вести действенную борьбу со всяким злом, причиняемым нарушителем, и лишением последнего возможности совершать противоправные неугодные Богу деяния.

Таким образом, террор, проводимый в целях борьбы со злом, признавался Библией сугубо правовой мерой. Он же не единожды сыграл решающую роль в истории человечества, в том числе в ходе буржуазных революций в странах Европы и Америки.

Позитивную роль насилия в истории человечества неоднократно подчеркивал К. Маркс, образно называл его «повивальной бабкой» всякого старого общества, когда оно беременно новым [5, с. 764]. Одновременно он признавался, что буржуазные историки задолго до него открыли существование классов в современном обществе и их борьбу между собой. Свою заслугу в этом вопросе он видел в доказательстве того, что «классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, ...что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов» [6, с. 127].

Как видим, понятию «диктатура пролетариата» К. Маркса придает решающее значение, напрямую номинируя пролетариат на роль локомотива дальнейшей истории человечества вплоть до построения коммунистического общества. Следовательно, российский пролетариат действовал в сугубо правовом поле, взяв государственную власть в свои руки и применив террор в отношении своих бывших эксплуататоров, выступавших на стороне белого движения.

Однако «известный марксовед» Э. Л. Розин уверяет читателей в обратном. Идея диктатуры пролетариата в марксистской доктрине, по его мнению, представляет собой скорее литературную метафору, нежели научный термин. Следовательно, ленинский акцент на диктатуру пролетариата не имеет ничего общего с марксизмом [4, с. 135]. Побасенка Э. Л. Розина настолько понравилась Л. Ольшанскому, что он ее почти дословно воспроизводит в своей статье «Ленинское наследие» [7]. В то же время, ни профессиональный марксовед, ни его адепт не дали никаких пояснений, какими данными они руководствуются, вступая в противоречие с высказываниями классиков марксизма.

Всем критикам истории советского государства и права для обоснования выводов и положений о произволе и насилии российского пролетариата государственной власти в ходе Октябрьского переворота и проводимого им красного террора в ходе гражданской войны *необходимо доказать*, что насилие в форме террора, применяемое на протяжении всей истории человечества, равно как и положения Библии о терроре как действенном средстве борьбы с устаревшими вредоносными действиями и порядками являются не более, чем заблуждением, вымыслом, противоречащим закономерному прогрессивному развитию человеческого общества. Следует также дать обоснованный ответ на вопрос, почему буржуазия Европы и Америки в ходе буржуазных революций имела право на вооруженный захват государственной власти, на применение террора в отношении своих противников, тогда как российский пролетариат, действуя в аналогичных условиях, подобного права не имел и должен был действовать сугубо демократическим путем, посредством пропаганды, агитации и убеждения?

Другое дело, что российский пролетариат в процессе применения террора вышел за правовые формы, допустил факты грубейших нарушений всеобщих прав человека. Однако, чтобы инкриминировать факты подобного рода, их нужно сообразно требованиям историко-правового метода выявить, обосновать их достоверность, а также раскрыть обусловленность исследуемых фактов конкретно-историческими условиями их непосредственного бытия. Надлежит реализовать, как минимум, такие ведущие принципы диалектического метода познания, как: объективность, полнота, всесторонность, конкретно-исторический подход и обоснованность. Поскольку современные критики советского государства и права пренебрегают названными принципами научного познания, то целесообразно напомнить их содержание и значение.

Первое и непереносимое требование исторического, в том числе и историко-юридического исследования, состоит в том, чтобы собранные факты были истинными, соответствовавшими имевшим место действительным событиям и действиям. По справедливому замечанию В. И. Ленина, «точные и бесспорные факты ... вот, что особенно необходимо, если хотите серьезно разобраться в сложном и трудном вопросе, сплошь да рядом запутываемом вопросе» [8, с. 350].

Современный исследователь не может самолично наблюдать события прошлого, его основным способом восстановления, реконструкции исторических событий является способ критики (толкования) разного рода письменных документов (источников). Умелое применение названного метода обеспечивает сбор и получение достоверных сведений по предмету исторического исследования. Исторический факт обретает статус научно обоснованного факта лишь после того, как он пройдет основательную проверку на достоверность и будут выявлены бесспорные доказательства его истинности. Ссылка на заимствованные из других работ исторические факты не освобождает исследователя от их проверки на достоверность. В публикации приходится одновременно приводить как достоверные факты, так и свидетельства, доказательства, подтверждающие это их ведущее свойство как эмпирических знаний.

Собранные достоверные факты в своей совокупности, системной целостности должны давать полные и всесторонние знания относительно объекта исторического исследования. Историк не может на основе свойств, присущих одному или нескольким фактам, делать обобщенные выводы, распространять их на всю генеральную совокупность массовидных явлений. «В области явлений общественных, признавал В. И. Ленин, нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание *отдельных* фактиков, игра в примеры.... Факты, если взять их в их *целом*, в их *связи*, не только упрямая, но и, безусловно, доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже».

Требование сбора максимально полной информации по предмету исторического исследования представляет собой второе непереносимое условие достоверного познания. «Необходимо, отмечал В. И. Ленин, брать не отдельные факты, а *всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, *без единого* исключения, ибо иначе неизбежно возникнет подозрение, и вполне законное подозрение в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится «субъективная» стряпня для оправдания может быть грязного дела» [8, с. 350].

В процессе реконструкции исторических явлений весьма важно отличать их главные ведущие свойства связи от второстепенных и случайных. Как бы ни были красноречивыми отдельные факты, их свойства, историческая правда основывается на обобщенных, типичных данных, присущих всей или большей части массовидных явлений. Решающую роль здесь играет статистика, ее методы, способные достоверно определять диалектику перехода количественных изменений в качественные и наоборот.

Третьим ведущим принципом исторического исследования выступает принцип конкретно-исторического подхода, требующий рассматривать исследуемые явления в обусловленности от конкретно-исторических условий их реально сущего бытия. Одно и то же явление, действующее в различных условиях, может принимать самые различные формы, свойства

и связи. Соответственно, достоверные знания относительно одного явления, действующего в одних конкретно-исторических условиях, могут не в полной мере соответствовать содержанию аналогичного явления, функционирующего в иных условиях. Поэтому в историческом исследовании недопустимы оценки и выводы по аналогии. Анализ каждого конкретного явления должен быть *конкретным*, т.е. доведенным до выявления всей совокупности его связей и зависимостей от реально-сущей действительности. В то же время рекомендуется придавать первостепенное внимание внешним факторам, оказывающим решающее воздействие на содержание исследуемого явления. Поэтому в научном познании «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна» [9, с. 290].

Вполне очевидно, что в исследованиях истории советского государства недопустимы любые отходы от вышеизложенных и иных требований методологии научного познания, тем более умышленная фальсификация исторических фактов и выведение основанных на них субъективных оценок, выводов. К сожалению, большая часть «жареных» фактов из истории советского государства и права, на которых возводятся «гневные обвинения» критиков истории советского государства и права, выловлена из мутных сведений сомнительных источников либо фальсифицирована самими авторами, как это имело место в оценках Э. Л. Розина марксистского понимания диктатуры пролетариата. По нашему мнению, следует выделить следующие приемы фальсификации истории советского государства и права, используемые современными авторами.

1. Самым главным вопросом исторической науки, по справедливому признанию В. П. Смирнова, является вопрос о достоверности исторического знания. «Во все времена и во всех странах добросовестные историки стремились дать достоверное изложение событий, отделить добросовестное изложение событий от недостоверных, факты от мифов и вымыслов, подлинные документы от фальшивых» [10]. Однако историки-исследователи проблем советского государства и права не всегда учитывают это первостепенное требование в своих публикациях. Пример этому подал ни кто иной, как дореволюционный историк С. П. Мельгунов, книга которого – «Красный террор в России» – по настоящее время предстает бесценным кладезем сведений и оценок, которые современные исследователи кладут в основу своих обвинений советского государства в террористической деятельности [11].

С. П. Мельгунов честно признался, что не может нести ответственности за достоверность изложенных в названной книге сведений и оценок, поскольку они взяты из разных источников. Он же не может взять на себя ответственность за каждый факт, поскольку «то, что появляется теперь в печати, не может претендовать на характер исследования» [11, с. 5]. Далее, он успокаивает читателя, что опубликованный материал – это не более как схема его будущей творческой исторической работы. Однако с работой что-то не заладилось, она так и не вышла, а собранные «газетные утки» были с благодарностью восприняты российскими историками конца прошлого и начала современного века в качестве «бесспорных свидетельств» террористической деятельности советского государства периода гражданской войны.

Однако следует признать, что С. П. Мельгунов не только добросовестно распространял газетные «утки», но и органично дополнял их. Так, он упоминает о полковнике Перхурове, который якобы полтора года один просидел в тюрьме Особого отдела ВЧК – полуголодный, без книг, без свиданий и даже без прогулок [11, с. 170–118]. Во-первых, автор не мог не знать, что А. П. Перхуров – не простой участник Ярославского восстания, а его непосредственный руководитель. Во-вторых, Перхуров не мог находиться в тюрьме Особого отдела 1,5 года, так как был арестован в мае 1921 г. в Екатеринбурге, а в июне 1922 г. – расстрелян. В-третьих, тюремный режим не был таковым, как его описал С. П. Мельгунов, поскольку заключенный, находясь под стражей, написал брошюру «Исповедь приговоренного», которую закончил 22 апреля 1922 г.

Чаще всего ведущими причинами недостоверной информации (домыслами, фантазиями, использования сомнительных документов и др.) публикаций по проблемам истории советского государства и права выступают отходы, отступления их авторов от требований методологии исторических исследований. Этим могут быть заимствование информации

из других публикаций без надлежащей проверки на достоверность, использование сомнительных документов, некритический анализ архивных данных, поскольку содержащиеся в них документы могут содержать недостоверные сведения, измышленные их авторами в целях придания провальным мероприятиям видимости успешной деятельности, либо на основании липовых рапортов низовых организаций. Таковыми могут быть также признательные показания подследственных, данные под пытками и др.

2. Российские историки-правоведы в процессе раскрытия особенностей строения и функционирования исследуемых явлений по преимуществу ограничиваются, судя по обстоятельствам, кратким или системным описанием выявленных фактов в конкретно-историческом, хронологическом порядке. Получается нечто вроде современной летописи, отражающей лишь временную последовательность выявленных фактов. Однако подобные данные не завершают исторического описания, а лишь начинают его тем, что характеризуют временной аспект исследуемых явлений. В то же время суть исторического познания кроется в ином, в системном анализе исследуемого явления, раскрытии его сути, содержания и особенностей.

Историк должен дать полное и развернутое представление о явлении, которое существовало ранее, таким образом, чтобы читатель мог понять, о каком явлении идет речь, в каких целях оно возникло, какую имело структуру и насколько успешно действовало в непосредственной действительности. Для такого системного описания исследователю недостаточно приведения одного или двух примеров, либо абстрактной оценки автором явления. Требуется выявление значительной совокупности достоверных фактов, позволяющих их составить развернутое, точное и образное панно исследуемого явления. Подобная процедура сходна с составлением мозаики, когда из отдельных разноцветных кусочков смальты формируется красочное панно. Вполне понятно, что для успешного описания исторического явления во всем многообразии его компонентов и их связей потребуется одновременное использование не одного или нескольких фактов, а, по образному выражению В. И. Ленина – их Монблан. При этом, что особенно важно, анализ не может сводиться только к изложению содержания действующего законодательства.

Между тем, в историко-правовых исследованиях описания правовых явлений и процессов зачастую ограничиваются изложением соответствующих нормативных установлений: на такой орган возлагались такие-то и такие задачи, субъекты права имели ряд демократических прав, которые использовались ими в таком-то установленном законом порядке. Однако, как правило, отсутствуют данные о процессах реализации норм права в конкретных отношениях, наступивших результатах и причинах недостаточной эффективности норм права. В результате исследования история права на деле предстает в лучшем случае историей законодательства. Однако развернутое системное описание истории права не является конечной целью исследования, требуется идти еще дальше – к анализу его взаимосвязи с реально сущей действительностью.

3. Одна из наиболее распространенных и грубейших ошибок авторов публикаций по истории советского государства и права, по нашему мнению, состоит в описании событий либо догматического анализа законов, иных источников права *без раскрытия конкретно-исторических условий* возникновения и функционирования исследуемых явлений и многообразных связей, воздействовавших на их динамику и завершение.

Так, Н. А. Петухов в монографии «История военных судов» описывает историю принятия советским государством первых трех декретов о суде, в чисто телеграфном стиле излагает их основные положения, но ничего не говорит об истории их создания и причинах, побудивших советскую власть в течение года трижды менять порядок деятельности советского правосудия [12, с. 167–170]. Декрет СНК РСФСР № 1 «О суде» был опубликован 7 декабря 1917 г., Декрет № 2 был принят ВЦИК 7 марта 1918 г., а декрет № 3 – СНК РСФСР 20 июля 1918 г. Между тем, причины имеют значительный интерес, поскольку являются бесспорным свидетельством тому, что эсеровский подход к правосудию по всем параметрам превосходил большевистские декреты о правосудии № 1 и 3.

Декрет № 1 «О суде» больше запрещал, чем устанавливал основы правосудия. Созданные местные суды Советской республики могли рассматривать гражданские дела по искам, цена которых не превышала 3000 руб., и уголовные дела, предусматривающие наказание не более 2 лет лишения свободы. Порядок рассмотрения иных, более сложных дел, Декрет не устанавливал. Недостатки советского законодательства о правосудии были исправлены усилиями эсеров, вошедших в состав СНК РСФСР и ВЦИК. Подготовленный ими проект Декрета № 2, принятый ВЦИК, создавал стройную систему народных судов, порядок рассмотрения решений по гражданским и уголовным делам в кассационной инстанции, а также разрешал руководствоваться дореволюционным законодательством, не противоречащим законам советского государства. Но большевикам такое правосудие было не по нраву, и как только эсеры вышли из СНК РСФСР, они вновь вернулись к своему законодательству, упрощающему порядок рассмотрения уголовных и гражданских дел, создающему дополнительные условия для нарушения законности [13, с. 239–270].

Анализ конкретно-исторических условий возникновения и функционирования исследуемых явлений является необходимой процедурой всякого исторического изучения права и государства, поскольку позволяет установить многие значимые обстоятельства и связи, которые установить иным способом не представляется возможным. Это, в частности, сведения, о: 1) причинах становления исследуемого явления; 2) системе факторов, оказывавших на него интенсивное воздействие и выступавших в качестве причин его последующих изменений и усовершенствований; 3) эффективности действия, исследуемого в процессе его функционирования; 4) о воздействии правовой культуры населения на эффективность действия исследуемого явления.

4. Еще один существенный недостаток историко-правовых исследований российских правоведов состоит в их по преимуществу описательном эмпирическом характере. Историки редко поднимаются до уровня теоретических обобщений и выводов. Тем самым научный потенциал исторических исследований реализуется не полностью, а их глубинная суть – раскрытие особенностей проявления закономерностей правовых явлений сообразно конкретно-историческим условиям их бытия – остается недостигнутой. Ибо историю советского общества, государства и права невозможно понять и объяснить на эмпирическом уровне. Для этого требуется теоретический анализ, включающий в себя, во-первых, раскрытие *закономерностей* становления, формирования социалистической формации в условиях Союза ССР; во-вторых, определение *уровня соответствия мероприятий* партии и советского государства, проведенных в 1917–1991 гг., выявленным закономерностям; в-третьих, установление и обоснование *совокупности субъективных деяний партии и советского государства*, не соответствующих закономерностям построения социализма в СССР; в-четвертых, выявление *результатов негативного воздействия субъективистских решений* партии и советского государства на ход и результаты строительства социализма в Союзе ССР.

Эмпирические исследования истории советского государства и права, проведенные со значительными отступлениями от принципов диалектики и правил исторического метода, способны плодить только разнообразные, в том числе и несообразные смыслы, которые к подлинному научному знанию прямого отношения не имеют.

Список источников

1. Краковский К. П. Размышления о судьбах кассационного суда в пореформенной России, спровоцированные книгой А. Н. Верещагина «Кассационный сенат. (1866-1917). Очерки устройства и деятельности верховного суда Российской Империи» (М.: Издательская группа «Закон», 2022. – 616 с.) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 4. С. 146–159. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-4-146-159>
2. Ильин И. А. Русские писатели, литература и художество : Сб. статей, речей и лекций; Под ред. Н. П. Полторацкого. Вашингтон : Русское книжное дело в США, 1973. 285 с.
3. Волкогонов Д. Ленин. Т. 1. М.: Новости, 1994.

4. Розин Э. Л. Ленинская мифология государства. М.: Юристъ, 1996. 320 с.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. М.: Политиздат, 1960.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 28. М.: Политиздат, 1960.
7. Ольшанский Л. Ленинское наследие // <http://www.proza.ru/2017/11/29/421>
8. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 30. М.: Политиздат. 1977.
9. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 42. М.: Политиздат 1977.
10. Смирнов В. П. О достоверности исторического знания // http://scahi.org/download/smirnov_dostovernost_znania.pdf
11. Мельгунов С. П. Красный террор в России. М.: СП «PUICO», 1990.
12. Петухов Н. А. История военных судов России. М.: Норма, 2003. 345 с.
13. Сырых В. М. История суда и правосудия в России. Т. 6. М.: Норма, 2021.

References

1. Krakovskiy K. P. Reflections on the fate of the Court of cassation in post-reform Russia, provoked by A. N. Vereshchagin's book "The Senate of Cassation. (1866-1917). Essays on the structure and activities of the Supreme Court of the Russian Empire" (Moscow: Pravo Publishing Group, 2022. – 616 p.). *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(4):146–159. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-4-146-159>
2. Ilyin I. A. *Russian writers, literature and art: Collection of articles, speeches and lectures; Edited by N. P. Poltoratsky*. Washington, DC : Russian Book Business in the USA, 1973. 285 p. (In Russ.)
3. Volkogonov D. *Lenin*. Vol. 1. Moscow: News; 1994. (In Russ.)
4. Rozin E. L. *Lenin's mythology of the state*. Moscow: Jurist; 1996. (In Russ.)
5. Marx K., Engels F. *Essays*. Vol. 23. Moscow: Politizdat; 1960. (In Russ.)
6. Marx K., Engels F. *Op.* T. 28. Moscow: Politizdat, 1960. (In Russ.)
7. Olshansky L. *Leninist heritage*. Available from: <http://www.proza.ru/2017/11/29/421>. (In Russ.)
8. Lenin V. I. *Complete works*. Vol. 30. Moscow: Politizdat; 1977. (In Russ.)
9. Lenin V. I. *Complete works*. Vol. 42. Moscow: Politizdat; 1977. (In Russ.)
10. Smirnov V. P. On the reliability of historical knowledge. Available from: http://scahi.org/download/smirnov_dostovernost_znania.pdf
11. Melgunov S. P. *Red terror in Russia*. Moscow: SP "PUICO"; 1990. (In Russ.)
12. Petukhov N. A. *History of military courts of Russia*. Moscow: Norma; 2003. 345 p. (In Russ.)
13. Syrykh V. M. *History of court and justice in Russia*. Vol. 6. Moscow: Norma; 2021. (In Russ.)

Информация об авторе

В. М. Сырых – Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Российского государственного университета правосудия.

Information about the author

V. M. Syrykh – Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Russian State University of Justice.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 25.02.2023; одобрена после рецензирования 07.03.2023; принята к публикации 09.03.2023.

The article was submitted 25.02.2023; approved after reviewing 07.03.2023; accepted for publication 09.03.2023.

НАУЧНЫЙ ПОДХОД Н. Н. АЛЕКСЕЕВА К ВЫБОРУ ПУТИ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Татьяна Владимировна Шатковская^{1, 2}

¹Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, shatkovskaya.tv@gmail.com

²Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Статья нацелена на актуализацию политико-правового дискурса о путях совершенствования государственного строя России. Автор предлагает научно-критически осмыслить труды Н. Н. Алексеева, предложившего теорию праведного (гарантийного) государства. В статье доказывается, что данная модель соответствует ментальным особенностям россиян и вместе с тем базируется на общечеловеческих ценностях свободы, равенства, правды, мира, согласия, единства, справедливости, составляющих сущность права. Автор приходит к выводу о том, что ключевые идеи и научные подходы Н. Н. Алексеева не только сохранили актуальность, но и могут быть образцом теоретического обоснования стратегии развития Российского государства.

Ключевые слова: государство, Российское государство, праведное (гарантийное) государство, правда, Н. Н. Алексеев, права человека, советское государство

Для цитирования: Шатковская Т. В. Научный подход Н. Н. Алексеева к выбору пути культурно-цивилизационного развития России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 34–40. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-1-34-40>

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

N. N. ALEKSEEV'S SCIENTIFIC APPROACH TO CHOOSING THE PATH OF CULTURAL AND CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT OF RUSSIA

Tatiana V. Shatkovskaya

¹South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, shatkovskaya.tv@gmail.com

²Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article is aimed at updating the political and legal discourse on ways to improve the state system in Russia. The author proposes to comprehend the works of N. N. Alekseev scientifically and critically, who proposed the theory of a righteous (guarantee) state. The article proves that this model corresponds to the mental characteristics of Russians and at the same time is based on the universal values of freedom, equality, truth, peace, harmony, unity, justice, which are the essence of law. The author concludes that the key ideas and scientific approaches of N. N. Alekseev not only remain relevant but can also be an example of a theoretical justification for the development strategy of the Russian state.

Keywords: state, Russian state, righteous (guarantee) state, true, N. N. Alekseev, human rights, Soviet state

For citation: Shatkovskaya T. V. N. N. Alekseev's scientific approach to choosing the path of cultural and civilizational development of Russia. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(1):34–40. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-1-34-40>

Исследования отечественных правоведов, продолживших лучшие традиции русской юридической науки в эмиграции в первой половине XX века, в частности И. А. Ильина, Ф. В. Тарановского, Н. Н. Алексеева и др., необходимо включить в актуальный юридический дискурс по нескольким причинам.

Во-первых, реалии эмигрантской жизни способствовали очищению их мыслей от иллюзий и утопических идеалов, что позволило им увидеть пороки модели западного демократического государства, выступавшего для многих русских интеллигентов ориентиром будущего развития России.

Во-вторых, их диагностика последствий революционного способа преобразования общественных отношений, свободная от коммунистического идеологического пресса, позволяет наглядно увидеть разрушительность такого способа социальных преобразований, как революция.

В-третьих, многие критические высказывания в отношении марксистской идеологии и принципов советской жизни, сделанные ими задолго до распада Советского государства оказались пророческими, но, к сожалению, не услышанными и не понятыми современниками.

В связи с этим цель статьи состоит в научно-критическом осмыслении предложенной Н. Н. Алексеевым модели правильной организации государственного строя России и путей ее достижения. Актуальность такого исследования обусловлена тем, что научная деятельность Н. Н. Алексеева выгодно отличает его от многих представителей российского эмигрантского направления глубоким анализом пройденного Россией пути, идеологических проблем советского строя, а также проработкой альтернативных путей развития Российского государства, основанной на «беспристрастном обсуждении пригодности тех или иных средств» восстановления политического здоровья русского народа.

Критика Н. Н. Алексеевым научных подходов к преобразованию Российского государства в начале XX в.

Морально-нравственное состояние российского общества в начале XX в. заставляло делать мрачные прогнозы не только соотечественников, но и иностранцев. Так, французский посол в России М. Палеолог в 1916г. приводит статистику о трехкратном увеличении самоубийств среди молодых россиян различных сословий за последние десять лет [1, с.634]. О глубокой розни и ненависти между народом и «барином» писал М. О. Гершензон. Эта ненависть проявлялась не только в личностном неприятии, но и культурном отторжении литературных, научных, юридических, музыкальных достижений начала XX в.

Внешним выражением деградации российского общества стали многие социальные болезни (наркомания, алкоголизм, снохачество, отказ от семейных ценностей, замена религиозных устоев мистическими настроениями и др.), в том числе и рост преступности.

Всех «лекарей» России, предлагавших средства ее оздоровления, Н. Н. Алексеев разделил на советских и эмигрантских. Советских преобразователей он, обвинил в топтании на месте и применении антисоциальных средств «лечения», что приводило к разрастанию, а не к решению проблем.

Среди эмигрантских аналитиков Н. Н. Алексеев выделил три школы, каждая из которых предлагала свой путь восстановления и развития России. Сторонников западноевропейского пути он резко критиковал за подталкивание России к заведомо противоречивому строю, отравляющему жизнь даже «политически здоровых народов» [2, с. 284].

Главной проблемой «почвеннических» рецептов Н. Н. Алексеев считал их ориентированность на монархическую форму правления как спасение для народа. Он, верно, определил иллюзорность представлений о неразрывности связи русского народа с монархией и консолидирующей роли последней для общества. Согласимся с Н. Н. Алексеевым в том, что призывы к восстановлению монархии в стране, в которой эта форма правления последовательно изживала себя, как минимум сомнительны. Они означали возврат к тому состоянию, в котором болезнь России началась и прогрессировала.

Представители третьей школы аналитиков предлагали возврат не к столь далеким временам. Для них точкой отсчета в прошлом стало состояние государства после Первой русской революции 1905г. Их идеалом стала дуалистическая монархия как первый шаг на пути к республиканской форме правления, до которой, по их мнению, Россия еще не созрела.

Призыв к умеренности как основе консенсуса представителей консервативных и либеральных политических сил Н. Н. Алексееву виделся лишь «приспособлением к обстоятельствам» момента. Он считал невозможным возвращение к порядкам Основных законов от 23 апреля 1906г. как несоответствующим интересам народа.

Регрессный или реставраторский проекты, по мнению Н. Н. Алексеева, вероятны только в ситуации инертности и усталости русского народа от многочисленных бедствий. Установление таких и иных порядков могло быть только временным, до момента принятия народом данного политического строя как своего или новых политических потрясений.

Обоснование Н. Н. Алексеевым модели праведного (гарантийного) государства

Представляется крайне важным вывод Н. Н. Алексеева о главной причине политического нестроения в России, а именно «государство живет само по себе, народ сам по себе» [2, с. 289]. Он называл русский народ – народом с душой, ищущим свою правду, большей частью руководствуясь смутными чувствами, стихийным пережитым политическим опытом.

Поиск национальной идеи Н. Н. Алексеев считал необходимым предварить изучением российского государственного организма, не объявляя при этом процветанием прикрытые раны. Первым условием успеха на пути выздоровления он видел отказ от марксистской идеологии. Такая категоричность объяснялась им глубокими противоречиями, заложенными в этой идеологии.

Ряд утопических положений марксизма как философской системы, выявленных Н. Н. Алексеевым, современные ученые вновь вносят в повестку политико-правового дискурса. Так, активно обсуждается идея детерминированности личности общественным целым. Советский опыт показал ущербность идеи о том, что чем совершеннее общество, тем лучше внутренний мир человека, а также продемонстрировал невозможность прыжка из «царства необходимости» в царство свободы».

Н. Н. Алексеев прав в том, что переходом на позиции какого-либо класса не решается вопрос о личной нравственности. Напротив, представление о том, что деятельность человека, направленная на преобразование общества в интересах определённого класса, автоматически становится нравственной, что оправдывает все средства для ее осуществления приводит к нравственному, а затем и правовому нигилизму.

Отсутствие понимания личной нравственности человека оборачивается тем, что огромная энергия вкладывается в реализацию ложных теорий, оправдывающихся зло во имя формально правильных, «практически трезвых», но абсолютно безнравственных идеалов.

Можно создать совершенные учреждения, но невозможно усовершенствовать политическую жизнь при отсутствии нравственных исполнителей - эта аксиома, выведенная Н. Н. Алексеевым, очень точно показывает тщетность стратегий, нацеленных только на институциональные преобразования. Из чего следует, что совершенствование общественного строя предполагает личное самосовершенствование и развитие на устойчивых нравственных основаниях.

Как показывает современная практика Н. Н. Алексеев оказался прав в том, что главным недостатком марксизма стало вытравливание «из душ людей всех высших ценностей, на которых строилась общественная жизнь», идею религии, нравственности, социального мира. Взамен обществу навязывались идеи классовых интересов и материального благополучия, приводившие к падению нравов, развалу института семьи и другим социальным болезням.

Следующим шагом на пути к правде по Н. Н. Алексееву должно было стать понимание относительности любой политической формы. Веру в возможность построения идеального политического он считал сродни народному суеверию. Для него выбор такой формы – есть вопрос «о минимальном зле, а не о максимальном добре». Любые политики, забывающие об этом, «морочат народу голову и ведут его к дальнейшему разочарованию» [2, с. 291]. Здоровый реализм в отношении политического строя делает его анализ беспристрастным и поэтому

объективным. При таком тщательном взгляде и в советском строе можно увидеть как негативные, так и некоторые положительные стороны.

Критикуя марксизм и иные «силовые» теории государства за игнорирование ими мирной стороны государственной жизни, Н. Н. Алексеев верно указывал на то, что любому государству необходимо охранять его государственное целое. Последнего не может быть, если нет хотя бы некоторого единства. В этой связи государство не может не брать на себя задачи по обеспечению безопасности, охраны жизни, здоровья и имущества не только сильных, но и других людей. Вследствие этого государство не может не нести начала взаимности, мира и единства, и не реализовывать общесоциальные цели.

До тех пор, писал Н. Н. Алексеев, пока «правлящие и управляемые не поймут, что государство есть стихия мира, до тех пор невозможно будет ожидать нормальной политической жизни ... государства» [2, с. 307]. Поэтому государство должно решать нейтральные задачи во имя общего целого как системы жизненной устойчивости и давать жить другим, сохраняя равновесие между интересами различных социальных групп.

В современной России находит подтверждение вывод Н. Н. Алексеева о несоответствии идеологии капитализма русской идее «правды». «Приобретательство и увеличение богатства» как цель жизни в буржуазном обществе получает распространение в быту, но не нравственное оправдание в русском уме.

Победа большевиков в октябре 1917 г. продемонстрировала отрицание большинством русских людей капиталистической хозяйственной организации. Неудачная попытка реанимации капитализма в форме свободного рынка в постсоветской России стала еще одним показательным примером тому, что экономические преобразования, какими бы прогрессивными они не были, обречены на неудачу, если они противоречат нравственным идеалам общества [3, с. 93–95].

Вместе с тем, не любой политический режим, провозглашающий борьбу с капитализмом, может претендовать на роль русского идеала государства – государства «правды». В конце 20-х годов XX века Н. Н. Алексеев писал о том, что русский народ поймет ту правду, что в основе Советского строя лежит «коммунистическая кривда» [4, с. 19–20]. И в этот момент остро встанет вопрос – куда идти дальше?

Прямо по прогнозу Н. Н. Алексеева русский народ вернул капиталистический строй, но «принял эту систему условно, не веря в неё и не считая ее праведной» [2, с. 315]. Он верно предположил, что русские люди вряд ли станут «трезвыми капиталистами» и лучшие из них продолжат искать правду.

Для того, чтобы не превратить эти искания в замкнутый круг Н. Н. Алексеев предлагал следующую модель государства. Государство обеспечивает интересы целого, гармонизируя в этом направлении деятельность отдельных индивидов и социальных групп. При этом государством должна охраняться сфера свободной деятельности индивида и групп индивидов. Такую сферу он называл основными правами индивида, корреспондирующими с его обязанностями в отношении общественного целого. Наличие основных прав необходимо как индивиду, так и государству как «единству множества» [2, с. 317].

Незыблемым основным правом индивида Н. Н. Алексеев называл право на внутреннее духовное развитие, которое он считал неременным условием развития государства. Это право ученый выделил в качестве основополагающего в системе прав человека. Противникам прав человека как института западноевропейской демократии Н. Н. Алексеев напоминал о том, что еще во II веке до нашей эры индийский царь Ашока гарантировал в своём государстве «полную свободу духовных исканий и духовной жизни» [2, с. 317].

По мнению Н. Н. Алексеева, правильное государство не должно быть полицейским для человека, напротив, его миссия защитить свободу духовной жизни от прямых и скрытых нарушений. Источником последних он считал давление социальной стихии на индивида, ограничивающее его право на духовное самосовершенствование.

Развивая мысли Н. Н. Алексеева, добавим, что большевики впервые в политической истории России сделали государственную власть заложником популистских интересов толпы.

Их опыт показывает и последствия разочарования народа в несбыточных идеалах, на которых базировался государственный строй.

Популизм стал общеевропейским трендом осуществления государственной власти в XX – начале XXIV. Однако данная тенденция обладает национальными особенностями, так как в ней проявляются своеобразие смыслов традиционных ценностей разных народов.

Права человека Н. Н. Алексеев призывал отделять от средств их достижения. К таковым он относил практически все права, закреплённые в западноевропейских и американских декларациях, а именно право на неприкосновенность собственности, свободу печати, не служащих совершенствованию духовной жизни человека.

Исходя из выстроенной иерархии ценностей он определял приоритетные задачи праведного государства, первой из которых стало обеспечение «для всех граждан среднего достатка к существованию» [2, с. 320]. Борьбу с бедностью он называл лишь средством на пути решения этой задачи. Количественное увеличение богатства и собственности напрямую не влияет на качество жизни населения.

Лучшим вариантом Н. Н. Алексеев считал принадлежность собственности общественной организации, но она должна состоять из нравственных личностей, обладающих чувством долга, любовью к труду и дисциплиной. Идея служения окажется пустыми словами, пока она не связана с правами личной свободы, имеющими жизненное значение для целого, обеспеченные и охраняемые государством.

К вопросу о жизнеспособности модели праведного государства Н. Н. Алексеева: в порядке дискуссии

Идеалом для Н. Н. Алексеева была модель праведного государства, так как для русского человека поиск правды остается наиболее значимым жизненным ориентиром. Эта модель базировалась на определенных и охраняемых государством правах человека, которые неразрывно связывались с обязанностями и тем самым обеспечивали жизнеспособность целого.

Действительной свободой он считал охраняемую государством возможность внутреннего духовного развития человека. Государство определяет пределы личной свободы человека, исходя из потребностей целого, и охраняет личную свободу как от непосредственных нарушений, так и в плане создания условий для устранения социальных препятствий на пути ее реализации. Такая свобода, по мнению Н. Н. Алексеева, может быть признана действительной и положительной.

Согласимся с выводом Н. Н. Алексеева о том, что России необходима сильная государственная власть и соответствующий этому политический строй. Это связано с традициями государственного становления, и с громадной территорией, которую необходимо объединять, контролировать и оборонять. Так, советскую власть Н. Н. Алексеев считал сильной. Эта сила заключалась «в технике советской организации», пронизанной началами подконтрольности и ответственности, в реализации идеи диктатуры и отказе от парламентаризма [2, с. 339]. Ее слабость он видел в гипертрофии функций исполнительной власти и дискредитации принципа законности.

Поскольку любое государство имеет отношение к диктатуре, так как имеет определенную правящую группу, несущую «бремя государственной власти» [2, с. 342], то важно какими качествами обладает данная группа и насколько ее правление соответствует нравственным началам социального служения, долга, ответственности, жертвенности.

В новейшее время такие группы, как правило, представлены партиями. Ни партия, ни класс, ставшие правящими не могут в правильном государстве выражать только свои интересы, так как они представляют целое, обеспечивают надлежащее единообразие в управлении и должны выполнять «нейтральные» функции нормальной жизнедеятельности во имя социального целого.

Согласны с Н. Н. Алексеевым в том, что всякая партия, желающая стать правящей, должна быть готовой превратиться «в союз лиц, согласных служить государству, защищать его интересы и помогать его целям», а также вести государственную работу, содействуя правительству, и развивая политическую самодеятельность и дисциплину народа [2, с. 345].

Проект Н. Н. Алексеева сформирован с учетом ментальных особенностей русского народа, особенностей его государственного становления и развития. Он позволяет нивелировать ряд существенных недостатков западных политических форм. В частности, атомизм первоначального дезорганизованного ее элемента – голосующего «корпуса граждан», который Н. Н. Алексеев сравнивает с «кучей песка» [2, с. 350]. На этой зыбкой почве и строится все здание западноевропейской демократии.

В действительности народ не является простой совокупностью индивидов, а состоит из семей, хозяйств, иных групп, объединенных территориальными, профессиональными связями и иными организационными началами. Только в небольших сообществах принятие оперативных управленческих решений возможно на сходах граждан.

В больших коллективах единственной формой управления Н. Н. Алексеев считал опосредованную демократию, предполагающую выбор представителей правящей группы исходя из их нравственных и профессиональных качеств. Он полагал, что принцип опосредованной демократии является принципиальным для будущей судьбы России.

Важно, что теоретические построения Н. Н. Алексеева не построены на отрицании советского строя. Напротив, он не только не отрицает всего, что связано с этим государством, но и пытается выявить его жизнеспособные элементы, которые могли бы стать средством для достижения миссии праведного (позднее гарантийного) государства. Он отказался от участия в споре о предпочтительности монархии или республики для России, справедливо полагая, что от формального выбора организации правительственной власти государство не становится справедливым.

Подводя итоги отметим, что отказ от поиска политической идеи, определяющей строение государства, игнорирование этой важной научной работы, замена ее конструированием новых миров приводит только к масштабированию современных проблем и расширению территории «зла».

Разочарование в идеологии евразийства в XX веке не должно привести к забвению трудов мыслителей, пытавшихся в рамках данного проекта научно-обоснованно определить возможные направления развития России, обладающие значительным эвристическим потенциалом.

Особая научная значимость политико-правовых идей русской эмиграции 20-40-х годов XX века состоит в их нацеленности на поиск самостоятельного пути развития России. Они не клеймили, но объективно критиковали, выявляли пороки западноевропейских порядков, и не идеализировали старорусских строй, а осмысленно искали политические идеи для нормального жизнеспособного государства.

Конечно, в своих поисках «русской правды» Н. Н. Алексеев, критиковавший интеллигенцию за ее идеализм, сам не раз оказывался в плену иллюзий о нравственности, к примеру старых московских порядков. Он наивно полагал, что достаточно дополнить старую Московскую правду политической программой, построенной на свободном творчестве русских людей, чтобы признать ее должной национальной идеей, во имя которой можно охранять мир в государстве.

Вместе с тем, построения общих начал преобразования Российского государства, осуществленные Н. Н. Алексеевым, актуальны прежде всего как пример целостной концепции праведного (гарантийного) государства. Он не пытался адаптировать западноевропейскую или старорусскую модель к современности. Н. Н. Алексеев исходил из того, что «перекроенную Россию» сначала надо принять как факт, а затем последовательно совершенствовать в направлении праведной организации государственной власти и сохранения целостности и единства «великого тела» России.

Список источников

1. Палеолог М. Дневник посла. М.: Захаров, 2003. 864с.
2. Алексеев Н. Н. На путях к будущей России (советский строй и его политические возможности) // Русский народ и государство. М., Аграф, 1998. – 640с.
3. Шатковская Т. В., Ларина О. Г. Понятие «собственность» в евразийской правовой концепции Н. Н. Алексеева // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 1. С. 92–98.
4. Шатковская Т. В., Бурмистров С. В. Теория и практика правового нигилизма в России: опыт научной экспликации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 4. С. 15–24.

References

1. Paleolog M. Ambassador's Diary. Moscow: Zakharov, 2003. 864 p. (In Russ.)
2. Alekseev N. N. *On the way to the future Russia (the Soviet system and its political possibilities). Russian people and state.* Moscow: Agraf; 1998. 640 p. (In Russ.)
3. Shatkovskaya T. V., Larina O. G. The concept of "property" in the Eurasian legal concept of N.N. Alekseev. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2020;(1):92–98. (In Russ.)
4. Shatkovskaya T. V., Burmistrov S. V. Theory and practice of legal nihilism in Russia: the experience of scientific explication. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2019;(4):15–24. (In Russ.)

Информация об авторе

Т. В. Шатковская – доктор юридических наук, заведующий кафедрой теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС; профессор кафедры гражданского права РГЭУ (РИНХ).

Information about the author

T. V. Shatkovskaya – Doctor of Juridical Science, Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPa; Professor of Department of Civil Law of Rostov State University of Economics.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 16.02.2023; одобрена после рецензирования 28.02.2023; принята к публикации 01.03.2023.

The article was submitted 16.02.2023; approved after reviewing 28.02.2023; accepted for publication 01.03.2023

Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 40–47
North Caucasus Legal Vestnik. 2023;(1):40–47

Проблемы теории и истории права и государства

Научная статья

УДК 34.01

doi: 10.22394/2074-7306-2023-1-1-40-47

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ОСВЕЩЕНИЯ ПРОБЛЕМ РЕВОЛЮЦИИ И КОНТРРЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

Зарианна Владимировна Соломко

Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия, solzary@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0003-4088-6099>

Аннотация. Актуальность темы видится в том, что в постсоветский период произошло размытие критериев научной реконструкции и оценки проблем революции и контрреволюции в России. Цель работы – спровоцировать критическое осмысление состоявшегося методологического и идеологического поворота. По убеждению автора, обратной стороной реставрации консервативного и праволиберального историко-правового и теоретико-правового дискурса стал необоснованный отказ от принципов диалектического мышления в работах постсоветских авторов и, как следствие, реидеологизация историко-правовой сферы академического знания. Обосновывается идея о том, что современная научная оптика осмысления проблем революции и контрреволюции в России должна включать не только конкретное понимание сущности дореволюционного строя (зависимый периферийный капитализм), но и оценку противоборства революционного движения и царского режима с точки зрения конкретно понятого социального идеала, первые шаги которого в исторической практике нашли отражение в образах высокой культуры.

Ключевые слова: диалектико-материалистический метод, абстрактное и конкретное, идеология, консерватизм, либерализм, революционное движение, контрреформы, дореволюционный правопорядок, зависимый периферийный капитализм, социальный идеал, художественный образ

Для цитирования: Соломко З. В. К вопросу о критериях освещения проблем революции и контрреволюции в России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 40–47. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-1-40-47>

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

ON THE QUESTION OF THE CRITERIA FOR COVERING THE PROBLEMS OF REVOLUTION AND COUNTER-REVOLUTION IN RUSSIA

Zarianna V. Solomko

Russian Academy of Justice, Moscow, Russia, solzary@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4088-6099>

Abstract. The relevance of the theme is seen in the fact that in the post-Soviet period there was a blurring of the criteria for scientific reconstruction and assessment of the problems of revolution and counter-revolution in Russia. The purpose of the work is to provoke a critical reflection on the methodological and ideological turn that has taken place. According to the author, the reverse side of the restoration of the conservative and right-wing liberal historical-legal and theoretical-legal discourse was the unreasonable rejection of the principles of dialectical thinking in the works of post-Soviet authors and, as a result, the re-ideologization of the historical-legal sphere of academic knowledge. The idea is substantiated that the modern scientific optics of understanding the problems of revolution and counter-revolution in Russia should include not only a specific understanding of the essence of the pre-revolutionary system (dependent peripheral capitalism), but also an assessment of the confrontation between the revolutionary movement and the tsarist regime from the point of view of a concretely understood social ideal. The first steps of this ideal in historical practice are reflected in the images of high culture.

Keywords: dialectical materialistic method, abstract and concrete, ideology, conservatism, liberalism, revolutionary movement, counter-reforms, pre-revolutionary legal order, dependent peripheral capitalism, social ideal, artistic image

For citation: Solomko Z. V. On the question of the criteria for covering the problems of revolution and counter-revolution in Russia. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(1):40–47. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-40-47>

Как писать о революции о контрреволюции? Полагаю, что для исследователя, который не поддался соблазнам разного рода неклассических и постклассических дискурсов с их релятивистским принципом «можно и так, а можно и этак» («мели, Емеля») и обладает минимальной культурой мышления, ответ на этот вопрос в общей форме довольно очевиден: мировая наука за тысячелетия своего развития выработала универсальный метод поиска научной истины, универсальный путь истинного мышления – метод диалектики. Универсальность и исключительность диалектики как всеобщего метода познания обуславливается, как известно, тем, что она в концентрированной форме выражает всеобщие законы развития и природы, и общества, и самого мышления.

Важнейшее требование, которое диалектика предъявляет к научному познанию – и в этом вопросе сходятся диалектики-материалисты и диалектики-идеалисты, – конкретность истины, восхождение от абстрактного к конкретному. Георг Гегель в эссе «Кто мыслит абстрактно?» показал убожество абстрактного ума, продемонстрировав, что мышление абстрактно мыслящего человека – это по своей сути мышление недалекой рыночной торговли [1]. Конкретное же мышление воссоздает изучаемое явление во всей целостности, во всей полноте его взаимосвязей.

Как писал один из самых глубоких знатоков марксистской диалектики в советской философии Эвальд Ильенков, восхождение от абстрактного к конкретному – это «последовательное

прослеживание связи частных («абстрактных моментов») друг с другом, объективно выделяющихся в составе целого. Это и есть движение от частного к общему – от частного, понимаемого как частичное, неполное, фрагментарное отражение целого, к общему, понимаемому как общая (взаимная) связь, сцепление этих частных в составе конкретно-определенного целого, как совокупность объективно необходимых и объективно синтезированных различных частей» [2, с. 291]. Необходимым условием «такого движения мысли является неперенное осознание – вначале очень общее и нерасчлененное – того целого, в рамках которого аналитически выделяются его абстрактные моменты. Этим логика Маркса – в качестве диалектической логики – принципиально отличается от логики дурного эмпиризма» [2, с. 291].

Конкретность истины не может быть достигнута, если познающий субъект не опирается на принципы развития (историзма) и всеобщей взаимосвязи, поскольку эти принципы, будучи органической частью диалектики, также отражают универсальные закономерности бытия самого объективного мира, частью которого является и исторический процесс развития государства и права в его эволюционной и революционной форме.

Путь восхождения от абстрактного к конкретному в общественных науках, в том числе в тех, которые принято именовать юридическими, оказывается заблокированным, если исследователь уходит от вопросов об основных детерминантах общественного развития, о том, как в общественном бытии соотносятся материя и сознание, какую роль играет в исторических процессах способ производства материальных благ, распределение в обществе собственности на средства производства и других важнейших социальных капиталов, борьба классовых сил и интересов.

Сложившиеся (или лучше сказать – реставрированные) в постсоветские десятилетия в российской академической юриспруденции консервативный историко-правовой и теоретико-правовой «дискурсы» с тесно примыкающим к ним праволиберальным «полем говорения», как правило, отвергают именно такой – диалектический – способ мышления о революции и контрреволюции – его адепты чаще всего демонстрируют устойчивую приверженность той самой методе мышления, которая и была так иронично изображена Гегелем в уже упомянутом эссе.

Таинственным образом из историко-правовых исследований и теоретико-правовых работ, затрагивающих проблему сущности и закономерностей функционирования дореволюционного государства и права, стали исчезать или вытесняться куда-то на обочину такие понятия, как способ производства материальных благ, эксплуатация, классы, классовая борьба. При этом постсоветские авторы не объяснили конкретно, почему нужно отказываться от диалектики и материализма, не доказали, что диалектика и принцип восхождения от абстрактного к конкретному себя каким-то образом дискредитировали, что не работает историко-материалистический подход, – они просто побежали от диалектико-материалистического анализа, как от чумы.

Получается, нужно просто поверить на слово, что марксизм якобы обнаружил свою несостоятельность и, следовательно, нужно уходить от «идеологизированных» позиций советской науки в некую «объективность», которая в действительности оказывается или набором оторванных от жизни абстракций, или реконструкцией право-консервативного или либерального мифа о дореволюционной и советской истории государства и права – «исторической России, которую мы потеряли» и на смену которой пришел «тоталитарный» / «неправовой» советский строй.

Отвергнув перспективу рассмотрения историко-правовых сюжетов с точки зрения диалектики и восхождения от абстрактного к конкретному, современные неоконсерваторы и некоторые представители либерального лагеря так «опростились», что находят возможным брать за главный или даже единственный критерий оценки исторических деятелей и движений пресловутую «законность» и идеологию «правового государства», причем в наиболее выхолощенном позитивистском виде: оказывается, что если революционеры, представители освободительного движения нарушали те или иные дореволюционные законы, то на них можно навесить ярлык «экстремисты», «террористы», «радикалы» и утверждать, что самодержавный режим действовал в своем праве, когда обрушивал на их головы мощь своей репрессивной машины, включая весь комплекс чрезвычайных мер. Политика царской власти

трактуются как не входившая в противоречие с направлением цивилизованного «правового развития», как такой самобытный путь становления «правового государства», который в конце концов эволюционным способом должен был вывести страну на «столбовую дорожку» мировой истории, – путь, с которого Россию преступным образом увели злодеи-большевики во главе с Лениным. К примеру, подобным пафосом проникнуто творчество правоведа А. Н. Верецагина, в том числе его недавно вышедшая монография о дореволюционном Сенате [3–5].

Еще один довольно известный историк права Н. И. Биюшкина так характеризует политику Александра III: «... комплекс правительственных мероприятий 1881-1895 гг., направленных на восстановление законности и правопорядка, экономического благосостояния и социальной стабильности в стране, представляет собой отнюдь не откат к патриархальной феодальной России, но коррекцию либерального курса Александра II с учетом сложившейся социально-экономической, политико-правовой ситуации в России на рубеже 70-80-х гг. XIX в.» [6, с. 211]. По мнению Н. И. Биюшкиной, необходимость именно в таком курсе, который проводил Александр III, обуславливалась тем, что в «предкоррекционный период» Россия была ввергнута в «пучину» терроризма, которая «оказывала парализующее воздействие на общество и государство и тем самым препятствовала нормальному функционированию их институтов» [6, с. 212]. Здесь, как и во многих других текстах представителей неоконсервативного направления, воспроизводится одна и та же довольно абстрактная схема: «правомерные» действия властей – своего рода самооборона – противопоставляются разгулу «революционного террора», участники которого оказываются какими-то бесами в духе Достоевского.

Тот факт, что в честной западной юридической науке сами буржуазные концепты «законности» и «правового государства» («правления права») давно рассматриваются как «фиговый лист» мейнстримной юридической идеологии [7–9], неоконсерваторами и либералами упорно игнорируется. Игнорируется апологетами дореволюционного «правового строя» и тот несомненный и давно доказанный факт, что разгул революционного террора к моменту начала контрреформ Александра III – это выдумки охранителей и что террор был спровоцирован репрессивной политикой самой власти, которая не считалась с народными нуждами и действовала в логике «шаг вперед – два шага назад». «Всего же за 6 лет своей “кровавой оргии” (1879–1884), – писал Н. А. Троицкий, – народовольцы казнили 6 (шесть) человек: императора Александра II, шефа тайной полиции Г.П. Судейкина, военного прокурора В. С. Стрельникова, двух шпионов (С. И. Прейма и Ф. А. Шкрябу) и одного предателя (А. Я. Жаркова). Во всех этих террористических актах, вместе взятых (включая 8 покушений на царя), участвовали 20 рядовых народовольцев, известных нам поименно, плюс члены и агенты ИК (всего – 36), которые, однако, занимались не столько террористической, сколько пропагандистской, агитационной, организаторской, издательской и прочей деятельностью. Между тем, за участие в делах “Народной воли” только с 1880 по 1884 гг. были репрессированы, по официальным данным, не менее 10 тыс. человек» [10].

Для создания благостной картины становления правового государства используется незатейливый способ «скрывать, показывая»: привлекают внимание к тем сюжетам, где суды воздерживались от двойных стандартов и следовали закону, но деликатно умалчивают об обратной практике, которая была распространена широко и повсеместно. Восхищаясь профессиональным и объективным правосудием по гражданским делам, где отсутствовал интерес государства и сутяжничали, как правило, примерно равные по своему статусу дворяне или буржуа, такой восторженный консерватор предпочитает обходить стороной, скажем, проблему правоприменительного произвола в волостных судах или в военных судах против гражданских лиц, ничего не хочет слышать про благосклонность юстиции к черносотенцам, погромщикам и провокаторам. Но чего стоит такая научная скрупулезность, когда, условно говоря, под лупой рассматривается каждая пуговица на мундире сенаторов, но при этом автор в упор не видит, что эти сенаторы лобызались с черносотенцами и сами ранее секли «жидов» и крестьян во время вымышленных бунтов? Ранее мне уже приходилось писать о том, что сама по себе идея о существовании в пореформенной России «правового строя» и становлении «правового государства» была мифом [11].

Скорбят консерваторы по высокопоставленным жертвам «террористических актов» народовольцев, рассуждают о «незаконности» вердикта по делу Веры Засулич, но молчат о загубленных жизнях рабочих и крестьян, счет которым шел на миллионы (если не забывать об использованных в качестве «пушечного мяса» на фронтах Русско-японской и Первой мировой войн), остаются равнодушны к судьбе десятков тысяч мирных пропагандистов, которые подвергались репрессиям и лишались жизни или здоровья в царских застенках.

Консерваторы пытаются убедить нынешнее общественное сознание в том, что царская власть хотела идти и шла эволюционным путем по пути прогресса, а революционеры ее провоцировали на эскалацию и репрессии. Однако исторические факты указывают на обратное: хоть сколько-нибудь заметные либеральные реформы, не говоря уже о таких шагах, как отмена крепостного права или «дарование» Манифеста 17 октября 1905 г., происходили только под давлением «снизу». Как только это давление ослабевало или власти удавалось путем репрессий подавить сопротивление народа – тут же происходил откат и выхолащивание реформ. Вспомним хотя бы железобетонную установку Александра III по вопросу конституционного правления: «Конституция? Чтоб русский царь присягал каким-то скотам?» [12, с. 299]. Характеризуя тот политический порядок, который установился после столь удачных «коррекционных» (в понимании наших консерваторов) мероприятий Александра III, ярый антикоммунист Р. Пайпс, писал: «“Государство” с тех пор понималось как царь и его чиновники, а внутренняя политика стала означать защиту оных от поползновений со стороны общества» [13, с. 398].

Еще пара красноречивых фактов, о которых напоминал Н. А. Троицкий и совсем не любят вспоминать те, кто теперь находят возможным навешивать на этого блестящего историка ярлыки и таким образом отмахиваться от его работ. На всеподданнейшем докладе об очень низкой грамотности в Тобольской губернии Александр III начертал резолюцию: «И слава Богу!» [12, с. 328]. Его же резолюция на судебном показании крестьянки М. А. Ананьиной о том, что ее сын хотел бы учиться в гимназии, гласила: «Это-то и ужасно, мужик, а тоже лезет в гимназию!» [12, с. 327]. Благодаря такой политике в сфере образования, со всей откровенностью сформулированной в знаменитом «циркуляре о кухаркиных детях» 1887 г., к концу царствования Александра III Россия имела 80 % неграмотного населения [12, с. 6].

Современных апологетов дореволюционного правопорядка, по всей видимости, несколько не смущает, что в якобы формировавшемся «правовом государстве», по оценкам самих властей, за период действия Положения от 14 авг. 1881 г. выросло «целое поколение, которое не видало иного порядка поддержания общественного благоустройства и только по книгам» знало «об общих законах Российской империи» [14, с. 415], что крестьянин, как однажды точно подметил депутат третьей Думы М. Д. Чельшев, был допущен в земские учреждения «только для запаха» [14, с. 535], что вплоть до 1917 г. действовало сословное правосудие, а вплоть до Февральской революции в деревне сохранялась власть земских начальников – «излюбленных детей произвола», как их называл А. Ф. Кони.

Дурным тоном считается задавать вопросы о том, куда зашла и обречена была идти в перспективе страна с такой «законностью» и с таким представлением о цивилизованном развитии, – а ведь это принципиальный и один из важнейших в методологическом отношении вопросов: это одна из важнейших составляющих той самой «целостности», в свете которой, с точки зрения диалектики, и надлежит давать исторические оценки действиям революционеров и той власти, с которой они боролись.

Полагаю, – и мне уже тоже приходилось неоднократно об этом писать, – что наиболее конкретный ответ на этот вопрос дает современная марксистская теория глобального классового общества: дореволюционная Россия шла по пути зависимого периферийного капитализма и не имела никаких шансов «догнать Запад», то есть трансформироваться в государство ортокапиталистического (термин Ю. И. Семенова) типа. Существует целый массив заслуживающих полного доверия работ (А. Анфимов, И. Дойчер, А. Л. Сидоров, Б. Кагарлицкий, И. Маевский и др.), в которых доказано, что в конце XIX – начале XX вв. усугублялось технологическое отставание России от наиболее развитых стран и сформировалась критическая экономическая зависимость российской экономики от западного капитализма: Россия постепенно

превращалась в полуколонию. Отсюда – удвоенная эксплуатация производительного населения страны. Политической формой такого общества рано или поздно становится жесткий авторитарный режим, возможно даже фашистского типа, с компрадорской властью во главе.

И этой судьбы стране удалось избежать в начале XX в. только благодаря освободительному движению, прежде всего – благодаря большевикам. К 1917 году царский режим стал банкротом – и никто, кроме большевиков, не смог вывести страну из глубочайшего кризиса, в который ее затащили царские бюрократы и паразитический господствующий класс – не без помощи своей «законности», которая так мила сердцу нынешних консерваторов. Октябрьская революция совершила небывалое.

Лучшие умы человечества были правы, когда доказывали, что научная истина не может соответствовать своему понятию, если она не соединяется с моралью и художественными образами в некоем социальном идеале – целостном единстве истины, добра и красоты. Этот социальный идеал – явленная в ее конкретном виде (в той мере, в какой эта конкретность достижима на данном этапе исторического развития) новая норма социального бытия, неизбежно входящая в противоречие с наличной действительностью, отрицающая эту действительность.

К. П. Краковский, инициировавший эту дискуссию на страницах «Северо-Кавказского юридического вестника», обращается к идее Гегеля о всемирной истории как «прогессе в сознании свободы» и приходит к выводу, что в качестве «общего мерила» для оценки исторических событий и деятелей, в том числе действий русских революционеров и царской власти, может быть принята такая ценность, как свобода: «Революционеры, как бы к ним кто не относился, как ни крути, борцы за свободу. Соответственно, государство, их подавляющее – противодействует движению общества к свободе...» [15, с. 157].

Однако думаю, что абстрактно понятая свобода – плохой помощник в деле таких оценок: нетрудно догадаться, что в представлении царской власти и тех, кто идеологически обосновывал необходимость контрреформенной политики и жестких репрессий против народа и революционного движения, проводимая царизмом политика вполне могла согласовываться с идеей продвижения по пути «свободы», точно так же, как великий диалектик Гегель не имел в этом отношении претензий к прусской монархии Фридриха II. Поэтому идеал свободы как критерий исторических оценок должен иметь какие-то более конкретные очертания.

И здесь нельзя не обратить внимания на то, что лучшие представители российской и мировой культуры – современники контрреформ и последовавших революционных событий в России – заняли в этом противостоянии между властью и народом, правительством и революционерами совсем не ту сторону, которую сейчас занимают певцы «утраченной исторической России».

«Рубеж века, – писал Шаламов, – был расцветом столетия, когда русская литература, философия, наука, мораль русского общества были подняты на высоту небывалую. Все, что накопил великий XIX век нравственно важного, сильного, – все было превращено в живое дело, в живую жизнь, в живой пример и брошено в последний бой против самодержавия. Жертвенность, самоотречение до безымянности – сколько террористов погибло, и никто не узнал их имена. Жертвенность столетия, нашедшего в сочетании слова и дела высшую свободу, высшую силу. Начинали с “не убий”, с “Бог есть любовь”, с вегетарианства, со служения ближнему. Нравственные требования и самоотверженность были столь велики, что лучшие из лучших, разочаровавшись в непротивлении, переходили от “не убий” к “актам”, брались за револьверы, за бомбы, за динамит» [16, с. 237–238].

И в этом революционном движении, которому горячо сочувствовали такие люди, как Л. Толстой, В. Короленко, А. Франс, М. Твен, стали различимы первые шаги того социального идеала, который впервые когда-то был сформулирован в раннем христианстве, а затем получил наиболее конкретное теоретическое развитие в марксизме. Самый талантливый российский поэт Серебряного века, Александр Блок, в поэме «Двенадцать» создал лучший художественный образ этого великого исторического поворота. И значение этого поворота намного масштабнее, чем может представляться с узко-прагматической точки зрения буржуазной историографии.

«Октябрьская революция, – писал М. Лифшиц, – со всеми ее испытаниями, со всеми ее противоречиями и со всей суровостью того пути, который пришлось пройти нашему народу, больше двинула человечество, чем гуманные речи мирных социалистов. Если на другой день после Октября не совершилась мировая революция, которую исступленно ждали массы среди гражданской войны и разрухи, то совершилась мировая реформа, и это было побочным результатом неслыханных жертв, принесенных нашим народом для общего дела социализма» [17]. Если закрывать глаза на эту истину, давая оценку «старому режиму» и тем, кто сделал главным делом своей жизни борьбу с ним, то воссозданная историческая картина окажется весьма превратной и пошлой.

Если анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны, то коммунистический идеал, в том числе в своем реальном движении, в своем явленном виде – том, который сумели различить, например, Александр Блок, Кузьма Петров-Водкин и Андрей Платонов, – это ключ к пониманию истории всех революций и контрреволюций Нового и Новейшего времени. Чуткий к этой диалектике Чайна Мьевиль именно в таком духе пишет о русской революции в своей книге «Октябрь» [18], продолжая традицию таких лучших представителей западной культуры XX века, как Г. Лукач и П. Пазолини. С такой оптикой встречается читатель и в работах таких исследователей, как Николай Алексеевич Троицкий, Владлен Терентьевич Логинов, – именно поэтому их тексты будут жить – в отличие от текстов тех ученых мужей, которые смотрят на революцию взглядом испуганного обывателя, или тех, кто сознательно – в идеологических целях – раздувает миф о «потерянной исторической России» и якобы формировавшемся в царской России цивилизованном «правовом государстве». Последние если и войдут в историю, то только как духовные наследники главного героя повести А. Н. Толстого «Похождения Невзорова, или Ибикус» или карикатурного булгаковского профессора Преображенского, который в пылу демагогического разглагольствования поведал миру в лице собаки Шарика и доктора Борменталья выстраданную истину своей жизненной философии: «Городовой! Это и только это. И совершенно неважно – будет ли он с бляхой или же в красном кепи» [19].

Список источников

1. Гегель Г. В. Ф. Кто мыслит абстрактно? // Вопросы философии. 1956. № 6. С. 138-140.
2. Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М.: РОССПЭН, 1997. 464 с.
3. Верещагин А. Расцвет и гибель юридического сословия Российской империи. Режим доступа: <https://legal.report/rascvet-i-gibel-yuridicheskogo-sosloviya-rossijskoj-imperii/> (дата обращения: 26.02.2023).
4. Верещагин А. Главные судьи Российской империи. Режим доступа: <https://legal.report/glavnye-sudi-rossijskoj-imperii/> (дата обращения: 26.02.2023).
5. Верещагин А. Н. Кассационный Сенат (1866-1917). Очерки устройства и деятельности верховного суда Российской Империи. М.: Издательская группа «ЗАКОН», 2022. 616 с.
6. Биюшкина Н. И. К вопросу о понятии контрреформ 80-90-х гг. в России // Российский юридический журнал. 2011. № 5(80). С. 209-215.
7. Fine B. Democracy and the rule of law. Liberal ideals and Marxist critiques. London and Sydney: Pluto Press, 1984; VIII, 341 p.
8. Picciotto S. The theory of state, class struggle and the rule of law. In P. Beirne & R. Quinney (Eds.), *Marxism and law*. New York: John Wiley & Sons, 1982; P. 169-180.
9. Horwitz M. J. The rule of law: An unqualified human good? *Yale Law Journal*. 1977;86(3);561-566.
10. Троицкий Н. А. За что я люблю народовольцев? Режим доступа: https://sceptis.net/library/id_719.html (дата обращения: 04. 03. 2023).
11. Соломко З. В. «Правый суд» в России конца XIX – начала XX века, или Миф об утраченной законности // Genesis: исторические исследования. 2018. № 1. С. 46–59. DOI: 10.25136/2409-868X.2018.1.24233
12. Троицкий Н. А. Россия в XIX веке: Курс лекций. М.: Высшая школа, 1999. 431 с.
13. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. 427 с.
14. Краковский К. П., Соломко З. В. История суда и правосудия в России. Т. 5. М.: Норма, 2020. 696 с.

15. Краковский К. П. Размышления о судьбах кассационного суда в пореформенной России, спровоцированные книгой А. Н. Верещагина «Кассационный сенат. (1866-1917). Очерки устройства и деятельности верховного суда Российской Империи». (М.: Издательская группа «Закон», 2022. – 616 с.) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 4. С. 146-159.
16. Шаламов В. Золотая медаль // Шаламов В. Колымские тетради. М.: Эксмо, 2005. С. 234-263.
17. Лифшиц М. А. Нравственное значение Октябрьской революции. Режим доступа: https://kritikaprava.org/library/85/nravstvennoe_znachenie_oktyabrskoj_revolyutsii (дата обращения: 27.02.2023).
18. Мьевиль Ч. Октябрь. М.: Издательство «Э», 2017. 480 с.
19. Булгаков М. Собачье сердце. М.: РИПОЛ классик, 2021. 154 с.

References

1. Hegel G. V. F. Who thinks abstractly? *Questions of Philosophy*. 1956;(6):138-140. (In Russ.)
2. Ilyenkov E. V. *The dialectics of the abstract and the concrete in scientific-theoretical thinking*. Moscow: ROSSPEN; 1997. 464 p. (In Russ.)
3. Vereshchagin A. *The heyday and death of the legal estate of the Russian Empire*. Available from: <https://legal.report/rascvet-i-gibel-yuridicheskogo-sosloviya-rossijskoj-imperii/> (In Russ.)
4. Vereshchagin A. *Chief judges of the Russian Empire*. Available from: <https://legal.report/glavnye-sudi-rossijskoj-imperii/> (In Russ.)
5. Vereshchagin A. N. *The Senate of Cassation. (1866-1917). Essays on the structure and activities of the Supreme Court of the Russian Empire*. Moscow: Publishing Group «Law»; 2022. 616 p. (In Russ.)
6. Biyushkina N. I. To the question of the concept of counter-reforms in the 80-90s. in Russia. *Russian Legal Journal*. 2011;5(80):209-215. (In Russ.)
7. Fine B. *Democracy and the rule of law. Liberal ideals and Marxist critiques*. London and Sydney: Pluto Press; 1984. VIII, 341 p.
8. Picciotto S. The theory of state, class struggle and the rule of law. In P. Beirne & R. Quinney (Eds.), *Marxism and law*. New York: John Wiley & Sons; 1982. P. 169-180.
9. Horwitz M. J. The rule of law: an unqualified human good? *Yale Law Journal*. 1977; 86(3):561-566.
10. Troitsky N. A. *Why do I love the participants of «Narodnaya Volya»?* Available from: https://sceptis.net/library/id_719.html (In Russ.)
11. Solomko Z. V. Russian «righteous court» in the late 19th – early 20th century, or The myth of the lost legality. *Genesis: Historical Researches*. 2018;(1):46-59. DOI: 10.25136/2409-868X.2018.1.24233 (In Russ.)
12. Troitsky N. A. *Russia in the 19th century: a course of lectures*. Moscow: Higher school; 1999. 431 p. (In Russ.)
13. Pipes R. *Russia under the old regime*. Moscow: Nezavisimaya gazeta; 1993. 427 p. (In Russ.)
14. Krakovsky K. P., Solomko Z. V. *The history of court and justice in Russia*. Vol. 5. Moscow: Norma, 2020; 696 p. (In Russ.)
15. Krakovskiy K. P. Reflections on the fate of the Court of Cassation in post-reform Russia, provoked by A. N. Vereshchagin's book «The Senate of Cassation. (1866-1917). Essays on the structure and activities of the Supreme Court of the Russian Empire» (Moscow: Publishing Group «Law», 2022. – 616 p.). *North Caucasian Legal Vestnik*. 2022;(4):146-159. (In Russ.) DOI: 10.22394/2074-7306-2022-1-4-146-159
16. Shalamov V. Gold medal. In V. Shalamov, *Kolyma notebooks*. Moscow: Eksmo; 2005. P. 234-263. (In Russ.)
17. Lifshits M. A. *The moral significance of the October Revolution*. Available from: https://kritikaprava.org/library/85/nravstvennoe_znachenie_oktyabrskoj_revolyutsii (In Russ.)
18. Miéville Ch. *October*. Moscow: Publishing house «Э»; 2017. 480 p. (In Russ.)
19. Bulgakov M. *The heart of a dog*. Moscow: RIPOL classic; 2021. 154 p. (In Russ.)

Информация об авторе

З. В. Соломко – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия.

Information about the author

Z. V. Solomko – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Theory of Law, State and Judicial Power of the Russian Academy of Justice.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 04.03.2023; одобрена после рецензирования 13.03.2023; принята к публикации 14.03.2023.

The article was submitted 04.03.2023; approved after reviewing 13.03.2023; accepted for publication 14.03.2023.

К ВОПРОСУ О МИРОВОЗЗРЕНИИ КАК ДУХОВНО-ПРАКТИЧЕСКОМ СПОСОБЕ ОСВОЕНИЯ МИРА

Мухарби Жумальдинович Хачеритлов¹, Хажмурат Лионович Кушхов²

^{1,2}Кабардино-Балкарский государственный университет, Нальчик, Россия

¹Mkhacheritlov54@mail.ru   ²khajmurat@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу мировоззрения как явления духовной жизни общества и личности, как способа духовно-практического освоения и преобразования окружающего человека природного и социального мира. Проводится мысль о том, что мировоззрение не сводимо ни к отдельной форме общественного сознания, ни к совокупности форм последнего, что оно не «рядовой» элемент в структуре общественного и индивидуального сознания, а ведущее интегрирующее начало в них.

Ключевые слова: общественное сознание, духовная жизнь, идеология, юридическое мировоззрение, мировоззренческая культура, образование

Для цитирования: Хачеритлов М. Ж., Кушхов Х. Л. К вопросу о мировоззрении как духовно-практическом способе освоения мира // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 48–55. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-1-48-55>

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

ON THE QUESTION OF WORLDVIEW AS A SPIRITUAL AND PRACTICAL WAY OF MASTERING THE WORLD

Mukharbi Zh. Khacheritlov¹, Khajmurat L. Kushkhov²

^{1,2}Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia

¹Mkhacheritlov54@mail.ru   ²khajmurat@yandex.ru

Abstract. The article is dedicated to analyze the worldview as a phenomenon of the spiritual life of society and individuals, as a way of spiritual and practical development and transformation of the natural and social world. It states that worldview cannot be reduced to any distinct form of social consciousness or to a combination of those forms, that it is not an average element in the structure of social or individual consciousness, but an integrating beginning of it.

Keywords: social consciousness, spiritual life, ideology, legal worldview, worldview culture, education

For citation: Khacheritlov M. Zh., Kushkhov Kh. L. On the question of worldview as a spiritual and practical way of mastering the world. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(1):48–55. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-1-48-55>

Человек всегда стремился создать целостный образ окружающего мира, найти свое место в этом мире, а значит, ставить и решать так называемые «вечные» вопросы о смысле жизни, о добре и зле, об истине и справедливости. В истории общественной мысли такое стремление к созданию целостного представления о мире, в зависимости от конкретно-исторической эпохи, выражалось в понятиях «мифы», «мифология», «религия», «философия» и т.д.

Понятие «мировоззрение» впервые стали употреблять в немецкой философской литературе конца XVIII – начале XIX века, и ввел его в обращение И. Кант в 1790 г. в работе «Критика способности суждения». Немногим позже, в 1792 г. это понятие встречается в работах И. Г. Фихте, который не только употребляет термин «мировоззрение», но и оперирует им, отличая от пассивно-созерцательной «картины мира» [1, с. 7].

Анализ социальных фактов, событий и процессов предполагает определенный социально-исторический контекст и соответствующее интеллектуальное течение, в рамках которых осуществляется научное исследование.

Совершенно не случайно, что выделение мировоззренческой проблематики происходило в эпоху Просвещения и предшествующей ей, короткой по историческим меркам эпохи Возрождения или Гуманизма. Эпохи, оставившей глубокий след в социально-политическом, интеллектуальном и духовно-нравственном развитии западноевропейской цивилизации.

Актуализация обозначенной проблематики была обусловлена рядом факторов. Во-первых, это связано с возникновением капиталистических общественных отношений, с победой нового общественно-политического (буржуазного) строя, сменившего изжившие себя феодально-крепостнические порядки. Во-вторых, с процессом дифференциации общественного сознания, прогрессирующим обособлением, выделением из некогда единой философско-теоретической области отдельных научных дисциплин и духовных явлений, мировоззрения в частности. Данный процесс привел к тому, что обнаружилась общность мировоззренческих проблем в разных формах сознания: философии, религии, искусстве, науках, морали и т. д.

Все это вызвало потребность в выделении нового духовного феномена, который давал бы целостное представление о мире, служило бы формой самосознания личности, социальных групп, общества в целом и в то же время исполняло бы роль внутреннего регулятора совокупного поведения людей. Именно данное явление было обозначено как мировоззрение.

Ф. Энгельс характеризует эпоху раннебуржуазного общества как эпоху перехода от теологического к юридическому мировоззрению: «Религиозное знамя развевалось в последний раз в Англии в XVIII веке, а менее пятидесяти лет спустя новое мировоззрение выступило во Франции уже без всяких прикрас, и это юридическое мировоззрение должно было стать классическим мировоззрением буржуазии... Место догмы, божественного права заняло право человека, место церкви заняло государство. Экономические и общественные отношения, которые ранее... считались созданием церкви и догмы, представлялись теперь основанными на праве и созданными государством» [2, с. 495].

На смену теологическому приходит светское «юридическое мировоззрение», ядром которого выступало буржуазное право.

Раскрывая природу юридического мировоззрения как основы духовной жизни возникшего в Европе буржуазного общества, Ф. Энгельс писал: «Тот факт, что борьба этого нового восходящего класса против феодалов должна была стать политической борьбой за обладание государственной властью и вестись за правовые требования, – этот факт способствовал упрочению юридического мировоззрения» [2, с. 496].

Известна высокая оценка Ф. Энгельсом римского частного права: «римское право является настолько классическим юридическим выражением жизненных условий и конфликтов общества, в котором господствует чистая частная собственность, что все позднейшие законодательства не могли внести в него никаких существенных улучшений» [3, с. 412].

Буржуазное мировоззрение К. Маркс характеризовал как «мировоззрение своекорыстия», как «логику своекорыстия», выражающее интерес собственника, и этот интерес должен стать «направляющей душой» всего государственного механизма [4, с. 139-142, 160]. Существо юридическое мировоззрения состояло в утверждении фундаментальной роли правовых отношений в обществе, в трактовке общества как законодательно закрепленного правопорядка, а общественного человека в качестве субъекта права.

Изложенная в общих чертах диалектико-материалистическая трактовка юридического мировоззрения Ф. Энгельсом трактуется в научной литературе «в так называемом узком смысле, а именно, как только буржуазное (и по происхождению, и по сущности) мировоззрение», что соответствует, на наш взгляд, сущности и содержанию данного понятия. Однако есть и другие подходы. Утверждается, к примеру, что «значительно большую эвристическую ценность имеет «широкий (плюралистический) подход к пониманию юридическое мировоззрения, в рамках которого оно определяется в качестве идейного ядра, аксиологической основы правового сознания вообще, начиная с личности, социальных групп и этносов, общества в целом» и т. д. [5, с. 113-117]; говорят

о тенденциях «ренессанса» юридического мировоззрения вопреки его ограниченности, обусловленной, по Марксу, «юридическими иллюзиями», что привело еще в XIX веке к смене «юридического мировоззрения» «историческим мировоззрением» [6, с. 107–118].

Безусловно, и право, и государство (государственность) относятся к великим достижениям цивилизации и культуры. Поэтому вряд ли оправдано какое-либо принижение, тем более отрицание исторической роли и значения права и государства, как в прошлом, так и в настоящем. Речь идет о другом.

Во-первых, юридическое мировоззрение и в современном обществе, умышленно именуемом идеологически нейтральными эпитетами как-то: «постиндустриальное», «технотронное», «информационное», остается по своей природе «юридическим выражением жизненных условий и конфликтов общества, в котором господствует чистая частная собственность», товарного производства и сопутствующих ему конкуренции за рынки сбыта и источники сырья и т.д. С тем отличием, что информация в современном мире стала также товаром, как и все, что производится для продажи и покупки.

Во-вторых, правовое сознание, правовая культура, юридическое мировоззрение ограничены правовой сферой жизни общества, миром права, к которому не сводится окружающий человека природный и социальный мир.

Поэтому представляется оправданным рассматривать данные социальные явления в более широком контексте. А именно в рамках мировоззрения как феномена духовной жизни исторически конкретного социума и принадлежащего ему индивида, мировоззрения как духовно-практического способа освоения природного и социального мира человеком.

Отечественная социально-гуманитарная наука советской эпохи уделяла пристальное внимание проблематике мировоззрения и его формированию в соответствии с господствовавшей идеологией, обогатила понятийный ряд его анализа такими категориями как, «духовная жизнь общества» «мировоззренческая деятельность», «мировоззренческий процесс», «мировоззренческая потребность», «мировоззренческая культура» и др.

Обозначим определенное видение и понимание природы мировоззрения посредством краткого обзора научных публикаций, в которых ставится и решается данная проблема

Среди первых авторов, обративших внимание на формирование мировоззрения у подрастающего поколения, можно назвать В. П. Рожина, С. М. Ковалева, А. С. Агароняна и др. [7–11]. Примечательно что, география соответствующих публикаций была представлена разными союзными республиками, входившими в СССР [11–13]. Особенно плодотворно и целенаправленно работали по данной проблеме украинские ученые [14–24]. Тем более удивительно, что произошло и происходит в настоящее время в некогда процветавшей УССР за два-три десятилетия после получения «незалежності» и радикальной насильственной смены мировоззренческих, идеологических, политических и духовно-нравственных ориентиров. Это наглядный пример навязывания ложных, чуждых большинству населения, антигуманных идей и ценностей и их пагубных, разрушительных последствий для народа и его государства.

Мировоззрение в системе общественного сознания

Отечественные обществоведы интенсивно исследовали вопросы структуры, состава, соотношения компонентов общественного сознания [25–27]. Важно отметить, что знакомство с литературой по данной проблеме приводит нас к выводу: авторы, исследовавшие общественное сознание, традиционно не выделяли мировоззрение как элемент общественного сознания. Мировоззрение «растворялось» или в обыденном сознании и общественной психологии, или в идеологии и совокупности форм общественного сознания [28].

К примеру, в философской энциклопедии давалось следующее определение мировоззрения: «Мировоззрение – обобщенная система взглядов человека на мир в целом, на место отдельных явлений в мире и на свое собственное место в нем, понимание и эмоциональная оценка человеком смысла его деятельности и судеб человечества, совокупность, научных, философских, политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических убеждений и идеалов людей» [29, с. 454].

Обратим внимание в данном определении на то, что мировоззрение состоит не просто из знаний, а из убеждений, что существенно для характеристики мировоззрения, к чему еще вернемся. В данном случае мировоззрение не отличается от общественного сознания, поскольку первое сводится к совокупности форм последнего. Различные формы сознания могут подразделяться не только по отражаемым ими объектам, но и по целям субъекта, ради осуществления которых он вырабатывает соответствующие формы сознания.

«Когда речь идет о различных формах общественного сознания, а не знания, то главным критерием как раз выступает отношение человека, его цели, с которыми он подходит к отражаемому объекту, способ использования знания для реализации этих целей», – писал П. В. Копнин [30, с. 349]. Особенностью мировоззрения является то, что оно существует и проявляет себя не наряду с другими духовными факторами, воздействующими на поведение, а как интегрирующий остальные факторы генеральный регулятор всего поведения, обеспечивающий его единство.

Таким образом, мировоззрение не сводимо ни к отдельной форме общественного сознания, ни к совокупности форм последнего. Оно обладает относительной самостоятельностью. Взаимоотношения мировоззрения и формообразований общественного сознания можно рассматривать как взаимоотношения общего отдельного. В каждой форме общественного сознания специфически проявляется общее; если мировоззрение не может существовать вне философии, науки, права, морали и других форм сознания, то они, в свою очередь, органически связаны с мировоззрением как общим объединяющим началом [31, с. 18].

Представляется, что данный подход наиболее адекватно отражает соотношение мировоззрения и различных форм общественного сознания, поскольку они – духовные явления не однопорядковые, формообразования сознания не существуют «рядом» или параллельно с мировоззрением, оно «пронизывает» их, связывая воедино. И такое единство и целостность общественного сознания зависит от характера самого мировоззрения, кто выступает его субъектом, чьи интересы, потребности оно выражает, насколько глубоко и последовательно оно отражает объективную реальность – природную и социальную.

Следует отметить, что при анализе такого сложного явления, каковым является общественное сознание и его формообразования самый совершенный аппарат, самый тонкий инструментарий – это всего лишь начало, так как его надо «погрузить» в «живое тело» – духовную жизнь, мировоззрение и ценностные ориентации человека.

Мировоззрение часто определяется в литературе с помощью таких метафор, как: «ядро», «сердцевина», «сплав», «квинтэссенция», «состояние» общественного и индивидуального сознания. Перефразируя известное суждение, можно утверждать, мировоззрение есть «концентрированное» выражение сознания – как общественного, так и индивидуального. Тем самым схвачена еще одна существенная сторона мировоззрения – то, что оно не рядовой элемент в структуре сознания общества и личности, а ведущее, интегрирующее начало в них.

Определенным продвижением в познании феномена мировоззрения его сущности, структуры, функции и т. д. можно рассматривать его исследование в контексте категории «духовная жизнь общества», что выходит за пределы нашего анализа и заслуживает отдельного внимания и творческих усилий. Заметим только, что духовную жизнь общества обычно рассматривают как ту область бытия, в которой объективная реальность дается людям не в форме противостоящей предметной действительности, а как реальность, присутствующая в самом человеке, являющаяся неотъемлемой частью его личности. Духовная жизнь человека возникает на основе его практической деятельности, является особой формой отражения окружающего мира и средством взаимодействия с ним. К духовной жизни относят, как правило, знания, веру, чувства, переживания, потребности, способности, стремления и цели людей. Взятые в единстве они составляют духовный мир личности [32–37].

Сущность и структура мировоззрения как духовно-практического освоения мира

Мировоззрение как духовное явление настолько связано со своим субъектом-носителем, что можно утверждать: каково мировоззрение, таков и человек, класс, общество, которые выступают его носителями. Поэтому когда говорят о духовной жизни, духовном мире, речь должна идти не столько об отражении, что схвачено понятием «общественное сознание»,

сколько о субъекте духовной жизни, который осуществляет духовное производство, удовлетворяет свои духовные потребности, вступает в духовные отношения и постоянно переживает определенные психические состояния, т.е. живет духовно [38, с. 38].

В настоящее время различные аспекты, стороны мировоззрения как целостного духовного образования получили всесторонне освещение в научной литературе. Это относится к общественной психологии, политической, правовой, нравственной, эстетической, а в последнее время – и экологической культуре личности.

К великому сожалению, этого нельзя утверждать в отношении идеологии как одного из существенного и необходимого компонента триады, образующей единство и целостность общественного сознания – идеологии, науки и социальной психологии. Названные компоненты находятся во внутренней взаимосвязи и взаимодействии, обуславливают фундамент духовной структуры общества, определяют характер всей духовной жизни. Ведущей стороной в содержании духовной жизни общества выступает идеология и идеологические отношения, выражающие в наибольшей мере специфику духовных процессов в обществе, их мировоззренческую, идеологическую направленность и национальный характер.

Духовного вакуума не бывает в жизни и социума, и индивида. Отказавшись от определенной идеологии, установив запрет на всякую государственную идеологию де-юре, «отцы-основатели» действующей Конституции РФ, хоть с существенными поправками, принятыми в 2020 г., но недостаточными, на наш взгляд, де-факто обезоружили духовно весь российский народ. Тем самым ввергли его в пучину официально не афишируемой, но чуждой для большинства нашего населения идеологии и мировоззрения «общества потребления», лишили его высоких духовно-нравственных ориентиров. Наглядное подтверждение «простой истины» – суждения о том, что «кто не имеет своей идеологии (или отказывается от нее), будет иметь чужую идеологию»!

Запрет государственной идеологии на конституционном уровне означает на практике отказ от одной из существенных и необходимых всему обществу функций публичной власти, каковой является всякое государство – идеологической функции как одного из важнейших направлений деятельности государства, его воздействия на ход и направленность общественного развития. Следует отметить, что данная «архиважная» проблема осознается и глубоко переживается думающей, прежде всего не только о себе, части интеллигенции и рядовыми гражданами. Об этом свидетельствуют многочисленные научные публикации и обращения к главе государства (показательно в этом отношении Открытое письмо Президенту РФ В. В. Путину от Г. Н. Фурсей [39]).

Поскольку различные стороны мировоззрения в реальной жизни социума и личности находятся в тесной взаимосвязи, выступая содержанием ее духовного мира и обнаруживая себя в действиях и поступках, в образе жизни людей, постольку актуален и закономерен интерес к мировоззрению как явлению духовной жизни, к мировоззренческой культуре личности как критерию духовного развития человека.

И. Кант, с которым связывают введение понятия мировоззрения в конце XVIII века, сформулировал четыре вопроса, определявшие сферу философии, по существу выражавшие мировоззренческую проблематику своего времени: «1. Что я могу знать? 2. Что я должен делать? 3. На что я могу надеяться? 4. Что такое человек?» [40, с. 331–334].

Можно утверждать, что эти вопросы ставятся и решаются, так или иначе, в любой мировоззренческой системе.

Представленный по необходимости каткий обзор публикаций по проблематике мировоззрения, очевидно, не претендует на широту и глубину анализа мировоззрения как феномена общественного и индивидуального сознания. Это, скорее всего, попытка привлечь внимание заинтересованных исследователей во всех направлениях социально-гуманитарного знания для дальнейших научных поисков. Тем не менее, обозначенное видение и понимание мировоззрения позволяет прийти к ряду выводов.

Мировоззрение существует как реальное духовное образование в жизни социума и личности. Оно не сводится ни к совокупности форм общественного сознания, ни к отдельным его формам, уровням, а выступает как важнейшая функция общественного и индивидуального сознания, являясь их интегрирующим, объединяющим началом.

Главные социальные функции мировоззрения состоят в том, что оно служит, во-первых, формой духовного самоопределения социальных общностей, групп, личностей, их самосознанием; во-вторых, мировоззрение выступает как способ духовно-практического освоения мира, в отличие от предметно-практического и теоретического его освоения и как таковое содержит в себе представления о желаемом, потребном будущем устройстве общественной жизни, т. е., социальные идеалы (восходящие и проистекающие из ... той же идеологии, о чем шла речь выше!).

Сущность и специфику мировоззрения наиболее адекватно выражает понимание его как духовного явления, рассматривая последнее как «сконцентрированное сознание», «состояние сознания», «сердцевина», «ядро», «средоточие», «сплав» всех функций сознания», то есть те духовные образования, которые возникают в результате взаимодействия различных идей и взглядов, представлений и чувств, когда мировоззрение не сводится ни к одной определенности сознания (например, к отражению, знанию, познанию только). Тогда мировоззрение анализируется и понимается с точки зрения целей, ценностей, идеалов социального субъекта, как категория культуры.

Взгляд на мировоззрение как на категорию культуры выводит его понимание за пределы гносеологического, социологического и других подходов, позволяет рассматривать мировоззрение в более широком социальном контексте, что более всего, на наш взгляд, соответствует его природе и социальным функциям.

Отсюда можно заключить, что мировоззрение – качественная характеристика общественного и индивидуального сознания. Поэтому понятие «мировоззренческая культура» можно трактовать как критерии духовного развития социума и личности.

Еще об одной примечательной особенности мировоззрения, на которую обращается внимание в научной литературе. Мировоззрение – не просто знание, представление, но активное, заинтересованное отношение, оценка действительности. «Единицей» существования мировоззрения, формальным элементом всякого мировоззрения является убеждение. Убеждения представляют собой более высокоразвитую форму знания по сравнению с любой констатацией фактов. Убеждение трактуется при этом, во-первых, как синоним уверенности в истинности конкретного факта, положения, предельных взглядов человека на мир в целом и его место в этом мире и т.д.; во-вторых, и это особенно подчеркивается психологами, убеждения, соединенные с волей, активизирующей мировоззрение, представляют собой высший итог идеологического воспитания личности.

В соответствии с духовно-практической природой и социальными функциями реального мировоззрения его формирование предполагает, с одной стороны, неразрывный двуединый процесс обучения и воспитания, и с другой стороны – активность, самодеятельность личности обучаемого или воспитываемого. Мировоззрению нельзя «научить», его невозможно получить в готовом виде, оно является плодом напряженной внутренней работы, осмысления жизненной драмы самой личностью. Но ей можно и необходимо помочь с первых лет жизни маленького человечка – потенциальной личности – целенаправленно и ответственно.

На взгляд автора, в силу сущности, содержания и социальных функций мировоззрения как явления духовной жизни, с учетом результатов научных исследований во всех направлениях социально-гуманитарных наук, мировоззренческая проблематика должна занять свое достойное место во всех программах: от дошкольного до вузовского образования и воспитания.

При этом важно иметь в виду, что мировоззрение выражает субъективные оценки, идеалы и личностный смысл собственного бытия. Именно благодаря последнему обстоятельству, а не только потому, что мировоззрение содержит обобщенную картину мира, оно имеет императивный, побудительный для личности характер. Более всего это проявляется в том, что мировоззрение содержит в качестве неперемennого компонента ту или иную концепцию смысла жизни, ощущение ее полноты и благоговение перед нею.

Список источников

1. Ашманис М.Г. Мировоззрение и условия его формирования. Рига, 1977. 118 с.
2. Энгельс Ф. Юридический социализм // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21.
3. Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21.
4. Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Соч. Т. 1.

5. Паластрова Г.В. Юридическое мировоззрение: теоретико-методологический аспект // Философия права. 2008. № 3 (28). С. 113–117.
6. Басин А. А. Эволюция "юридического мировоззрения" в социальной философии Нового времени // Вестник МГТУ. 1999. Т. 2. № 1. С. 107–118.
7. Рожин В.П. Мировоззрение советского человека. Л., 1960. 52 с.
8. Ковалев С. М. Коммунистическое воспитание трудящихся в современных условиях. М., 1967. 102 с.
9. Тугаринов В. П. Философия сознания. М., 1971. 199 с.
10. Платонов К. К. Структура и развитие личности. М., 1986. 254 с.
11. Агаронян А. С. Мировоззрение в системе общественного сознания. Ташкент, 1968. 156 с.
12. Марксистско-ленинское мировоззрение: сущность, пути формирования. Минск, 1986. 350 с.
13. Ашманис М. Г. Формирование научного мировоззрения. Рига, 1984. 235 с.
14. Крымский С. Б. Научное знание и принципы его трансформации. Киев, 1974. 207 с.
15. Человек и мир человека. Киев, 1977. 344 с.
16. Диалектический и исторический материализм – философская основа коммунистического мировоззрения. Киев, 1977. 347 с.
17. Практика – познание – мировоззрение. Киев, 1980. 371 с.
18. Евтушенко А. И. Философия и коммунистическое мировоззрение. Киев, 1980. 255 с.
19. Мировоззренческое содержание категорий и законов материалистической диалектики. Киев, 1981. 368 с.
20. Шинкарук В. И., Яценко А. И. Гуманизм диалектико-материалистического мировоззрения. Киев, 1984. 255 с.
21. Атеизм и духовная культура. Киев, 1985. 437 с.
22. Мировоззренческая культура личности. Киев, 1986. 292 с.
23. Арцишевский Р. А. Мировоззрение: сущность, специфика, развитие. Львов, 1986. 196 с.
24. Бекешина Э. И. Структура личности. Методологический анализ. Киев, 1986. 127 с.
25. Уледов А. К. Структура общественного сознания. М., 1968. 324 с.
26. Чагин Б. А. Структура и закономерности общественного сознания. Л., 1982. 314 с.
27. Общественное сознание и его формы М., 1986. 366 с.
28. Хачеритлов М. Ж. Мировоззрение как фактор формирования личности социалистического типа: дис. ... канд. филос. наук. 09.00.02. Место защиты: Ленинградский гос. ун-т им. А. А. Жданова. Ленинград, 1988.
29. Философская энциклопедия. Т. 3. М., 1962. 575 с.
30. Копнин П. В. Проблемы диалектики как логики и теории познания. М., 1982. 368 с.
31. Федосеев П. Н. Философия и научное познание. М., 1983. 464 с.
32. Журавлев В. В. Проблемы духовной жизни общества. Ростов н/Д., 1972. 144 с.
33. Овчинников В. С. Мировоззрение как явление духовной жизни общества: Опыт анализа понятий. Л., 1978. 100 с.
34. Уледов А. К. Духовная жизнь общества. М., 1980. 271 с.
35. Тугаринов В. П. Философия сознания. М., 1971. 198 с.
36. Лавриненко В. Н. Духовная жизнь общества: социально-философское измерение // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 193–198.
37. Козлова О. Н. Духовная жизнь как система, ее сущность и структура // Социально-гуманитарные знания. 2001. № 2. С. 106–118.
38. Уледов А.К. Духовная жизнь общества. М., 1980. 271 с.
39. Открытое письмо Президенту В.В. Путину Фурсей Г. Н. «Как обустроить наше образование» // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 2. С. 11–15.
40. Кант И. «Логика» // Кант И. Трактаты и письма. М., 1980. 709 с.

References

1. Ashmanis M. G. *Worldview and conditions of its formation*. Riga; 1977. 118 p. (In Russ.)
2. Engels F. *Legal socialism*. In: Marx K., Engels F. Op. Vol. 21. (In Russ.)
3. Engels F. *On the disintegration of feudalism and the emergence of national States*. In: Marx K., Engels F. Op. 2nd ed. Vol. 21. (In Russ.)
4. Marx K. *To the criticism of the Hegelian philosophy of Law*. In: Marx K., Engels F. Op. 2nd ed. Op. Vol. 1. (In Russ.)
5. Palastrova G. V. Legal worldview: theoretical and methodological aspect. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*. 2008;3(28):113–117. (In Russ.)
6. Basin A. A. Evolution of the "legal worldview" in the social philosophy of Modern times. *Vestnik MGTU = Bulletin of the Moscow State Technical University*. 1999;2(1):107–118. (In Russ.)
7. Rozhin V. P. *The worldview of the Soviet man*. Leningrad; 1960. 52 p. (In Russ.)

8. Kovalev S. M. *Communist education of workers in modern conditions*. Moscow; 1967. 102 p. (In Russ.)
9. Tugarinov V. P. *Philosophy of consciousness*. Moscow; 1971. 199 p. (In Russ.)
10. Platonov K. K. *Structure and development of personality*. Moscow; 1986. 254 p. (In Russ.)
11. Aharonyan A. S. *Worldview in the system of public consciousness*. Tashkent; 1968. 156 p. (In Russ.)
12. *Marxist-Leninist worldview: essence, ways of formation*. Minsk; 1986. 350 p. (In Russ.)
13. Ashmanis M. G. *Formation of a scientific worldview*. Riga, 1984. 235 p. (In Russ.)
14. Krymsky S. B. *Scientific knowledge and principles of its transformation*. Kiev, 1974. 207 p. (In Russ.)
15. *Man and the human world*. Kiev; 1977. 344 p. (In Russ.)
16. *Dialectical and historical materialism is the philosophical basis of the communist worldview*. Kiev; 1977. 347 p. (In Russ.)
17. Practice – cognition – worldview. Kiev; 1980. 371 p. (In Russ.)
18. Yevtushenko A. I. *Philosophy and the Communist worldview*. Kiev; 1980. 255 p. (In Russ.)
19. *The ideological content of the categories and laws of materialistic dialectics*. Kiev; 1981. 368 p. (In Russ.)
20. Shinkaruk V. I., Yatsenko A. I. *Humanism of dialectical-materialistic worldview*. Kiev; 1984. 255 p. (In Russ.)
21. *Atheism and spiritual culture*. Kiev; 1985. 437 p. (In Russ.)
22. *Ideological culture of personality*. Kiev; 1986. 292 p. (In Russ.)
23. Artsishevsky R. A. *Worldview: essence, specificity, development*. Lviv; 1986. 196 p. (In Russ.)
24. Bekeshina E. I. *Personality structure. Methodological analysis*. Kiev; 1986. 127 p. (In Russ.)
25. Uledov A. K. *The structure of public consciousness*. Moscow; 1968. 324 p. (In Russ.)
26. Chagin B. A. *Structure and patterns of social consciousness*. Leningrad; 1982. 314 p. (In Russ.)
27. *Social consciousness and its forms*. Moscow; 1986. 366 p. (In Russ.)
28. Khacheritlov M. J. *Worldview as a factor in the formation of a socialist type personality: dissertation...* candidate of Philosophical Sciences. Leningrad; 1988. (In Russ.)
29. *Philosophical Encyclopedia*. Vol. 3. Moscow; 1962. 575 p. (In Russ.)
30. Kopnin P. V. *Problems of dialectics as logic and theory of cognition*. Moscow; 1982. 368 p. (In Russ.)
31. Fedoseev P. N. *Philosophy and scientific cognition*. Moscow; 1983. 464 p. (In Russ.)
32. Zhuravlev V. V. *Problems of the spiritual life of society*. Rostov-on-Don, 1972. 144 p. (In Russ.)
33. Ovchinnikov V. S. *Worldview as a phenomenon of the spiritual life of society: The experience of the analysis of concepts*. Leningrad; 1978. 100 p. (In Russ.)
34. Uledov A. K. *Spiritual life of society*. Moscow; 1980. 271 p. (In Russ.)
35. Tugarinov V. P. *Philosophy of consciousness*. Moscow; 1971. 198 p. (In Russ.)
36. Lavrinenko V. N. Spiritual life of society: socio-philosophical dimension. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Ability*. 2012;(3):193–198. (In Russ.)
37. Kozlova O. N. Spiritual life as a system, its essence and structure. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya = Socio-humanitarian knowledge*. 2001;(2):106–118. (In Russ.)
38. Uledov A.K. *Spiritual life of society*. Moscow; 1980. 271 p. (In Russ.)
39. An open letter to President V.V. Putin Fursei G. N. "How to equip our education" is indicative in this regard. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Legal science: history and modernity*. 2019;(2):11–15. (In Russ.)
40. Kant I. "Logic". In: Kant I. *Treatises and letters*. Moscow; 1980. 709 p. (In Russ.)

Информация об авторах

М. Ж. Хачеритлов – кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории государства и права КБГУ.

Х. Л. Кушхов – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права КБГУ.

Information about the authors

M. Zh. Khacheritlov – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Department of Theory and History of State and Law of Kabardino-Balkarian State University.

Kh. L. Kushkhov – Senior Lecturer of Department of Theory and History of State and Law of Kabardino-Balkarian State University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.01.2023; одобрена после рецензирования 25.01.2023; принята к публикации 26.01.2023.

The article was submitted 10.01.2023; approved after reviewing 25.01.2023; accepted for publication 26.01.2023.

МЕТАВСЕЛЕННАЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Святослав Петрович Федоренко

¹Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, fsp018@yandex.ru

²Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются современные цифровые технологии, влияющие на основные сферы жизнедеятельности государства и общества. Особое внимание уделяется процессам формирования метавселенной. Анализируются проблемы правового регулирования общественных отношений в метавселенной в контексте функционирования ключевых правовых институтов. Указываются современные тенденции развития цифровых технологий и их влияние на государственный контроль и правовое регулирование. Рассматривается проблема трансграничности метавселенной в контексте юрисдикции государств. Показывается опыт передовых государств в данном процессе через использование норм этики и норм права в виртуальном пространстве. Анализируются основные проблемы правового регулирования метавселенной и предлагаются меры для минимизации угроз, рисков и вызовов, связанных с цифровизацией общественных отношений.

Ключевые слова: метавселенная, цифровые технологии, информационное пространство, искусственный интеллект, чат-боты и юриспруденция, проблемы правового регулирования метавселенной и использования передовых технологий, трансграничные процессы и национальная юрисдикция, риски использования цифровых технологий в контексте защиты прав человека

Для цитирования: Федоренко С. П. Метавселенная как фактор трансформации правового регулирования // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 56–61. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-1-56-61>

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

METaverse AS A FACTOR OF TRANSFORMATION OF LEGAL REGULATION

Svyatoslav P. Fedorenko^{1, 2}

¹South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, fsp018@yandex.ru

²Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article discusses modern digital technologies that affect the main spheres of life of the state and society. Special attention is paid to the processes of metaverse formation. The problems of legal regulation of public relations in the meta-industry in the context of the functioning of key legal institutions are analyzed. The current trends in the development of digital technologies and their impact on state control and legal regulation are indicated. The problem of the transborder nature of the metaverse in the context of the jurisdiction of states is considered. The experience of advanced states in this process is shown through the use of ethics and legal norms in the virtual space. The main problems of legal regulation of the metaverse are analyzed and measures are proposed to minimize threats, risks and challenges associated with the digitalization of public relations.

Keywords: metaverse, digital technologies, information space, artificial intelligence, chatbot, problems of legal regulation of the metaverse and the use of advanced technologies, cross-border processes and national jurisdiction, risks of using digital technologies in the context of human rights protection

For citation: Fedorenko S. P. Metaverse as a factor of transformation of legal regulation. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(1):56–61. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-56-61>

Последние столетия человечество движется по пути технического прогресса. Первые достижения научно-технической революции вообще не оценивались в контексте последующих рисков, и не просчитывали необходимость их минимизации в правовом пространстве. Так, например, индустриальная революция 30-х годов в СССР считалась абсолютным благом. Лишь спустя десятилетия отечественные ученые стали анализировать проблемы, связанные с вредом для экологии промышленной деятельности, и пытаться урегулировать их с помощью норм экологического права. Аналогичные примеры можно привести с использованием новых видов транспорта, атомной энергии, синтетических материалов, пищевых добавок, пластика и так далее. Законодательство адаптировалось под данные научно-технические изменения десятилетиями. Современное развитие науки, техники и технологий характеризуется предельно высокой динамикой, как научного прогресса, так и общественных отношений. К тому же всемирно известный футуролог Р. Курцвейл утверждает, что дальнейшее развитие технологий будет происходить экспоненциально, а не линейно [1, с. 38]. Поэтому такого количества времени, которое было раньше у законодателя для анализа, оценки и выработки мер, в связи с изменившимися техническими особенностями, в настоящее время нет.

Широкий общественный резонанс получил случай, произошедший в РГГУ, где студент смог защитить диплом, выполненный чат-ботом ChatGPT (Generative Pre-trained Transformer)¹. Данный факт поставил администрацию вуза в тупик. С одной стороны, положение о написании данного рода работ не было нарушено студентом, так как нет прямого запрета на использование искусственного интеллекта, а с другой стороны, текст диплома выполнен без прямого участия обучающегося. Сами создатели данного искусственного интеллекта говорят о том, что руководству всех вузов мира необходимо переосмыслить подход к написанию, использованию и легализации письменных работ обучающихся, потому что данный чат-бот уже сейчас способен генерировать тексты, которые вырабатываются по 175 миллиардам параметров и трудно отличаемы от работы человека.

Аналогичных примеров можно привести десятки. Очевидно, что данная проблема является очень сложной для законодателя и необходимо тщательно проанализировать и осмыслить происходящие революционные изменения в сфере искусственного интеллекта. Но на это попросту нет времени, так как круг пользователей уже исчисляется сотнями миллионов, и затрагиваются все сферы жизнедеятельности мирового сообщества.

Появление данного чат-бота в виртуальном пространстве с возможностью практически неограниченного использования задает новые параметры для переосмысления места и роли цифровых технологий в настоящее время и перспектив их развития. Программа (и программы аналогичные ей) уже оказали серьезнейшее влияние на сферы науки, культуры, искусства, юриспруденции, образования и многие другие. Указанное приложение побило рекорды скачивания в истории и является одним из самых востребованных на сегодняшний день. Причем восторженные отзывы о работе данного чат-бота дают не только рядовые пользователи, но и специалисты. Директор по инновациям международной консалтинговой компании EY Джеффри Вон, говоря о ChatGPT указал следующее: «Восхищает то, насколько его ответы похожи на ответы живого человека. То, что мы видим, все больше не походит на машинные тексты, которые мы видели ранее»². Очевидно, что данный вызов требует ответа, как от законодателя, так и от научного сообщества.

¹ <https://www.msk.kp.ru/daily/27460/4714947/>

² <https://www.cnbc.com/2023/02/08/what-is-chatgpt-viral-ai-chatbot-at-heart-of-microsoft-google-fight.html>

Сегодня рынок цифровых технологий измеряется триллионами долларов. Поэтому все IT-гиганты реагируют на возникновение новой конкурентоспособной цифровой системы. Следует ожидать, что в ближайшее время мы столкнемся с обилием аналогичных чат-ботов. Это усложнит контроль и регулирование данного процесса. Так же очевидно, что подобные системы искусственного интеллекта станут важным элементом в функционировании метавселенной.

В настоящее время ряд стран встали в авангард высоких цифровых технологий и столкнулись с проблемой их правового регулирования. Одним из таких государств является Южная Корея, правительство которой анонсировала издание руководства по этике для пользователей метавселенных. Он не является обязательным регулятором и не влечет за собой никаких юридических санкций, что в нем же и подчеркивается¹. Но это первый шаг для контроля и регулирования данного рода общественных отношений. И, конечно же, в дальнейшем министерство образования и ИКТ Южной Кореи планирует преобразовать этический кодекс в правовые нормы. Этот процесс уже запущен: началась разработка законопроекта по борьбе с отдельными преступлениями в метавселенных². Рабочая группа правительства Южной Кореи внесла предложение по борьбе с преступлениями в метавселенной. В нем указывается, что: «В последние годы виртуальный мир, такой как Metavus, увеличил свою долю в жизни людей. Проблема сексуального насилия в виртуальном мире постоянно поднимается. Проблема в том, что правила наказания за это не ясны. Психологические жертвы сексуального насилия в отношении виртуальных персонажей также подвергаются сексуальному насилию. Страдания могут быть не меньше, чем прямое сексуальное насилие. Необходимо уточнить правила применения штрафных санкций. В данном случае сексуальное насилие, нацеленное на аватары и т.д. в виртуальном пространстве Мы хотим прописать правила наказания в законе. Мы хотим усилить защиту жертв (статья 13-2 Предложения)»³.

Следует согласиться с мнением заместителя министра образования и ИКТ Южной Кореи Пак Юн Кю в том, что: «Метавселенная будет расширяться и однажды станет частью нашей повседневной жизни, например, в сфере торговли, образования, медицинских услуг и многого другого»⁴. Поэтому южнокорейское правительство планирует серьезные государственные вложения в этот процесс.

Данный пример актуален для других стран, в том числе и для России. Крупнейшие финансово-экономические гиганты оценивают данный рынок как очень перспективный. Без исключения все цифровые корпорации следят за тем, как этот рынок будет развиваться. Но государство и общество этот процесс должен интересоваться с позиции контроля, правового регулирования и защиты прав и свобод человека как базовой ценности.

Нельзя не заметить, что целый ряд прогнозов экспертов по развитию метавселенных не сбылись. Во многом это связано с периодом пандемии, а также тектоническими сдвигами в современном геополитическом пространстве. Тем не менее, следует отметить, что в настоящее время интерес инвесторов к метавселенной превосходит интерес к технологиям искусственного интеллекта на той же стадии развития. Многие эксперты говорят о том, что в течение ближайших 5-7 лет стоимость метавселенной будет сопоставима с ВВП Японии⁵. Поэтому прошлый 2022 год характеризовался тем, что генеральные директора многих передовых компаний искали и активно нанимали директоров по развитию метавселенных.

---

¹ <https://koreajoongangdaily.joins.com/2022/11/28/business/tech/Korea-Metaverse-government/20221128173259964.html>.

² https://likms.assembly.go.kr/bill/billDetail.do?billId=PRC_R2P2V0H4N0C1N1M1J2U4A2T7V2D5X9.

³ Там же.

⁴ <https://koreajoongangdaily.joins.com/2022/11/28/business/tech/Korea-Metaverse-government/20221128173259964.html>.

⁵ <https://www.forbes.ru/mneniya/483145-zakony-metavselennoj-kak-budet-regulirovat-sa-zizn-nasih-avatarov>

Процесс дальнейшей виртуализации общественных отношений тесно связан с проблемами правового регулирования. Они уже стали широко известными. В частности, это юрисдикция государств в трансграничных сделках в цифровом пространстве; статусы криптовалюты, игровых валют, NFT объектов; охрана авторских прав интеллектуальной собственности; электронная реклама; персональные данные и другие проблемы, возникающие в мета-пространстве [2, с. 183].

Сегодня одним из ведущих специалистов России в данной сфере является Председатель межгосударственной рабочей группы по проведению глобальных консультаций Специального комитета по искусственному интеллекту Совета Европы. Соавтор Национальной стратегии развития ИИ и Концепции регулирования технологий ИИ и робототехники. Управляющий директор Центра регулирования ИИ ПАО Сбербанк. Руководитель Исследовательского центра проблем регулирования робототехники и ИИ (АНО «Робоправо»). Андрей Владимирович Незнамов. Будучи глубоко вовлеченным в данную проблематику, он выделяет 6 ключевых угроз, связанных с государственным контролем и правовым регулированием¹. С ним можно согласиться и использовать его схему для дальнейшего анализа в данном направлении.

Государственный контроль представляет собой главную функцию государства. Она распространяется (прямо или косвенно) на все общественные отношения, проходящие на его территории. Но в вопросах цифровизации государство сталкивается с проблемой трансграничности виртуального пространства. Это обусловлено тем, что технически метавселенная является замкнутым регулируемым пространством со своей системой правил и характеристик, мерами воздействия, санкциями и заданными параметрами. Можно сказать, что каждая часть метавселенной и она сама, в каком-то смысле представляет собой копию государства. Но информационные данные о гражданах и подданных разных государств носят трансграничный характер. В данном случае начинает обостряться борьба между государствами за юрисдикцию в цифровом пространстве. И в ближайшее время эта борьба не прекратится. Воздействие государства будет сосредоточено в сфере антимонопольного регулирования законодательства об обороте информации о защите персональных данных, и осуществления экстремистской и террористической деятельности в сети интернет. Здесь и возникает вопрос транснационального регулирования. Данная проблема характерна для борьбы с международной преступностью.

Как указывалось выше одно из типичных преступлений – это сексуальное насилие. Жертва сексуального насилия в метавселенной может находиться в одной стране, а злоумышленники в другой. Более того как показывает международная практика часть государств легализуют криминальность виртуального сексуального насилия, а часть откажется его признавать. Поэтому согласовать действия по предотвращению такого рода преступлений будет крайне сложно в контексте проблем, связанных с юрисдикцией национальных правовых систем и их гармонизации в пространстве метавселенной.

Следующая проблема правового регулирования – это создание правил оборота контента. Метавселенная – это гигантское, теоретически бесконечное информационное цифровое поле. Но в его основе лежат традиционные общественные отношения. Поэтому и применения традиционных юридических инструментов будет производиться аналогичным образом. Но это будет требовать целого ряда поправок в законы о рекламе, работе СМИ, трансграничном обороте персональных данных. В настоящее время уже встречается целый ряд коллизий между национальными правовыми требованиями о локализации персональных данных и их размещением в облачных сервисах компаний зарегистрированных в других государствах. В дальнейшем это потребует целого ряда международных договоренностей и юридических уточнений, связанных с биометрическими данными, геномными данными, вопросами трансгуманизма, биоэтики, смены пола и т.д. Это актуальная проблема для всего человечества, так как некоторые сторонники трансгуманизма, такие, как Рэй Курцвейл, Клаус Шваб, Ник Бостром, Дэвид Пирс и другие говорят о том, что в ближайшее время обилие имплантов и искусственного изменения

¹ <https://www.forbes.ru/mneniya/483145-zakony-metavselennoj-kak-budet-regulirovat-sa-zizn-nasih-avatarov>.

природы человека потребуют переосмысления самого термина «человек» [3, с. 128]. Указанная проблема является фундаментальной для всего мирового правового массива. Со времен Великой французской буржуазной революции человек его права и свободы легли в основу всех основных правовых систем мира, поэтому при переосмыслении термина «человек» придется переосмысливать все действующие мировое законодательства. О рисках утраты человеком своей идентично убедительно написал профессор А. И. Овчинников [4, с. 486].

Важным является правовой статус отдельных элементов метавселенных. Например, виртуальная сделка с виртуальными объектами. Это неизбежно поднимает вопрос о легальности таких сделок и возможности оспаривать ее в суде, вопрос о налогообложении и соблюдении авторских прав. Также возникает вопрос о полномочиях на заключение сделок и способах их подтверждения. И как справедливо отмечает В. И. Фатхи, государство в целях защиты прав граждан должно активно включаться в процесс правового регулирования данных вопросов, чтобы метавселенная подстраивалась под право, а не право под метавселенную [5, с. 18].

Следующая актуальная проблема – это регулирование порядка взаиморасчетов. К ней относятся вопросы синхронизации курса криптовалют, игровых, валют смартконтактов, виртуального имущества и трансграничные расчеты с вовлечением нескольких информационных посредников. Поэтому проблема идентификации субъектов правоотношений будет вставать достаточно остро. По всей видимости, к ней будут добавляться вопросы участия искусственного интеллекта в данных процессах. По нашему мнению, решить эти проблемы в настоящее время не удалось ни одной национальной правовой системе. И эти процессы во многом протекают стихийно. Поэтому необходимы парламентские и правительственные группы для разработки проектов правового регулирования указанных аспектов.

Важной выступает проблема адаптации традиционных правовых институтов для регулирования взаимоотношений в метавселенной. Соответственно, придется адаптировать и переосмысливать целый ряд позиций института наследования, дарения, мены, хранения, налогового законодательства и так далее. Также это будет связано с рынком труда, где происходит не только вытеснения искусственным интеллектом представителей целого ряда профессий: таких как кадровые работники, кассиры, бухгалтеры, юристы, преподаватели и другие. Но и с изменением условий труда, а также форм и правил оказания услуг.

Следующий аспект – это международное регулирование функционирования метавселенной. Известны примеры, когда государствам удавалось достаточно успешно договориться об универсализации правил для использования новых технических достижений. Например, это автомобили, авиасообщение, освоение космоса, клонирование человека, некоторые вопросы искусственного интеллекта. На повестке дня аналогичные согласования вопросов международного использования ресурсов метавселенной. Здесь возможен сценарий, при котором катализатором выступит объединение нескольких глобальных цифровых корпораций, которые будут под различными предлогами игнорировать требования государств. Тогда может наступить конфликт, как между юрисдикциями разных государств, так и государств с цифровыми корпорациями.

На основании изложенного можно сказать, что современные цифровые технологии развиваются бурными темпами и практически еженедельно кардинально меняют сложившееся общественное отношение во всем мире. Но, говоря о их правовом регулировании, следует отметить, что как в основе цифровых общественных отношений лежат классические общественные отношения, так и классические методы правового регулирования можно использовать в метавселенной. Разумеется, требуются поправки и некоторые модернизации существующих юридических механизмов. Здесь, на наш взгляд, применим опыт Южной Кореи, которая создала правительственные и парламентские рабочей группы для решения проблем правового регулирования метавселенной. Первым шагом стало создание кодекса этики пользователей метавселенной, а вторым – создание механизма защиты прав участников метавселенной. По этому же пути должны двигаться Федеральное Собрание и Правительство Российской Федерации. И следует подчеркнуть, что необходимо направить существенные государственные силы и средства на разработку данных законопроектов, так как динамика указанных процессов является крайне высокой.

Список источников

1. Рэй Курцвейл. Эволюция разума, или бесконечные возможности человеческого мозга, основанные на распознавании образов. М.: ООО «Издательство «Эксмо», 2018. 352 с.
2. Фатхи В.И. Невзаимозаменяемые токены как объекты гражданских прав // Юрист-Правовед. 2022. № 4 (103). С. 182–186.
3. Шваб Клаус. Технологии четвертой промышленной революции. М.: Эксмо, 2018. 320 с.
4. Овчинников А. И. Цифровые утопии и правосознание элиты: социокультурные и духовно-нравственные аспекты / В сб.: «Власть и элита в эпоху цифровой трансформации: новые вызовы и угрозы, траектории социально-политического развития современного общества». Материалы Четвертого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием. Ростов-на-Дону, 2022. С. 485–488.
5. Фатхи В. И. Метавселенные: проблемы правового регулирования // Философия права. 2022. № 4 (103). С. 13–18.

References

1. Ray Kurzweil. *The Evolution of the Mind or the Infinite possibilities of the human brain based on pattern recognition*. Moscow: Eksmo Publishing House; 2018. 352 p. (In Russ.)
2. Fathi V. I. Non-interchangeable tokens as objects of civil rights. *Jurist-Pravoved*. 2022;4(103):182–186. (In Russ.)
3. Schwab Claus. *Technologies of The Fourth industrial Revolution*. Moscow: Eksmo; 2018. 320 p. (In Russ.)
4. Ovchinnikov A. I. Digital utopias and the legal consciousness of the elite: socio-cultural and spiritual and moral aspects. In: *"Power and Elites in the era of digital transformation: new challenges and threats, trajectories of socio-political development of modern society"*. Materials of the Fourth All-Russian Elitological Congress with international participation. Rostov-on-Don; 2022. P. 485–488. (In Russ.)
5. Fathi V. I. Metaverse: problems of legal regulation. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*. 2022; 4(103):13–18. (In Russ.)

Информация об авторе

С. П. Федоренко – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХ и ГС; доцент кафедры теории государства и права РЮИ МВД России.

Information about the author

S. P. Fedorenko – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of Law and State of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPa; Associate Professor of the Department of Theory of State and Law of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 14.02.2023; одобрена после рецензирования 28.02.2023; принята к публикации 01.03.2023.
The article was submitted 14.02.2023; approved after reviewing 28.02.2023; accepted for publication 01.03.2023.

ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО, АДМИНИСТРАТИВНОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА

Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 62–67

North Caucasus Legal Vestnik. 2023;(1):62–67

Проблемы конституционного, административного и экологического права

Научная статья

УДК 342+325.14

doi: 10.22394/2074-7306-2023-1-1-62-67

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПАСПОРТНОЙ СИСТЕМЫ В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ

**Анатолий Борисович Дудаев¹, Владимир Васильевич Ткаченко²,
Эдуард Александрович Безуглый³**

^{1, 2, 3}Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, Белгород, Россия

¹dudaev.anatol@yandex.ru

²tkachenkovlad@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2769-5060>

³eduardbezugly@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы становления и правового регулирования паспортной системы в период после революции 1917 г. до настоящего времени. Проведен анализ нормативных правовых актов советского периода и меры, принимаемые органами власти в целях обеспечения учета населения и организации контроля миграционных процессов. Особое внимание уделяется периоду установления единой паспортной системы на всей территории Союза ССР в декабре 1932 г., отмечается роль прописки по месту жительства и особенности паспортизации населения в отдельных местностях и сельских населенных пунктах. В качестве важнейшего этапа в развитии советской паспортной системы рассматривается принятие Постановления Совмина СССР 28 августа 1974 г. «Об утверждении Положения о паспортной системе в СССР». В статье обращается внимание также на развитие паспортной системы в постсоветский период, ознаменовавшийся принятием Закона «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации», отменой разрешительной прописки и введением уведомительной регистрации. В статье авторами сделаны выводы о влиянии советской паспортной системы на выбор места жительства и свободу передвижения по территории страны.

Ключевые слова: паспортная система, система учета населения, паспорт, военный билет, трудовая книжка, удостоверение личности, паспортизация, прописка, регистрация, ответственность за нарушение правил паспортно-регистрационной системы

Для цитирования: Дудаев А. Б., Ткаченко В. В., Безуглый Э. А. Правовое регулирование паспортной системы в советский и постсоветский периоды // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 62–67. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-1-62-67>

Problems of Constitutional, Administrative and Environmental Law

Original article

LEGAL REGULATION OF THE PASSPORT SYSTEM IN THE SOVIET AND POST-SOVIET PERIODS

Anatoly B. Dudaev¹, Vladimir V. Tkachenko², Eduard A. Bezugly³

^{1, 2, 3}Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Belgorod, Russia

¹dudaev.anatol@yandex.ru

²tkachenkovlad@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2769-5060>

³eduardbezugly@mail.ru

© Дудаев А. Б., Ткаченко В. В., Безуглый Э. А., 2023

Abstract. The article discusses the issues of the formation and legal regulation of the passport system in the period after the revolution of 1917 to the present. The analysis of the normative legal acts of the Soviet period and the measures taken by the authorities in order to ensure the registration of the population and the organization of control of migration processes is carried out. Special attention is paid to the period of the establishment of a unified passport system throughout the USSR in December 1932, the role of residence registration and the peculiarities of the certification of the population in certain localities and rural settlements are noted. The adoption of the Resolution of the Council of Ministers of the USSR on August 28, 1974 "On approval of the Regulations on the passport system in the USSR" is considered as the most important stage in the development of the Soviet passport system. The article also draws attention to the development of the passport system in the post-Soviet period, marked by the adoption of the Law "On the right of citizens of the Russian Federation to freedom of movement, choice of place of stay and residence within the Russian Federation", the abolition of permissive registration and the introduction of notification registration. In the article, the authors draw conclusions about the influence of the Soviet passport system on the choice of place of residence and freedom of movement on the territory of the country.

Keywords: passport system, population registration system, passport, military ID, work record, identity card, passport registration, registration, registration, responsibility for violating the rules of the passport registration system

For citation: Dudaev A. B., Tkachenko V. V., Bezugly E. A. Legal regulation of the passport system in the Soviet and Post-soviet periods. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(1):62–67. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-62-67>

Первые шаги советской власти после Октябрьской революции 1917 г. ознаменовались отменой ранее действовавшей паспортной системы. С принятием Декрета «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» было отменено сословное деление населения России. Данным документом, состоящим всего из семи статей, отменялись все сословные привилегии, звания и титулы, а также существующие ранее ограничения. Для всего населения России установлено одно общее наименование граждан Российской Республики¹.

Последующий период начала гражданской войны характеризовался хаотичными миграционными процессами, огромным количеством беженцев и переселенцев, в связи с чем, Советская Республика была вынуждена принимать необходимые меры в целях установления системы учета населения. Так, принятая в июле 1918 г. Конституция вводит всеобщую трудовую повинность. Документом, подтверждающим исполнение трудовой повинности стала трудовая книжка, она же стала документом, удостоверяющим личность и использовалась вместо паспорта или прочих документов, удостоверяющих личность в первую очередь нетрудящихся².

С принятием в декабре 1918 г. Кодекса законов о труде обязанность иметь трудовую книжку распространялась и на трудящихся граждан. Трудовая книжка предоставляла право получать продовольственные карточки, а также свободно передвигаться по территории Республики. Трудовую книжку необходимо было предъявлять во всех случаях, где требовалось представление удостоверения личности [1, с. 121].

30 декабря 1922 г. был образован Союз Советских Социалистических республик в составе пятнадцати республик. Безусловно, в целях учета населения возникла потребность в организации паспортной системы [2, с. 472].

Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 20 июня 1923 г. взамен трудовых книжек, удостоверяющих личность, вводились удостоверения личности. В соответствии с Декретом, каждый гражданин, достигший шестнадцатилетнего возраста, имел право получить удостоверение

¹Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 24.11.1917 «Об уничтожении сословий и гражданских чинов») // Оpubл.: 11 (24) ноября 1917 года. Источник: Декреты Советской власти. М., 1957. Т. I. С. 71–72.

² Декрет Совнаркома РСФСР от 5 октября 1918 года «О трудовых книжках для нетрудящихся» // http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_370.htm.

личности¹. Таким образом, получение удостоверения личности в соответствии с Декретом являлось правом гражданина, а не его обязанностью. В случае отсутствия необходимости постоянно предъявлять удостоверение личности, например, в сельской местности, его можно было не получать.

А. К. Байбурин, подчеркивая неожиданный либерализм Декрета, отмечал, что отсутствие у граждан такого документа не влекло никаких правовых последствий [3].

Документом, удостоверяющим личность военнослужащего Красной армии и флота оставались служебные книжки красноармейцев или документы, подтверждающие принадлежность к командному, политическому или административно-хозяйственному составу, выдаваемые из соответствующих воинских частей и учреждений [4, с. 208].

Единая паспортная система была установлена Постановлением ЦИК и СНК от 27.12.1932, в котором отмечалось, что все граждане в возрасте шестнадцати лет, постоянно проживающие в городах, рабочих поселках, районных центрах, обязаны иметь паспорта [5, с. 5].

Вводилась обязательная прописка, в первую очередь это касалось населения крупных городов страны (Москвы, Ленинграда, Киева и др.). Прописка становилась формой государственного разрешения на проживание, означавшего также разрешение на трудовую деятельность.

В соответствии с Постановлением СНК СССР от 28 апреля 1933 года на граждан, проживающих в сельской местности обязанность иметь паспорт не распространялась [6, с. 106].

В тех случаях, когда лица, проживающие в сельских местностях, выбывали на длительное или постоянное жительство в местности, где введена паспортная система, они получали паспорта в районных или городских управлениях рабоче-крестьянской милиции по месту своего прежнего жительства сроком на 1 год. По истечении годичного срока лица, приехавшие на постоянное жительство, получали по новому месту жительства паспорта на общих основаниях.

Важнейшим этапом в развитии советской паспортной системы стало принятие Постановления Совмина СССР 28 августа 1974 года «Об утверждении Положения о паспортной системе в СССР». Все советские граждане, достигшие 16-летнего возраста независимо от места проживания (город или село) обязаны были иметь паспорт [7, с. 81].

Документами, удостоверяющими личность военнослужащих, в соответствии с Положением оставались удостоверения личности и военные билеты, выдаваемые командованием воинских частей и военных учреждений.

Постановлением вводились паспорта гражданина СССР нового образца. Период замены и выдачи паспортов нового образца был определен с 1 января 1976 г. по 31 декабря 1981 г.

Новый паспорт был бессрочным. Вместе с тем, возрастные изменения его владельца учитывались путем последующей вклейки фотографий по достижении двадцати пяти и сорока пяти лет. С принятием Постановления жители сельской местности получили возможность переезда в город без оформления каких-либо документов, а также свободно выбирать место жительства на территории Союза ССР. Таким образом, паспортизация охватывала всех жителей страны, включая сельских жителей (колхозников) и обеспечивала всем равные права в вопросах передвижения.

После распада СССР потребовалось законодательное урегулирование вопросов, связанных с правом на свободу передвижения граждан, упорядочением миграционных процессов. Конституция Российской Федерации 1993 г. установила право граждан на свободу передвижения, которое было детализировано в Законе Российской Федерации «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации». Законом отменена прописка, взамен которой введена регистрация по месту пребывания и по месту жительства, имеющая уведомительный характер.

¹ Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 20 июня 1923 г. «Об удостоверении личности // http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1691.htm.

В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации МВД России с 1 октября 1997 г. приступило к выдаче паспортов гражданина Российской Федерации. Поэтапная замена паспортов завершилась 1 июля 2004 года. Впервые паспорта получили военнослужащие.

В рассматриваемые исторические периоды государство разными мерами регулировало юридическую ответственность за нарушение правил паспортно-регистрационной системы. В советский период наряду с административной, предусматривалась уголовная ответственность, применявшаяся до декабря 1991 г.

Протоколы об административных правонарушениях за нарушение паспортных правил составлялись сотрудниками милиции, а рассматривались дела административными комиссиями при районных (городских) исполнительных комитетах.

Статья 198 Уголовного Кодекса 1960 г. предусматривала ответственность за злостное нарушение паспортных правил в местностях, где введены специальные правила проживания и прописки, если это нарушение выразилось в проживании без паспорта или без прописки и если ранее лицо за это уже было дважды подвергнуто административному взысканию.

Признаками объективной стороны преступления было проживание без паспорта либо при наличии паспорта, но без прописки в местностях, где введены специальные правила проживания и прописки. Виновное лицо наказывалось лишением свободы на срок до одного года, или исправительными работами на тот же срок, или штрафом до пятидесяти рублей. Нарушение паспортных правил становилось уголовно наказуемым только при условии, если ранее за такое нарушение виновное лицо дважды подвергалось административному взысканию. Злостность, а также общественная опасность деяния образовывалась в рассматриваемом случае за счет многократности совершения административного правонарушения, то есть состав преступления формировался на основе административной преюдиции [8, с. 12].

Административная преюдиция как юридическая категория предполагает наличие двух элементов: повторность совершения одного или двух однородных административных правонарушений; определенный срок, в течение которого были совершены данные правонарушения.

Краткий анализ рассмотренного выше законодательства позволяет сделать некоторые выводы. На наш взгляд, утверждения отдельных авторов о «закрепощенности» колхозников, их насильственном удержании в сельской местности, после введения единой паспортной системы 1932 года в связи с отсутствием у них паспортов, представляются несостоятельными.

Так, например, в п. 4 приложения № 6 к п. 21 Постановления СНК СССР от 23.04.1933 г. отмечалось, что лица, проживающие в сельских местностях, получают паспорта в районных или городских управлениях РК милиции по месту своего прежнего жительства сроком на 1 год в тех случаях, когда они выбывают на длительное или постоянное жительство в местности, где введена паспортная система. По истечении годичного срока, лица, приехавшие на постоянное жительство, получают по новому месту жительства паспорта на общих основаниях. Граждане в подобных случаях реализовывали право на получение паспорта, практически препятствий для переезда из сельской местности в город не было.

Советская власть, считая паспортную систему обременением, хотела уйти от нее, поэтому освободила от паспортов основную часть, – крестьян. Не выдача им паспортов была привилегией, а не ущемлением. Кроме того, проводимая в 30-е годы прошлого века индустриализация страны требовала большого количества рабочих на строящихся заводах и фабриках. Поэтому насильственное удержание граждан в сельской местности было бы бессмысленным и противоречащим требованию времени.

Паспортно-регистрационная система на современном этапе представляет собой важнейший правовой институт, отличается демократическим характером и способствует реализации прав граждан Российской Федерации на свободу передвижения.

Вместе с тем, отдельные вопросы правового регулирования паспортно-регистрационной системы требуют доработки и внесения соответствующих корректировок.

Так, например, обязанность гражданина Российской Федерации иметь паспорт устанавливается подзаконным нормативным правовым актом, а именно Положением о паспорте гражданина Российской Федерации, утвержденным Постановлением Правительства РФ от 08.07.1997 № 828¹.

Вместе с тем, эта обязанность является всеобщей и распространяется на всех граждан Российской Федерации, достигших четырнадцатилетнего возраста, независимо от конкретного статуса лица. В этой связи считаем целесообразным установить данную обязанность в виде отдельной нормы, то есть на законодательном уровне.

Следует также обратить внимание на имеющиеся случаи зависимости реализации права на жилище от наличия постоянной регистрации и ее сроков. Так, в п. а ст. 1.2 Постановления правительства Белгородской области от 20.12.2021 № 640-пп отмечается, что жилые помещения предоставляются многодетным семьям при условии постоянного проживания семьи на территории Белгородской области не менее 5 (пяти) лет². Кроме того, что конституционное право на жилище в этой ситуации ограничивается региональным нормативным правовым актом, также не учитывается срок фактического проживания, в который может входить и определенный период временной регистрации.

В данном случае уместно будет обратиться к определению Верховного Суда Российской Федерации по иску Чуносовой Г. К. к администрации г. Оренбурга об установлении факта проживания, признании незаконным отказа в принятии к рассмотрению заявления о постановке на учет в качестве нуждающейся в жилых помещениях. В документе определено, что место жительства гражданина может быть установлено судом на основании различных юридических фактов, не обязательно связанных с регистрацией его компетентными органами, а также видом такой регистрации³.

На основании изложенного, считаем целесообразным дополнить закон Российской Федерации от 25.06.1993 № 5242-1 «О праве граждан на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» нормой следующего содержания: «В целях реализации права гражданина на жилище факт и сроки проживания в определенном субъекте Российской Федерации могут устанавливаться судом». На наш взгляд, также требуют дальнейшего исследования и правовой доработки вопросы, связанные со случаями отказа в приеме на работу в связи с отсутствием регистрации и, соответственно, юридической ответственностью работодателей.

На основании изложенного можно сделать вывод, что одна из важнейших задач правового регулирования паспортно-регистрационной системы Российской Федерации заключается в том, чтобы полностью исключить влияние регистрации на практическую реализацию конституционных прав граждан Российской Федерации.

Список источников

1. Шестель А. А. Правовое регулирование паспортного режима в России: историко-правовой аспект / В сб.: Актуальные проблемы современной российской правовой системы. 2016. С. 119–123.
2. Разин М. В., Кошкарлова Ю. А. Исторические аспекты регулирования и контроля миграции в России // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 10-1. С. 469–476.
3. Байбурин А. К. К предистории советского паспорта (1917-1932) // Неприкосновенный запас. 2009. № 2. С. 140–154.

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 8 июля 1997 г. № 828 «Об утверждении Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, образца бланка и описания паспорта гражданина Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 14.07.1997 г. № 28. Ст. 3444.

² Постановление Правительства Белгородской области от 20 декабря 2021 года № 640-пп «Об утверждении Порядка предоставления жилых помещений многодетным семьям, нуждающимся в жилых помещениях на территории Белгородской области» // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/3100202112240009>.

³ Определение Верховного Суда Российской Федерации по делу № 47-КГ 14-13 от 24.02.2015 // http://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=1242034&ysclid=ldvytdfod0131196477.

4. Гущина А. Д. Истоки формирования паспортной системы в России // Академическая публицистика. 2020. № 11. С. 205–211.
5. Конькова А. Ю. Документы, удостоверяющие личность, в Российской империи // Научный вестник Крыма. 2017. № 4 (9). С. 1–12.
6. Емельянов В.М. История Формирования паспортной системы в России до 1917 года / В сб.: Российская полиция: история и современность (к 300-летию российской полиции). Тюмень, 2018. С. 97–107.
7. Гошаев И. М. Административная преюдиция в уголовном законодательстве: понятие и виды // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 7. С. 81–84.
8. Белоголовцев С. Р., Забаев А. А., Ладанова О. Ю., Мурзина К. Н. Из истории становления паспорта / В сб.: Современные технологии документооборота в бизнесе, производстве и управлении (с международным участием). Под ред. Л. Р. Фионовой, О. И. Семьянковой. Пенза, 2021. С. 11–13.

References

1. Shestel A. A. Legal regulation of the passport regime in Russia: historical and legal aspect. In: *Actual problems of the modern Russian legal system*. 2016:119–123. (In Russ.)
2. Razin M. V., Koshkarova Yu. A. Historical aspects of migration regulation and control in Russia. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava = Issues of Russian and international law*. 2019;9(10-1):469–476. (In Russ.)
3. Baiburin A. K. To prehistory Soviet passports (1917-1932). *Neprikosnovennyy zapas = Emergency reserve*. 2009;(2):140–154. (In Russ.)
4. Gushchin A. D. The origins of the passport system in Russia. *Akademicheskaya publitsistika = Academic essays*. 2020;(11):205–211. (In Russ.)
5. Konkova A. Yu. Identity documents in the Russian Empire. *Nauchnyi vestnik Kryma = Scientific Bulletin of the Crimea*. 2017;4(9):1–12. (In Russ.)
6. Emelyanov V. M. The history of the formation of the passport system in Russia before 1917. In: *Russian police: history and modernity (to the 300th anniversary of the Russian police)*. Tyumen. 2018:97–107. (In Russ.)
7. Goshayev I. M. Administrative prejudice in criminal legislation: concept and types. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2016;(7):81–84. (In Russ.)
8. Belogolovtsev S. R., Zabaev A.A., Ladanova O.Yu., Murzina K.N. From the history of passport formation. In: *Modern document management technologies in business, production and management (with international participation)*. L. R. Fionova, O. I. Semyankova (eds.). Penza; 2021:11–13. (In Russ.)

Информация об авторах

А. Б. Дудаев – кандидат юридических наук, доцент кафедры административно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина.
В. В. Ткаченко – кандидат экономических наук, доцент кафедры управления и административной деятельности органов внутренних дел Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина.
Э. А. Безуглый – кандидат экономических наук, доцент кафедры управления и административной деятельности органов внутренних дел Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина.

Information about the authors

A. B. Dudaev – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines of Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
V. V. Tkachenko – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Management and Administrative Activities Department.
E. A. Bezugly – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Management and Administrative Activities Department.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.02.2023; одобрена после рецензирования 17.02.2023; принята к публикации 20.02.2023.

The article was submitted 01.02.2023; approved after reviewing 17.02.2023; accepted for publication 20.02.2023.

ГЕНЕЗИС И РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРИРОДООХРАННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Наталья Владимировна Щитова^{1, 2}

¹Министерство природных ресурсов и экологии Ростовской области, Ростов-на-Дону, Россия

²Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, 13ata@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются ключевые особенности природоохранного законодательства Древней Руси, Московского государства и Российской Империи, рассматривается трансформация целевой направленности данного процесса, анализируются ключевые положительные и негативные моменты, характерные для отечественной системы природоохранного регулирования на различных исторических этапах ее развития.

Ключевые слова: природоохранное законодательство, охрана окружающей среды, экологическое право, Древняя Русь, Московское государство, Российская Империя, Петр I

Для цитирования: Щитова Н. В. Генезис и развитие отечественного природоохранного законодательства в досоветский период // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 68–74. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-1-68-74>

Problems of Constitutional, Administrative and Environmental Law

Original article

GENESIS AND DEVELOPMENT OF DOMESTIC ENVIRONMENTAL LEGISLATION IN THE PRE-SOVIET PERIOD

Natalia V. Shitova^{1, 2}

¹Ministry of Natural Resources and Ecology of the Rostov Region, Rostov-on-Don, Russia

²South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, 13ata@mail.ru

Abstract. The article examines the key features of the environmental legislation of Ancient Russia, the Moscow state and the Russian Empire, examines the transformation of the target orientation of this process, analyzes the key positive and negative aspects characteristic of the domestic system of environmental regulation at various historical stages of its development.

Keywords: environmental legislation, environmental protection, environmental law, Ancient Rus, Moscow State, Russian Empire, Peter I

For citation: Shitova N. V. Genesis and development of domestic environmental legislation in the pre-soviet period. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(1):68–74. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-1-68-74>

В современных условиях обеспечение охраны окружающей среды является одним из важнейших направлений деятельности органов государственной власти, в том числе, и в контексте всеобъемлющего правового регулирования отношений, складывающихся в данной сфере. Однако формирование системы подобного регулирования явилось результатом длительной эволюции, истоки которой, если рассматривать отечественный опыт, уходят своими корнями в эпоху средневековья.

Так, в Пространной редакции «Русской Правды», датируемой началом XII века, десять статей имели непосредственное отношение к регулированию лесных промыслов и, в первую очередь, бортничества – сбора меда, производимого пчелами, обитающими в дуплах деревьев.

В частности, штраф в размере двенадцати гривен, что было сопоставимо с размером санкций, налагаемых на виновного в случае убийства холопа, был предусмотрен за рубку дуба, у которого имелась действующая борть, то есть улей в дупле этого дерева. Отметим, что аналогичное наказание было установлено, например, за кражу бобров, которые считались княжеской собственностью [1].

Истребление птиц, обитающих на территории княжеских водоемов, влекло за собой наказание в виде выплаты двусоставного штрафа, подразумевавшего возмещение их стоимости, а также величину «продажи». В то же время, штраф за рубку леса и покос травы в чужих владениях не подразумевал подобное подразделение на составные части, что было обусловлено крайне низкой стоимостью дров и сена [2]. Также Пространная правда запрещала занятие охотой в чужих владениях.

Констатируя точечность, запретительный и карательный характер данных мер и отсутствие системности при их формулировании, в то же время необходимо указать на то, что придание им обязательного характера явилось первой попыткой ограничения беспрепятственного использования природных ресурсов, естественно, при выдвижении на первый план необходимости защиты права собственности на эти ресурсы.

Дальнейшее, правда, достаточно ограниченное развитие правовых норм, регулирующих взаимодействие человека и окружающей природной среды, получило в т.н. судебных книгах XV – XVI веков. В частности, в Судебнике Ивана III от 1497 года предусматривалось наказание за нанесение вреда лесным массивам, а умышленный поджог леса карался смертной казнью.

При этом следует отметить, что именно защита лесных массивов являлась одним из приоритетов природоохранных мероприятий, реализуемых властями русских земель, а впоследствии и Московского государства, что в значительной степени объяснялось их ключевым значением с точки зрения обеспечения национальной безопасности. В частности, уже в XIV веке устанавливается заповедный характер имевших оборонительную направленность лесных заповедий, предусматривавший наличие запрета в отношении рубки лесных насаждений, прокладки дорог, распашки земель, а также сбора валежника. В случае нарушения указанных предписаний имела место достаточно жесткая ответственность - от уплаты высоких штрафов до смертной казни.

Начиная с XV века, царские охранные грамоты запрещали вырубку лесов во владениях многих монастырей, а в XVI веке подобная практика распространилась и в отношении защиты боярских лесов. Таким образом, вполне логичной выглядит постулируемая многими исследователями точка зрения, констатирующая формирование системы правовой охраны объектов природы через защиту прав собственности владельцев этих объектов. В данном контексте правовыми нормами каралось причинение ущерба природе, связанное с посягательством на владельческие права [3].

При этом в отношении нарушителей запретов вводились санкции, сочетавшие охрану интересов государства и владельцев угодий, что проявлялось во взимании штрафа, часть которого поступала тем, чьи права были нарушены, а часть – в казну. Отметим, что подобная практика имела место и в отношении посягавших на объекты животного мира. Например, взимание двухрублевого штрафа устанавливалось за незаконный лов рыбы и отлов бобров в чужих владениях [4].

В северных регионах страны предусматривался запрет на рубку лесных угодий, располагавшихся на берегах рек, что было обусловлено их антипаводковым значением. Так, царским указом, датированным 1563 годом, была запрещена подобная вырубка на берегах Двины [5].

Важно также отметить относящийся к концу XVI века первый опыт природоохранной регламентации рыболовства. Наказ астраханским воеводам, изданный в 1591 г., предписывал установление запрета на вылов излишней рыбы. Также в документе устанавливался запрет на вылов мелкой сельди и содержались требования к неводам, которые разрешалось использовать [6].

В XVII веке основной упор при проведении лесоохранной политики делался на обеспечении целостности сибирских промысловых лесов, поступления от соболиного промысла в которых составляли существенную долю доходов государства.

Соборное Уложение, принятое в 1649 г., относил самовольную рубку чужого леса к разряду имущественных преступлений и предусматривало за это ответственность в денежной форме. Тягчайшим преступлением, каравшимся смертной казнью, определялся поджог лесных угодий. Также в Соборном Уложении было предусмотрено достаточно суровое наказание за незаконный лов рыбы в частных владениях [7].

Отдельные статьи Уложения регламентировали ответственность за разрушение бобровых гонов и кражу бобра, порчу борти и кражу пчел, поджог травы, порчу межевых знаков, убийство и кражу домашних животных.

В целом же в данном правовом акте регламентировалась ответственность в разрезе более десяти составов правонарушений, имеющих отношение к тем или иным аспектам охраны окружающей среды, а параметры этой ответственности определялись наличием умысла и степенью тяжести совершенного правонарушения. При этом к числу видов ответственности за подобные преступления были отнесены смертная казнь, тюремное заключение (в том числе и пожизненное), битье кнутом и батогами, выплата штрафа и компенсация вреда.

Важное значение в контексте формирования норм ответственности за нарушение правил природопользования имел Именной указ Алексея Михайловича от 29 мая 1659 г., в соответствии с которым в случае посягательства на состояние лесного фонда вина возлагалась не только на лиц, допустивших подобное посягательство (в частности, браконьеров и поджигателей), но и на воевод, отвечающих за предоставление участков леса в эксплуатацию [8].

Можно констатировать, что во второй половине XVII века тенденции развития природоохранного регулирования продемонстрировали смещение парадигмы от обеспечения охраны имущественных прав на природные объекты к учету общественных интересов, обретавшему свое проявление во введении дополнительных ограничений в разрезе различных аспектов взаимодействия человека и окружающей среды.

В частности, объектом правового регулирования становится проблематика обеспечения чистоты на улицах городских поселений. Так, в принятом в 1686 г. в период регентства царевны Софьи документе под названием «Статьи объезжим головам» вводился запрет оставлять на городских улицах «навоз, мертвечину и всякий скаредный помет». При этом за нарушение порядка сбора мусора и препятствование данному процессу в 1699 г. было определено наказание в виде битья кнутом и взимания пени.

Также к концу XVII века относятся первые законодательные акты, регулирующие вопросы охраны объектов животного мира. В частности, в 1683 г. были запрещены охота на дичь и отстрел птицы около Москвы, в том числе, и на вотчинных землях.

К эпохе правления Петра I относится установление ограничений на осуществление охоты в охранных зонах вблизи как Москвы, так и Санкт-Петербурга. При этом наиболее жесткие требования имели место в отношении проведения охоты на лосей. Также следует отметить установленный «Уставом о рыбной ловле» в 1704 г. запрет рыбного промысла в необорочных водах.

Еще одним направлением защиты животного мира явилось введение государственной монополии на добычу пушнины. Кроме того, было закреплено осуществление деятельности по разведению соболей, для чего животные доставлялись непосредственно в Москву [9].

Важнейшее значение в развитии системы природоохранного регулирования имеет петровский Указ, принятый 19 ноября 1703 г., которым определялись создание «заповедных участков» и устанавливалась защита «заповедных деревьев». При этом данные положения как на казенные, так и на частные леса.

Введение строгих ограничительных норм в сфере лесопользования в значительной степени было обусловлено необходимостью обеспечения потребностей активно развивавшегося в петровскую эпоху российского кораблестроения. Важное значение имело принятие в 1723 г. Инструкция обервальдмейстеру, которая стала своеобразным сводом лесного законодательства, в частности, регулирующим и различные аспекты лесоохраны. Анализ ее ключевых положений показывает, что в качестве ключевого принципа в ней было заложено неистощительное использование лесных ресурсов.

Изданный в 1718 г. Указ об охране водоемов, в частности, затрагивавший вопросы защиты береговой полосы от размывания, заложил основы водоохранного регулирования. Так, устанавливались водоохранные зоны шириной 50 верст по берегам больших рек и 20 верст – по берегам малых рек.

В следующем году появился еще один императорский указ в развитие данного направления природоохранного регулирования, предусматривающий установление ответственности за загрязнение Невы. В 1722 г. подобные установления были определены и в отношении обеспечения чистоты московских рек, что вменялось в обязанности московского полицмейстера.

Также именно в этот период закладываются правовые основы регулирования недропользования. В частности, в петровском указе от 1719 г. определяется возможность заинтересованных лиц «искать, плавить, варить и чистить металлы и минералы». При этом следует отметить, что впервые в отечественном правовом регулировании проблематика ответственности за ненадлежащее недропользование обрела свое воплощение еще в середине XVII века в Наказе царя Алексея Михайловича дьякону Василию Шпилькину, однако, в общем и целом, постановка данного вопроса имела в нем экономический характер [8].

Пионерные шаги были сделаны в период правления Петра I и в плане формирования основ рационального землепользования. В частности, был закреплен переход к уборке зерновых с помощью косы, а не «вырывания», существенно нарушавшего состояние земного покрова. Также были организованы мероприятия, ориентированные на заселение пустующих и, как следствие, необрабатываемых земель.

Всего же в период правления Петра I было издано порядка 60 законодательных актов, регулирующих различные аспекты природопользования и охраны окружающей среды [10].

Рассматривая развитие системы природоохранного регулирования в послепетровский период, отметим, что царствование Елизаветы Петровны в данном контексте было ознаменовано ужесточением ограничений на проведение охоты вблизи столичных городов. В период нахождения на троне Анны Иоанновны была издана «Инструкция о заводе и севе для удовольствия ее императорского величества вновь лесов», а также образована Обергермейстерская императорская канцелярия, являвшаяся специализированной структурой, регулировавшей вопросы охоты. При этом следует отметить, что указанная сфера становится чуть ли не приоритетным направлением правоустановительной деятельности, имеющей отношение к охране природы.

Важное природоохранное значение имело издание Екатериной II в 1766 г. указов о генеральном межевании, позволивших заложить основу для формирования принципиально новой системы управления природными ресурсами на государственном уровне. Однако следует отметить, что во время ее правления частным владельцам было предоставлено право пользоваться принадлежащими им лесами по своему усмотрению, что привело к существенному увеличению площадей, на которых они были вырублены.

В рамках реализации мероприятий по нивелированию последствий проявления данной тенденции Павлом I было принято решение о создании Лесного департамента, в ведении которого передавались все казенные леса. При этом через год после своего восшествия на престол императором Александром I был утвержден подготовленный данным департаментом проект Устава о лесах.

В целом же, конец XVIII и первая половина XIX вв. характеризуются определенным снижением внимания, уделяемого государством проблематике природоохранного регулирования, а по некоторым направлениям произошел откат назад, проявившийся в отмене целого комплекса принятых ранее ограничений, что имело своим следствием проявление ряда негативных тенденций. В частности, к середине XIX в. в России впервые проявилась проблема оскудения рыбных запасов в важнейших районах промысла, что в значительной степени стало следствием отказа от монополии государства и перехода к свободному промыслу в начале второй половины XVIII в. Подобная ситуация обусловила издание ряда законодательных актов, имеющих отношение к формированию первичных основ системы рыбоохраны. Так, в 1835 г. был принят Закон об охране и заповедании рыбных нерестилищ, а в 1842 г. введены ограничения на осуществление рыбной ловли в Каспийском море в определенные месяцы года [11].

Важнейшее значение в развитии системы природоохранного регулирования имело принятие в 1833 г. Правил «О размещении и устройстве частных заводов, мануфактурных, фабричных и иных заведений в Петербурге», устанавливавших обязательность «поглощения либо сжигания газов, отделяемых при производстве работ». Также в данных Правилах была осуществлена градация предприятий, загрязняющих атмосферный воздух на три категории в зависимости от степени этого воздействия, а предприятием, относящимся к третьей категории, для которых характерна максимальная степень загрязнения, должны размещаться за пределами городской территории [12]. Нарушение данных положений в соответствии с определенными в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных от 1845 г. предполагало уничтожение предприятий за счет нарушителя, который, кроме того, подвергался наказанию в виде денежного штрафа либо ареста.

В конце XIX в. вновь пристальное внимание в рамках регулирования природоохранной деятельности было обращено на проблему обеспечения воспроизводства лесных ресурсов. Так, в принятом в 1888 г. Положении о сбережении лесов впервые констатировалась их важнейшее природоохранное значение и установлена категория защитных лесов, к которой были отнесены леса, сдерживающие зыбучие пески, препятствующие песчаным заносам, защищающие берега водных источников и т.д. Также в нем были запрещены сплошные рубки лесов.

В отношении нарушителей установленных норм предусматривалось взыскание штрафа, эквивалентного стоимости нарушенных угодий. В случае проведения расчистки в защитных лесах или преобразование лесов в другой вид угодий с нарушителя взымалось денежное взыскание в размере пяти рублей за каждые 100 сажень расчищенной площади. Кроме того, были предусмотрены штрафы за неразрешенный выпас скота в лесу. Деньги, полученные в результате выплат штрафов и реализации изъятых лесов, составляли специальные средства лесного ведомства, которые использовались на нужды развития лесного хозяйства.

Еще одной важной вехой в развитии природоохранного законодательства стало принятие в 1905 г. нового Лесного устава, правда, недостаточно структурированного и излишне объемного. Тем не менее, данный документ не только регламентировал широкий круг процедур лесопользования, но и формировал экологические принципы лесоохраны с целью обеспечения истощения данного компонента природного богатства [13].

Новая редакция Лесного устава, появившаяся в 1913 г. с целью устранения имевшихся недоработок, предполагала возможность экспроприации в пользу государства лесных участков у владельцев, нарушающих законодательно установленные нормы лесопользования. Также был установлен порядок формирования лесоохранных комитетов на уровне губерний.

Касаясь развития некоторых других направлений отражения природоохранных аспектов в российском законодательстве, следует отметить, что первый проект специализированного отечественного законодательного акта, посвященного регулированию вопросов, имеющих отношение к сфере охоты, был разработан в Министерстве внутренних дел в конце 1850-х гг., однако, принят подобный закон был только в 1892 г. При этом следует отметить, что под его действие не подпадали территории, расположенные в сибирской части государства. Основное содержательное наполнение Закона «Об охоте» заключалось в запрете использования в ее процессе «истребительных способов» и усиления механизмов надзора за состоянием популяций «полезных» зверей и птиц. В частности, право осуществления охоты распространялось только на территорию земель, принадлежавших их владельцу. При этом временные рамки проведения сезонной охоты в отношении конкретного вида дичи были единообразными для всей территории Российской Империи [4, с. 113].

Важнейшие положения, регулирующие осуществление звериного и рыбного промысла, содержались в одноименном разделе Устава сельского хозяйства. В свою очередь, регламентация мер ответственности за нарушение норм законодательства об охоте, зверином и рыбном промыслах была осуществлена в Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Несколько позднее часть из этих норм нашла свое воплощение в тексте Уголовного уложения 1903 г.

Важное значение в рамках развития правового регулирования природоохранной деятельности имело принятие в 1916 г. Закона «Об установлении правил об охотничьих заповедниках» и формирование уже в том же году нескольких подобных заповедников.

При этом, рассматривая проблему развития природоохранного законодательства в Российской Империи, необходимо отметить, что в конце XIX – начале XX вв. она все в большей степени оказывалась в центре пристального внимания научной общественности, в рамках которой росло осознание постулата о том, что необходимость защиты природной среды как единого комплекса, где субъективное право человека на безопасные условия жизни определяется степенью безопасности окружающей его среды, что обуславливает необходимость ее охраны как единого комплекса на правовом уровне.

Так, в течение 1915–1916 гг. Постоянной природоохранной комиссией Русского географического общества велась разработка проекта комплексного законодательного акта об охране природы, однако трансформационные изменения, имевшие место в Российской Империи годом позже не позволили окончить эту работу.

При этом, подводя итоги проведенного анализа, можно констатировать, что природоохранное законодательства Российской Империи на протяжении своей эволюции становилось все более значимым элементом системы правового регулирования общественных отношений, вбирая в себя самые важные и актуальные аспекты проблематики взаимодействия человека, а затем и общества в целом с окружающей природной средой.

Эволюционируя от инструмента охраны имущественных прав на природные объекты к системе норм, во все большей степени учитывающих государственные и общественные интересы, российское природоохранное законодательство характеризовалось постоянным расширением круга проблем, подпадавших под сферу его регулирования. Тем не менее, необходимо указать на отсутствие в нем комплексного подхода к обеспечению охраны окружающей природной среды и по большей части антропоцентрическую, а не экоориентированную направленность его ключевых положений, что, впрочем, являлось вполне закономерным для правовой парадигмы начала XX в.

Список источников

1. Балякин К., Селяков Н.А. История уголовной ответственности за незаконный вылов водных биологических ресурсов // Вестник Международного института управления. 2015. № 1-2. С. 40–43.
2. Лукомская А.С. Генезис законодательства об ответственности за экологические преступления до 1917 года // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 4. С. 137-142.
3. Молчанов Б.А. Законодательство об охране природы Европейского Севера России XVII – начала XX в.: дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир, 2002. 301 с.
4. Насонова А.В. Становление и развитие правовой охраны животного мира со времен «Русской правды» до начала XX века // Закон и право. 2010. № 2. С. 110-113.
5. Конфоркин Л.А. Лесоохранительная политика Российского государства дореволюционного периода // Вестник Тверского Государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2016. № 4. С. 105-109.
6. Гартфильд А.А. Законодательство о незаконной охоте (браконьерстве) в Древней и Средневековой Руси // Актуальные проблемы публичного права. Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. Вып. 8. Владимир: Шерлок-Пресс. С. 92-96.
7. Булгаков М.Б., Ялбулганов А.А. Природоохранные акты: от «Русской Правды» до петровских времен // Государство и право. 1996. № 8. С. 136-146.
8. Малащенко О.В., Журавлев А.Л. Правовые аспекты становления отношений в сфере охраны окружающей среды в XVII в. в царской России // Вестник Международного юридического института. 2017. № 3. С. 124-130.
9. Лисина Н.Л. История развития российского законодательства по охране окружающей среды в городах (X в. – первая четверть XVIII в.) // Вестник Удмуртского университета. 2017. Вып. 2. С. 127-132.
10. Кайль Е.В. История становления экологического права России в период правления Петра I // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Юридические науки. 2014. № 3. С. 88-92.
11. Паршина И.А. Развитие российского законодательства, регулирующего охрану рыбных запасов // Общество и право. 2015. № 1. С. 99-103.

12. Федорук Н.А., Кирпичев И.А. История развития экологического законодательства в России до начала XX века // Научное обозрение. Педагогические науки. 2019. № 4. С. 19-21.

13. Новосардова Э.С. Кодификация лесного законодательства России в XIX в. // Общество и право. 2009. № 4. С. 13-17.

References

1. Balyakin K., Selyakov N.A. History of criminal liability for illegal fishing of aquatic biological resources. *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta upravleniya = Bulletin of the International Institute of Management*. 2015;(1-2): 40-43. (In Russ.)

2. Lukomskaya A.S. Genesis of legislation on liability for environmental crimes before 1917. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law*. 2016;(4): 137-142. (In Russ.)

3. Molchanov B. A. *Legislation on nature protection of the European North of Russia of the XVII – early XX century: dis. ... doctor law*. Vladimir; 2002. 301 p. (In Russ.)

4. Nasonova A.V. Formation and development of legal protection of the animal world since the time of the "Russian Truth" to the beginning of the XX century. *Zakon i pravo = Law and Legislation*. 2010;(2):110-113. (In Russ.)

5. Konforkin L.A. Forest protection policy of the Russian state of the pre-revolutionary period. *Vestnik Tverskogo Gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie. Vestnik Tverskogo Gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie = Bulletin of Tver State University. Series: Economics and Management*. 2016;(4):105-109. (In Russ.)

6. Hartfield A.A. Legislation on illegal hunting (poaching) in Ancient and Medieval Russia. Actual problems of public law. In: *Collection of scientific papers of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Iss. 8*. Vladimir: Sherlock-Press: 92-96. (In Russ.)

7. Bulgakov M.B., Yalbulganov A.A. Environmental acts: from the «Russian Truth» to Peter's times. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*. 1996;(8):136-146. (In Russ.)

8. Malashchenkova O. V., Zhuravlev A. L. Legal aspects of the formation of relations in the field of environmental protection in the XVII century in Tsarist Russia. *Vestnik Mezhdunarodnogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the International Law Institute*. 2017;(3):124-130. (In Russ.)

9. Lisina N. L. The history of the development of Russian legislation on environmental protection in cities (X century – the first quarter of the XVIII century). *Vestnik Udmurtskogo universiteta = Bulletin of the Udmurt University*. 2017;(2): 127-132. (In Russ.)

10. Kayl E.V. The history of the formation of environmental law in Russia during the reign of Peter I. Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriya: Yuridicheskie nauki Seriya: Юридические науки = Scientific notes of the Tauride National University named V.I. Vernadsky. Series: Legal Sciences*. 2014;(3): 88-92. (In Russ.)

11. Parshina I.A. The development of Russian legislation regulating the protection of fish stocks. *Obshchestvo i pravo Society and Law*. 2015;(1):99-103. (In Russ.)

12. Fedoruk N. A., Kirpichev I. A. The history of the development of environmental legislation in Russia before the beginning of the XX century. *Nauchnoe obozrenie. Pedagogicheskie nauki = Scientific review. Pedagogical sciences*. 2019. No. 4:19-21. (In Russ.)

13. Novosardova E. S. Codification of forest legislation of Russia in the XIX century. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*. 2009;(4):13-17. (In Russ.)

Информация об авторе

Н. В. Щитова – начальник отдела административного производства управления государственного экологического надзора министерства природных ресурсов и экологии Ростовской области, аспирант ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

N. V. Shitova – Head of the Administrative Production Department of the State Environmental Supervision Department of the Ministry of Natural Resources and Ecology of the Rostov Region; Postgraduate Student of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPa.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest

Статья поступила в редакцию 20.01.2023; одобрена после рецензирования 09.02.2023; принята к публикации 10.02.2023.

The article was submitted 20.01.2023; approved after reviewing 09.02.2023; accepted for publication 10.02.2023.

ПРАВО НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ И МЕДИЦИНСКУЮ ПОМОЩЬ: КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВАХ

Ирина Владимировна Симкина

Московский экономический институт, Москва, Россия, csoirena@mail.ru

Аннотация. Проведено сравнительное исследование вопроса о конституционно-правовом регулировании права на охрану здоровья и медицинскую помощь в государствах Европы, Азии, Южной и Северной Америки на основе анализа конституций зарубежных государств. Включены отечественной доктрина и зарубежный опыт в отношении методологии и содержания соответствующего правового воздействия в сфере здравоохранения. Исследованы субъективные правомочия в области охраны здоровья, выделены основные подходы в понимании содержания рассматриваемой категории конституционного права.

Ключевые слова: конституция, конституционное регулирование, право на охрану здоровья и медицинскую помощь, совпадающие нормы в области охраны здоровья, государственные гарантии в сфере здравоохранения

Для цитирования: Симкина И. В. Право на охрану здоровья и медицинскую помощь: конституционные основы правового регулирования в зарубежных государствах // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 75–80. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-1-75-80>

Problems of Constitutional, Administrative and Environmental Law

Original article

THE RIGHT TO HEALTH AND HEALTH CARE: CONSTITUTIONAL BASIS OF LEGAL REGULATION IN FOREIGN COUNTRIES

Irina V. Simkina

Moscow Economic Institute, Moscow, Russia, csoirena@mail.ru

Abstract. The article is devoted to research on the constitutional basis of legal regulation of the right to health and health care in foreign countries of Europe, Asia, South and North America based on the analysis of the constitutions of foreign states has been conducted. The Russian doctrine and foreign experience regarding the methodology and content of the relevant legal impact in the field of healthcare are included. Subjective competencies in the field of health care are investigated, the same standards that have received constitutional recognition in most foreign countries are identified.

Keywords: the Constitution, constitutional regulation, the right to health and health care, the same standards in the field of health protection, state guarantees in the field of health care

For citation: Simkina I. V. The right to health and health care: constitutional basis of legal regulation in foreign countries. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(1):75–80. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-1-75-80>

В плане научных исследований права на охрану здоровья и медицинскую помощь представляется важным выявление методологии и содержания соответствующего правового воздействия, что обусловлено актуализацией данного вопроса в кругу научного дискурса.

Исследования в сфере здравоохранения на основе сравнительного анализа конституций зарубежных государств отражены в научных трудах А. В. Косолапова, В. С. Маличенко, В. В. Пучковой, В. И. Цергера, Ю. Ю. Швеца и др. Так, в частности, А. В. Косолапов проводит

сравнительно-правовой анализ регулирования платных медицинских услуг в Российской Федерации и зарубежных странах. В. В. Пучкова и В. И. Цергер рассматривают проблемы и перспективы правового обеспечения конституционного права граждан на охрану здоровья на основе зарубежного опыта. Ю. Ю. Швец определяет порядок и основания ограничения конституционного права человека на охрану здоровья в законодательстве ряда зарубежных стран, В. С. Маличенко указывает на формирование международного права здравоохранения [1].

Научные исследования в области охраны здоровья на основе компаративистского подхода представлены и трудами таких зарубежных ученых, как Альтаф Вирани, Элеонора Д. Кинни, Брайан Александр Кларк, Адам М. Уэллстед и др.

Так, Элеонора Д. Кинни исследует положения о здоровье и медико-санитарной помощи в конституциях стран мира. Альтаф Вирани рассматривает проблемные аспекты транснационального здравоохранения [2].

Одним из возможных подходов в научном осмыслении состояния и перспектив правового регулирования в области охраны здоровья является сравнительный анализ конституций государств современного мира и выявление совпадающих норм, регулирующих право на охрану здоровья и медицинскую помощь, в конституциях зарубежных стран.

Предваряя сравнительный анализ конституций зарубежных государств, отметим государства, в которых право на охрану здоровья и медицинскую помощь как основное неотъемлемое право, принадлежащего каждому человеку, имеет конституционное закрепление. В Европе к числу таких государств относятся: Албания, Македония, Испания, Словения, Хорватия, Португалия, Княжество Андорра, Греция (Южная Европа); Украина, Молдавия, Болгария, Чехия, Венгрия, Белоруссия, Польша, Румыния, Словакия, Россия (Восточная Европа); Бельгия, Люксембург, Лихтенштейн, Монако, Нидерланды, Швейцария (Западная Европа); Латвия, Эстония, Литва (Северная Европа). В Азии – Афганистан, Пакистан, Бутан, Индия, Непал, Бангладеш (Южная Азия); Китай, КНДР, Южная Корея, Вьетнам, Индонезия, Монголия, Япония, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Восточный Тимор, Филиппины (Восточная и Юго-Восточная Азия); Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан (Центральная Азия); Азербайджан, Армения, Иран, Йемен, Бахрейн, Грузия, Ирак, Катар, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Саудовская Аравия, Сирия (Западная Азия). В Америке – Чили, Перу, Боливия, Уругвай, Аргентина, Бразилия (Южная Америка); Куба, Никарагуа, Гватемала (Северная Америка).

Обратимся к дифференцированному анализу конституций каждого из перечисленных выше государств. Правовое регулирование в сфере здравоохранения закреплено на конституционном уровне в некоторых государствах Южной Европы. Так, Конституцией Республики Албания (ст. 55) предусмотрена равная степень пользования данным правом гражданами Албании, а также право на медицинское страхование [3, с. 190]. Права граждан в области охраны здоровья гарантированы Конституцией Республики Македония (ст. 39), которой закреплено право и обязанность по укреплению собственного здоровья и здоровья других. Конституция Республики Словения (ст. 51) закрепляет права в области охраны здоровья, включая бесплатное медицинское обслуживание и получение бесплатного медицинского пособия [4, с. 439]. Конституцией Республики Хорватия (ст. 58) гарантировано каждому гражданину право на охрану здоровья [4, с. 457]. В Конституции Португалии (ст. 64) предусмотрены нормы в области охраны здоровья. Согласно Конституции данного государства (п. 1 ст. 64) обязанность охраны и укрепления здоровья закреплена за каждым [4, с. 768]. Аналогичным образом осуществляется конституционное регулирование рассматриваемого права в сфере здравоохранения и в Испании (п. 1 ст. 43) [4, с. 59]. Право на охрану здоровья и медицинскую помощь закреплено Конституцией Княжества Андорра (ст. 30) равно как и право пользования социальными пособиями [3, с. 232]. Забота со стороны государства о здоровье граждан гарантировано Конституцией Греции (п. 3 ст. 21) [3, с. 654].

Право на охрану здоровья и медицинскую помощь закреплено в ряде государств Восточной Европы. Так, согласно Конституции Республики Беларусь (ст. 45) за гражданами закреплено право на охрану здоровья и лечение в государственных учреждениях здравоохранения,

которое осуществляется бесплатно [3, с.306]. Определенные права граждан в области общественного страхования и получения социальной помощи закреплены в Конституции Болгарии (ст. 51). На конституционном уровне в данном государстве определены категории лиц, имеющих право на получение такой помощи, так, в частности, лица, которые в силу достижения ими старческого возраста и не имеющие близких, не могут содержать себя сами за счет своего имущества [3, с. 402]. Конституцией Венгерской Республики (§70/D) предусмотрен максимально высокий уровень физического и духовного здоровья, право на который закреплен за гражданами данного государства и лицами, проживающими на его территории [3, с. 562]. Право на получение минимального уровня государственного медицинского обслуживания гарантировано Конституцией Республики Молдова (ст. 36).

Определенный объем прав в сфере здравоохранения закреплен и в Конституции Польши (ст. 68). Согласно данной статье каждому обеспечивается равный доступ к выплатам на здравоохранение [4, с. 697]. Бесплатное медицинское обслуживание, получение медицинского пособия и охрана здоровья предусмотрены Конституцией Словацкой Республики (ст. 40) [5, с. 122]. Согласно Конституции Украины (ст. 49) охрана здоровья, равно как и получение медицинской помощи и медицинского страхования закреплено за каждым [5, с. 320]. Охрана здоровья, получение бесплатного медицинского обслуживания и медицинского пособия гарантировано Конституцией Чешской Республики (ст. 31) [5, с. 527].

Рассматриваемое право конкретно определено в Конституции Румынии (ст. 34) [5, с. 70] и в Конституции России (ст. 41), согласно которой каждому гарантировано предоставление бесплатной медицинской помощи в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения [6, с. 12].

Право на охрану здоровья и медицинскую помощь имеет конституционное закрепление и в ряде государств Западной Европы (Бельгия, Лихтенштейн, Люксембург, Монако, Нидерланды, Швейцария). В частности, право на охрану здоровья и медицинскую помощь включено в п. 2 ст. 23 Конституции Королевства Бельгии, наряду с правом социального страхования, социальную и юридическую помощь [3, с. 344]. Конституцией Лихтенштейна (ст. 26) предусмотрено поддержание и поощрение системы страхования в случаях болезни, инвалидности, старости и пожара [4, с. 378]. Конституция Люксембурга (п. 5 ст. 11) содержит нормы, регулирующие социальное обеспечение, здравоохранение и отдых трудящихся, закрепляет гарантии профсоюзных свобод граждан [4, с. 430]. Конституцией Монако (ст. 26) предусмотрено право на получение помощи государства по безработице, болезни, инвалидности, материнства, старости и др. [4, с. 593]. Конституция Королевства Нидерланды (ст. 22) закрепляет обязанность государства принимать меры, направленные на защиту здоровья населения [4, с. 616]. Согласно Конституции Швейцарской Конфедерации (п. 1b ст. 41) каждому гарантировано получение необходимой заботы о его здоровье [5, с. 543].

В Северной Европе определенные права в сфере охраны здоровья закреплены на конституционном уровне в Латвии, Эстонии и Литве. Так, в частности, право на получение медицинского обслуживания предусмотрено Конституцией Латвии (ст. 37) [7, с. 549]. Конституцией Литвы (ст. 53) предусмотрена забота со стороны государства о здоровье людей, по случаю болезни гражданам этого государства предоставляется медицинская помощь и оказание медицинских услуг [7, с. 565]. Конституция Эстонской Республики (§ 28) закрепляет за каждым право на охрану своего здоровья [7, с. 604].

Конституционные нормы в области охраны здоровья находят соответствующее закрепление и в ряде азиатских государств.

Так, согласно Конституции Азербайджанской Республики (ст. 41) каждому предоставляется право на охрану своего здоровья и медицинскую помощь [7, с. 35]. В соответствии с Конституцией Республики Армения (ст. 34) за каждым закреплено право на охрану здоровья, определен порядок предоставления медицинского обслуживания [7, с. 92].

Конституция Грузии (ст. 37) закрепляет право пользоваться страхованием здоровья, получение бесплатной медицинской помощи [7, с. 173]. В соответствии с Конституцией Королевства Бахрейн (п. «а» ст. 8) на конституционном уровне гарантированы забота о здоровье и

предоставление средств для предупреждения заболеваний и лечения [8, с. 26]. Право каждого на получение медицинского обслуживания предусмотрено Конституцией Ирака (ст. 31) [8, с. 199]. В Конституции Исламской Республики Иран (ст. 29) предусмотрено право на получение медицинской помощи за счет социального обеспечения методом страхования или иными способами [8, с. 246]. Конституцией Республики Йемен (ст. 32) здравоохранение, равно как и образование и социальные услуги, определено в качестве основной опоры для строительства и развития общества [8, с. 287]. В Конституции Государства Катар (ст. 23) содержится указание на поощрение со стороны государства развития общественного здравоохранения, обеспечение средствами, направленными на предотвращение эпидемий и болезней, осуществление лечения. Конституцией Государства Кувейт (ст. 15) предусмотрена забота об охране здоровья населения, обеспечение средствами для предупреждения и лечения эпидемий и болезней [8, с. 358]. Конституция Объединенных Арабских Эмиратов (ст. 19) закрепляет право граждан на медицинское обслуживание, предоставление профилактических и лекарственных средств от болезней, эпидемий [8, с. 426]. Королевство Саудовской Аравии заботится о всеобщем здравоохранении, обеспечивает защиту здоровья каждого подданного (ст. 31 Конституции) [8, с. 494]. В соответствии с Конституцией Сирии (п. 2 ст. 46) здоровье граждан защищается и имеет государственное обеспечение средствами защиты, лечения, медицинской помощи [8, с. 526].

Право на охрану здоровья и медицинскую помощь гарантировано конституциями государств Южной Азии – Афганистан, Бутан, Индия, Пакистан, Непал, Бангладеш. Так, согласно Конституции Исламской Республики Афганистан (п. 1 ст. 52) предусмотрено обеспечение граждан со стороны государства бесплатными средствами профилактики и лечения болезней и медицинскими услугами [9, с. 25]. Конституцией Республики Бангладеш (п. 1 ст. 18) закрепляется за государством рассмотрение решения проблем улучшения питания и совершенствования здравоохранения [9, с. 58]. Конституцией Королевства Бутан (п. 21 ст. 9) регламентировано обеспечение свободного доступа к основным публичным службам здравоохранения [9, с. 144]. Улучшение состояния народного здравоохранения предусмотрено Конституцией Индии (ст. 47) [9, с. 194]. Конституцией Федеративной Демократической Республики Непал (ст. 16) каждому гарантировано право получения базовых бесплатных услуг в сфере государственного здравоохранения [9, с. 546]. Конституцией Республики Пакистан (ст. 24) предусмотрена норма по обеспечению образованием и медицинской помощью [9, с. 627].

Право на охрану здоровья и медицинскую помощь предусмотрено в конституциях государств Центральной Азии – Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан. В частности, согласно Конституции Казахстана (п. 1 ст. 29) «Граждане Республики Казахстан имеют право на охрану здоровья» [7, с. 209]. Право на охрану здоровья, на бесплатное пользование сетью государственных учреждений здравоохранения предусмотрено и Конституцией Кыргызской Республики¹. Конституцией Республики Таджикистан (ст. 38) закреплено право каждого на охрану здоровья, получение бесплатной медицинской помощи; государственные гарантии направленные на оздоровление окружающей среды и развитие физической культуры, спорта, туризма². Конституция Туркменистана (ст. 33) гарантирует охрану здоровья и бесплатное оказание медицинской помощи в государственных учреждениях здравоохранения³. В соответствии с Конституцией Республики Узбекистан (ст. 40) за каждым закреплено право на получение квалифицированного медицинского обслуживания⁴.

Право на охрану здоровья и медицинскую помощь гарантировано конституциями отдельных государств Восточной и Юго-Восточной Азии. Так, в частности, право на охрану

¹ Конституция Кыргызской Республики 1993 года [Электронный ресурс]. URL: <http://online.zakon.ru> (дата обращения: 28.02.2023).

² Конституция Республики Таджикистан 1994 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.president.tj.ru> (дата обращения: 28.02.2023).

³ Конституция Туркменистана 1995 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldconstitutions.ru> (дата обращения: 28.02.2023).

⁴ Конституция Республики Узбекистан 1992 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldconstitutions.ru> (дата обращения: 28.02.2023).

здоровья и медицинскую помощь закреплено Конституцией Королевства Таиланд (Часть 9 «Права на услуги здравоохранения и социальное обеспечение») [10, с.803]. Согласно Конституции Республики Филиппины («О здравоохранении» Раздел 11) государство осуществляет целостный и обоснованный подход в сфере развития здравоохранения, предусматривающий охрану здоровья и социальные услуги [10, с. 964]. Конституцией Республики Восточный Тимор (п. 1 ст. 57 «Здоровье») гарантировано право каждого на охрану здоровья и медицинское обслуживание [10, с. 67]. Граждане Монголии имеют право на охрану здоровья и медицинскую помощь (п. 6 ст. 16 Конституции). Конституцией Республики «Союз Мьянма» (п. «а» ст. 28) предусмотрены гарантии по улучшению здравоохранения [10, с. 557]. Конституцией Королевства Камбоджа (ст. 72) предусмотрены государственные гарантии в отношении здоровья народа [10, с. 192]. В соответствии с Конституцией Социалистической Республики Вьетнам (ст. 61) «Граждане имеют право на охрану здоровья» [10, с. 125]. Согласно Конституции Республики Корея (п. 3 ст. 36) государство охраняет здоровье всех граждан [10, с. 990]. Конституцией КНДР (ст. 72) предусмотрено право граждан на получение бесплатной медицинской помощи [10, с. 280]. В соответствии с Конституцией Республики Индонезия (п. 1 ст. 28Н) граждане данного государства имеют право на жизнь в духовном и физическом благополучии, в здоровом окружении, получение медицинской помощи [10, с. 167].

Право на охрану здоровья и медицинскую помощь имеет конституционное закрепление в ряде государств Америки. Так, в соответствии с Конституцией Республики Чили (п. 14 ст. 10) «Государство обязано заботиться об общественном здравоохранении и гигиеническом благополучии страны»¹. Согласно Конституции Уругвая (ст. 44) государство проявляет заботу об улучшении физического и нравственного состояния, а также социального положения всех жителей страны². Защита здоровья граждан предусмотрена Конституцией Аргентинской Республики (ст. 42)³. В соответствии с Конституцией Перу (ст. 7) «Любое лицо имеет право на защиту его здоровья, его семьи и сообщества»⁴. Конституцией Венесуэлы (ст. 83) предусмотрена охрана здоровья граждан как их фундаментальное социальное право⁵. В Конституции Федеративной Республики Бразилия посвящен отдельный раздел (Раздел II «Здравоохранение») социальным правам граждан и государственным гарантиям в области охраны здоровья⁶.

Право на охрану здоровья и медицинскую помощь гарантировано конституциями отдельных государств Северной Америки – Куба, Республика Никарагуа и Гватемала. Так, в соответствии с Конституцией Республики Никарагуа (ст. 95) трудящимся гарантируется медицинская помощь, предоставляемая общественными учреждениями, создаваемыми для этой цели⁷. Согласно Конституции Кубы (ст. 50) «Все имеют право на заботу об их здоровье и на его охрану»⁸. Конституцией Гватемалы (ст. 41) предусмотрена защита и улучшение здоровья народа, финансирование со стороны государства народного здравоохранения⁹.

¹ Конституция Республики Чили 1925 года [Электронный ресурс]. URL: <http://worldconstitutions.ru> (дата обращения: 28.02.2023).

² Конституция Республики Уругвай 1951 года [Электронный ресурс]. URL: <http://worldconstitutions.ru> (дата обращения: 28.02.2023).

³ Конституция Аргентины 1994 года [Электронный ресурс]. URL: <http://worldconstitutions.ru> (дата обращения: 28.02.2023).

⁴ Конституция Перу 1993 года [Электронный ресурс]. URL: <http://worldconstitutions.ru> (дата обращения: 28.02.2023).

⁵ Конституция Венесуэлы 1999 года [Электронный ресурс]. URL: <http://worldconstitutions.ru> (дата обращения: 28.02.2023).

⁶ Конституция Бразилии 1988 года [Электронный ресурс]. URL: <http://worldconstitutions.ru> (дата обращения: 28.02.2023).

⁷ Конституция Республики Никарагуа 1986 года [Электронный ресурс]. URL: <http://worldconstitutions.ru> (дата обращения: 28.02.2023).

⁸ Конституция Кубы 2002 года [Электронный ресурс]. URL: <http://worldconstitutions.ru> (дата обращения: 28.02.2023).

⁹ Конституция Гватемалы 1956 года [Электронный ресурс]. URL: <http://worldconstitutions.ru> (дата обращения: 28.02.2023).

В заключение, отметим совпадающие нормы, которые получили конституционное закрепление в большинстве зарубежных государств. К числу таких норм относятся: право на медицинское страхование, право на бесплатное лечение в государственных учреждениях, право на социальное обеспечение, право на охрану здоровья в процессе труда, право на здоровую окружающую среду, право на достаточный жизненный уровень, право на духовное, нравственное и физическое развитие, право на защиту от проведения медицинских опытов над лицом без его согласия, право на обеспечение здорового вынашивания и рождения детей, право на свободу от физического, психического или иных форм насилия и право на защиту от физической, психической или иных форм эксплуатации.

Список источников

1. Маличенко В. С. Формирование международного здравоохранения // Московский журнал международного права. 2021. № 4. С. 6–20.
2. Virani A., Wellstead A. The north-south policy divide in transnational healthcare: a comparative review of policy research on medical tourism in source and destination countries. *Globalization and Health*. 2020 Apr. 22; 16 (1):37.
3. Конституции государств Европы: В 3 т. Т. 1 / Л. А. Окунькова. М.: НОРМА, 2001. 824 с.
4. Конституции государств Европы: В 3 т. Т. 2 / Л. А. Окунькова. М.: НОРМА, 2001. 840 с.
5. Конституции государств Европы: В 3 т. Т. 3 / Л. А. Окунькова. М.: НОРМА, 2001. 792 с.
6. Конституция Российской Федерации. М.: Проспект, 2023. 82 с.
7. Конституции стран СНГ и Балтии / Г.Н. Андреева. М.: Юристъ, 1999. 640 с.
8. Конституции государств Азии / под общ. ред. Т. Я. Хабриева. М., 2010. Т. 1. 544 с.
9. Конституции государств Азии / под общ. ред. Т. Я. Хабриева. М., 2010. Т. 2. 1024 с.
10. Конституции государств Азии / под общ. ред. Т. Я. Хабриева. М., 2010. Т. 3. 1040 с.

References

1. Malichenko V. S. The rise of International Health Law. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava = Issues of Theory of International Law*. 2021;(4):6–20. (In Russ.)
2. Virani A., Wellstead A. The north-south policy divide in transnational healthcare: a comparative review of policy research on medical tourism in source and destination countries. *Globalization and Health*. 2020; (16):37.
3. *Constitutions of the states of Europe*: In 3 vol. Vol. 1. L. A. Okunkova. Moscow: NORM; 2001. 824 p. (In Russ.)
4. *Constitutions of the states of Europe*: In 3 vol. Vol. 2. L. A. Okunkova. Moscow: NORM; 2001. 840 p. (In Russ.)
5. *Constitutions of the states of Europe*: In 3 vol. Vol. 3. L. A. Okunkova. Moscow: NORM; 2001. 792 p. (In Russ.)
6. *Constitution of the Russian Federation*. Moscow: Prospect; 2023. 82 p. (In Russ.)
7. *Constitutions country CG and Baltii*. G. N. Andreeva. Moscow: Lawyer; 1999. 640 p. (In Russ.)
8. *Constitutions of the states of Asia*: Vol. 1. T. Y. Khabrieva. Moscow; 2010. 544 p. (In Russ.)
9. *Constitutions of the states of Asia*: Vol. 2. T. Y. Khabrieva. Moscow; 2010. 1024 p. (In Russ.)
10. *Constitutions of the states of Asia*: Vol. 3. T. Y. Khabrieva. Moscow; 2010. 1040 p. (In Russ.)

Информация об авторе

И. В. Симкина – старший преподаватель кафедры правовых дисциплин Московского экономического института.

Information about the author

I. V. Simkina – Senior Lecturer of the Department of Law of the Moscow Economic Institute.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest

Статья поступила в редакцию 27.02.2023; одобрена после рецензирования 09.03.2023; принята к публикации 10.03.2023.

The article was submitted 27.02.2023; approved after reviewing 09.03.2023; accepted for publication 10.03.2023.

ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРАКТИКИ ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ ДОБЫЧИ ЭНЕРГОРЕСУРСОВ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дарья Борисовна Юсуfoва

Международный институт энергетической политики и дипломатии МГИМО МИД России, Москва, Россия, dariayusuf@ya.ru

Аннотация. Актуальность представленной статьи подтверждается тем фактом, что добывающий сектор сегодня занимает все более доминирующее положение для отечественной экономики, особенно после принятия Российской Федерацией «Стратегии устойчивого развития до 2035 года». Тем не менее, управление добывающими ресурсами всегда представляло собой серьезную проблему для многих стран мира. В статье изложены основополагающие принципы, варианты политики и передовой опыт, которые составляют основу предлагаемой практики лицензирования добычи энергоресурсов Арктического региона России. Этот анализ следует рассматривать как отправную точку, признавая, что разработка надежной лицензии на деятельность в области устойчивого развития зависит от открытого и всеобъемлющего подхода к заполнению ее нормативного содержания.

Россия, как ключевой игрок на энергетическом рынке, заинтересована в поддержании и увеличении добычи углеводородов, поэтому дальнейшая эксплуатация энергетических ресурсов Арктики является актуальной проблемой. Однако реализация нефтегазовых проектов в Арктике характеризуется плохим воздействием на природную среду, что приводит к нарушению экологического баланса в Арктике и влияет на стабильность ее экосистемы, которая является одной из наиболее уязвимых экосистем на планете.

Основная цель настоящего исследования – понять, как реализация нефтегазовых проектов в Арктике через систему лицензирования влияет на экосистему, оценить значимость этого процесса и выяснить, что государство и бизнес могли бы сделать для его успешного осуществления.

Ключевые слова: экосистема, устойчивое развитие, нефтегазовые проекты, энергетика, экологические риски, Арктика, управление проектными рисками, государство, бизнес

Для цитирования: Юсуfoва Д. Б. Правовой анализ практики лицензирования добычи энергоресурсов Арктического региона Российской Федерации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 81–86. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-1-81-86>

Problems of Constitutional, Administrative and Environmental Law

Original article

LEGAL ANALYSIS OF THE PRACTICE OF LICENSING THE EXTRACTION OF ENERGY RESOURCES OF THE ARCTIC REGION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Daria B. Yusufova

International Institute of Energy Policy and Diplomacy of MGIMO University, Moscow, Russia, dariayusuf@ya.ru

Abstract. The relevance of the presented article will be confirmed by the fact that the extractive sector today occupies an increasingly dominant position for the domestic economy, especially after the adoption by the Russian Federation of the "Strategy for Sustainable Development until 2035". Nevertheless, the management of extractive resources has always been a serious problem for many countries of the world. The article outlines the fundamental principles, policy options and best practices that form the basis of the proposed practice of licensing the extraction of energy resources of the Arctic region of Russia. This analysis should be considered as a starting point, recognizing that the development of a reliable

license for sustainable development activities depends on an open and comprehensive approach to filling out its regulatory content. Russia, as a key player in the energy market, is interested in maintaining and increasing the production of hydrocarbons, so the further exploitation of Arctic energy resources is an urgent problem. However, the implementation of oil and gas projects in the Arctic is characterized by a poor impact on the natural environment, which leads to a violation of the ecological balance in the Arctic and affects the stability of its ecosystem, which is one of the most vulnerable ecosystems on the planet. The main purpose of this study is to understand how the implementation of oil and gas projects in the Arctic through the licensing system affects the ecosystem, assess the significance of this process and find out what the state and business could do for its successful implementation.

Keywords: ecosystem, sustainable development, oil and gas projects, energy, environmental risks, Arctic, project risk management, government, business

For citation: Yusufova D. B. Legal analysis of the practice of licensing the extraction of energy resources of the Arctic region of the Russian Federation. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(1):81–86. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-81-86>

В Законе Российской Федерации «О недрах» прописано, что «...предоставленном в пользование для разведки и добычи полезных ископаемых или для геологического изучения, разведки и добычи полезных ископаемых, осуществляемых по совмещенной лицензии....»¹.

Следовательно, лицензии выдаются уполномоченными органами власти, обладающими сведениями о разработках участков недр, сроках, финансовых и прочих условиях недропользований. Компании, являющиеся владельцами лицензий на пользование недрами Российской Федерации, наделены правовыми полномочиями в области различных специальных геологических и других работ, производимых с целью поиска, обнаружения и подготовки к промышленному освоению месторождений полезных ископаемых.

«Лицензия – как «живой организм», должна постоянно отвечать на те же вызовы, возникающие перед объектом, на который она выдана»².

Далее, следует остановиться на правовом регулировании договорных отношений в области изысканий полезных ископаемых.

А. И. Перчик приводит перечень договоров при пользовании недрами, выделяя: соглашение о разделе продукции, контракт на предоставление услуг, контракт на предоставление услуг, лицензионное соглашение, концессию. При анализе разных договорных форм недропользований, А. И. Перчик обратил внимание на контракты по предоставлению услуг, где «... представляется подрядный договор, применяемый в сфере недропользования при производстве капитального ремонта скважин и проведению операций по интенсификации добычи нефти (гидроразрыв пласта и т.п.). При этом система оплаты построена в зависимости от прироста объемов добычи углеводородного сырья (контракт на предоставление услуг с риском) и размера вознаграждения по обязательствам выполнения заранее оговоренного объема технологических операций (сервисный договор без риска)» [1, с. 109].

Е. Ю. Мазков представил свое видение правового регулирования договорного отношения по геологическому изучению и добыче энергоресурсов участков недр континентального шельфа России. По Е. Ю. Мазкову, договоры по недропользованию в России содержат формы: соглашения о разделе продукции и государственного контракта по проведению работ в целях геологического изучения недр [2, с. 123–125].

А. А. Иванов выделил две особенности нефтесервисных договоров:

«1. Работы и услуги, являющиеся предметом настоящих договоров, осуществляются, как правило, в пределах лицензионных участков недр, в связи с чем у исполнителя возникает необходимость соблюдения норм специального законодательства в области экологической, промышленной и производственной безопасности, а также законодательства о недрах».

¹ Закон Российской Федерации от 21.02.1992. №2395-1 «О недрах» (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. № 10. Ст. 823. 06.03.1995.

² <http://gazpromn.tilda.ws/novuyport> – сайт «Ворота Арктики». Новая страница в освоении Ямала.

2. Деятельность участников предпринимательских отношений, оказывающих нефтесервисные услуги, чаще всего требует специального разрешения, лицензирования или осуществляется на условиях саморегулирования» [3, с. 46].

Рассматривая систему лицензирования российских компаний нефтегазовых энергоресурсов, функционирующих в ЯНАО, замечаем, что в соответствии с концепциями развития региона, оценка эффективности деятельности в рамках правовых критерий, заключается в: «рациональности использования ресурсов, обеспечении нужного уровня эффективности хозяйственной деятельности в нефтегазовой отрасли; воздействия процесса изыскания недр на природную среду; выгоды от разработок недр для социально-экономического развития ЯНАО»¹.

В соответствии с российским законодательством, лицензионная деятельность в области разработок природных ресурсов регулируется законом РФ «О недрах»² и Постановлением Верховного Совета РФ³. Тем не менее, существует «много нормативно-правовых актов, разработанных региональными ведомствами нефтегазодобывающих территорий России в целях регулирования деятельности в области недропользования» [2, с. 124].

Лицензионная система в нефтегазовом комплексе России с 1992 г. действует в рамках предоставления прав через структуру аукционов или конкурсов. Но в законодательстве отсутствуют критерии по способам предоставления лицензий. Практикой выявлен приоритет аукционной формы над конкурсной. В 2015 г. Роснедрами было объявлено 150 аукционов и 12 конкурсов на право пользования недрами углеводородного сырья, а проведено только 66 аукционов (44%) и 8 конкурсов (67%)⁴.

Согласно статье 12 Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности»⁵, для осуществления непосредственной деятельности по поиску, разведке, нефтегазодобыче или деятельности подрядной организации, привлекаемой добывающей компанией, необходимы лицензии на: «эксплуатацию взрывопожароопасных и химически опасных производственных объектов I, II и III классов опасности; производство маркшейдерских работ; обращение с взрывчатыми материалами промышленного назначения».

22 декабря 2020 г. в департаменте природных ресурсов и экологии ЯНАО состоялось заседание Аукционной комиссии по рассмотрению заявок (заявочных материалов) на участие в аукционах №№64, 65 на «право пользования участками недр местного значения по разведкам и добыче энергоресурсов на территории ЯНАО, когда принимались решения о предоставлении прав пользования 13 участкам недр в Красноселькупском, Надымском, Пуровском и Тазовском районах ЯНАО. Добытые полезные ископаемые будут использованы для обустройства объектов строительства месторождений углеводородов»⁶.

В рамках лицензии на пользование недрами: «..... недропользователями осуществляются развитие инфраструктуры регионов; регулирование объема и сроков поиска, оценки и разведки углеводородов; разработка полезных ископаемых; строительство горнодобывающих предприятий и выход их на проектную мощность; добыча полезных ископаемых из донных отложений; соблюдение требований безопасности и охраны окружающей среды при утилизации донных отложений; разовые и периодические платежи за утилизацию донных отложений; порядок найма и распределения рабочей силы и др.» [4, с. 37].

Проанализируем особенности лицензирования добычи энергоресурсов Арктического региона Российской Федерации.

¹ Федеральный закон от 04.05.2011 г. №99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (с изменениями и дополнениями) // Российская газета. 30.07.2012. № 172.

² Закон Российской Федерации от 21.02.1992 №2395-1 «О недрах» (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. № 10. Ст. 823. 06.03.1995.

³ Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 15.07.1992 г. №3314-1 «Положением о порядке лицензирования пользования недрами» // Собрание законодательства РФ. 1992. № 31. Ст. 4159.

⁴ <http://gazpromn.tilda.ws/novuyreport> - сайт «Ворота Арктики». Новая страница в освоении Ямала.

⁵ Федеральный закон от 04.05.2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (с изменениями и дополнениями) // Российская газета. № 172. 30.07.2012.

⁶ <http://gazpromn.tilda.ws/novuyreport> - сайт «Ворота Арктики». Новая страница в освоении Ямала.

Существует два вида лицензий: на геологический анализ недр и на разведку и добычу. Оба вида выдаются Роснедрами с перечнем участков для разработок и добычи, с публикацией их в реестре, определяя порядок и условия проведения аукционов.

Для получения лицензий компания-землепользователь готовит заявку с подачей ее в лицензирующий орган, который осуществляет проверку полноты и достоверности сведений в документах, рассматривает и принимает решение о выдаче ее через комиссию. После получения разрешения на выделение земель составляется план геологоразведочных работ с согласованием его соответствующими органами власти субъектов Российской Федерации на период от шести месяцев до года. В течение этого времени пользователь лишен прав проведения геологоразведочных работ.

В процессе подготовки работ по выдаче лицензий аукционная комиссия производит мониторинг заявок недропользователей, а Роснедра, рассматривая заявки, готовят протокол участия компании – заявителя в аукционных торгах, который подписывается и утверждается Роснедрами. Если на аукцион подана только одна заявка, аукцион не проводится [1, с. 119].

После получения разрешения российские компании сталкиваются с такими трудностями, как невозможность немедленно начать запланированные работы и необходимость подготовки и получения многочисленных разрешений, задержка в утверждении документов, которые не учитываются при выдаче разрешения. В таких случаях заранее запланированные работы на исследуемой нефтегазоносной территории не выполняются в срок, что приводит к административному наказанию в виде административного штрафа, а также отзыву лицензии у землепользователя согласно ст. 20 Закона¹. Невыполнение лицензионных соглашений в запланированные сроки приводит к задержкам или сокращению платежей в федеральный и региональные бюджеты, что сказывается на развитии территорий, где разрабатываются нефтяные месторождения.

В ходе законотворческого процесса в отношении недропользования выяснилось, что существует множество несоответствий между федеральными и региональными законами в этой сфере. Например, в ЯНАО, вопреки положениям «Закона о недропользовании»², региональный закон гласит, что «.....разведку, добычу полезных ископаемых, строительство и эксплуатацию подземных сооружений способны вести компании, зарегистрированные на территории округа». Это противоречит положениям Закона РФ «О недрах», согласно которому «только федеральный закон накладывает ограничения на правопользовании недрами»³.

Противоречие между федеральной и законодательной базой проявляется в положениях закона ЯНАО⁴, а именно: в составе и структуры проведения конкурсной или аукционной комиссий; дефиниций договоров проведения аукционов или торгов, относящихся к компетенциям властей федерального и местного значения в отношении недр, что в сущности противоречит положениям закона «О недрах».

В нарушение требований законодательства о недрах разработка месторождения подземных вод ведется филиалом организации в отсутствие согласованно-утвержденной в установленном порядке техдокументации по выполнению работ с использованием недр (проекта водозабора).

По выявленным нарушениям природоохранным прокурором ЯНАО руководителю АО «Ямалкоммунэнерго» вынесено представление об их устранении. Так, в связи с непринятием мер к устранению нарушений закона природоохранным прокурором в суд направлялось

¹ Закон Российской Федерации от 21.02.1992 №2395-1 «О недрах» (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. № 10. Ст. 823, 06.03.1995.

² Закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 26.06.2012 № 56-ЗАО «О недропользовании в Ямало-Ненецком автономном округе» (с изменениями и дополнениями 25.12.2022) // Ведомости Законодательного Собрания ЯНАО. Июнь 2012 г. № 5-2.

³ Закон Российской Федерации от 21.02.1992 №2395-1 «О недрах» (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. № 10. Ст. 823, 06.03.1995.

⁴ Закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 26 июня 2012 г. № 56-ЗАО «О недропользовании в Ямало-Ненецком автономном округе» (с изменениями и дополнениями 25.12.2022) // Ведомости Законодательного Собрания ЯНАО. Июнь 2012 г. №5-2;

исковое заявление о незаконных действиях АО «Ямалкоммунэнерго» и его обязанностях обеспечения разработок и утверждений в установленном порядке технического проекта по разработкам месторождений – проекта водозабора. Решением Надымского горсуда от 09.08.2021 требования природоохранного прокурора удовлетворены полностью.

Исследуя систему лицензирования в ЯНАО с точки зрения концепции устойчивого развития, недопустимо говорить «о неудовлетворении ни одному из критериев, так как одни компании-недропользователи добросовестно выполняют условия лицензионных соглашений и их деятельность положительна, другие же нарушая лицензии, своей деятельностью оказывают отрицательное воздействие на окружающую среду и социально-экономическое развитие добывающих регионов» [4, с. 36].

В рамках рациональности применения ресурсов видна неблагоприятная ситуация с крайне избирательной выборкой ресурсов компаниями, где менее привлекательные залежи не разработаны и не переданы государству. То есть действующая система лицензий добычи энергоресурсов имеет малое число предпосылок по реализации концепций устойчивого развития нефтегазоносных регионов.

В ЯНАО открыто «238 месторождений углеводородного сырья: 100 из них разрабатывают, на 138 – проводят разведочные работы»¹. По данным на 1 июля 2022 года, на Ямале «зарегистрировано 328 действующих лицензий по правам пользования недрами для геологических изучений, разведок и добычи углеводородного сырья, в том числе 300 лицензий – в пределах суши и 22 – на шельфе Карского моря. При этом из общего количества выданных лицензий 84 предусматривают только право геологического изучения недр» [5, с. 91].

На Ямале лицензии выданы 68 предприятиям-недропользователям. Основную часть имеют ПАО «НОВАТЭК», ПАО «Газпром нефть», ПАО «Газпром», ПАО «НК «Роснефть» и ПАО «ЛУКОЙЛ»².

Разведка природных энергоресурсов в России осуществляется в четырех федеральных округах: «Уральский (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, ЯНАО), Северо-Западный (Калининградская область, НАО, Республика Коми), Приволжский (Республика Татарстан, Пермский край) и Южный (Астраханская и Волгоградская области, Республика Калмыкия)» [6, с. 83].

Таким образом, проведенный правовой анализ практики лицензирования добычи энергоресурсов Арктического региона Российской Федерации в аспекте выявления особо острых вопросов в системе недропользования позволяет сделать следующие выводы:

1. Сегодня стремление российских компаний заключается в попытках «застолбить» себе будущие территории, разведав как можно больше морских нефтяных месторождений, получив как можно больше долгосрочных лицензий на разработку. Поэтому наиглавнейшая задача государственных уполномоченных органов заключается в осуществлении жесткого контроля над выдачей лицензионных разрешений на разведку и добычу энергоресурсов.

2. В ходе анализа действующей системы государственного регулирования определены проблемы, сказывающиеся негативно на социально-экономическом развитии страны. Фактор устойчивого развития экономики представлен системой лицензирования, нацеленной на активизацию геологоразведочной работы, привлечение инвестиций в основные средства, рост занятости населения и создание специальных стимулов развития нефтегазовой отрасли.

3. С учетом применения зарубежного опыта к российским условиям, необходимо законодательно внести изменения в использование схем конкурсного лицензирования, где вместо решающей роли стартовых платежей государство позволит недропользователям, способным платить более высокую цену за лицензии, вносить экономически и технологически выгодные предложения по развитию ресурсов и регионов. В результате чего, к углеводородным ресурсам будет бережное отношение, а вклад компаний в региональное развитие увеличится.

¹ <http://gazpromn.tilda.ws/novuyport> - сайт «Ворота Арктики». Новая страница в освоении Ямала.

² Ратников А. А. Зашли с севера. Сможет ли Россия воспользоваться выгодами Северного морского пути. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – <https://lenta.ru/articles/2016/03/15/northsearoute/>. (Дата обращения: 21.02.2023).

4. Введение лицензионных платежей будет стимулировать землепользователей разрабатывать не выборочные участки, а все месторождения в пределах предоставленного лицензионного участка, или возвращать их государству для передачи другим компаниям для дальнейшего исследования.

5. Необходимо значительно улучшить законодательную базу знаний о практике лицензирования добычи энергоресурсов в арктическом энергетическом секторе, а Арктическому экономическому совету провести обобщающее исследование с целью поиска передовой правовой практики, выявления извлеченных уроков и инициирования инклюзивного процесса разработки руководящих принципов для компаний по механизмам совместного использования прибыли в Арктике с участием многих заинтересованных сторон.

Список источников

1. Перчик А. И. Горное право: Учебник. Изд. 2-3, перераб. и доп. М.: Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. 272 с.
2. Мазков Е. Ю. Правовое регулирование геологического изучения и добычи нефти и газа на континентальном шельфе Российской Федерации. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
3. Иванов А. А. Нефтесервисные договоры апстрима: Система договорных связей нефтегазовых компаний России на этапе разведки и добычи углеводородного сырья // Энергетическое право. 2013. № 2. С. 45–48.
4. Пантелейко И. А., Скачек К. Г. Основы недропользований и лицензирования нефтегазовых месторождений. Тюмень: ТюмГНГУ, 2011. 50 с.
5. Мохов И. И., Хон В. Ч. Продолжительность навигационного периода и ее изменения для Северного морского пути: модельные оценки // Арктика: экология и экономика. 2015. № 2 (18). С. 88–95.
6. Ульченко М. В. Перспективы поставок российского арктического ПГ в страны Азиатско-Тихоокеанского региона // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2020. № 1. С. 79–91.

References

1. Perchik A. I. *Mining law*: Textbook. Ed. 2-3, reprint. and additional. Moscow: Publishing House "PHILOLOGY THREE"; 2002. (In Russ.)
2. Mazkov E. Yu. *Legal regulation of geological exploration and production of oil and gas on the continental shelf of the Russian Federation*. Dis. ... cand. jurid. sciences'. Moscow; 2008. (In Russ.)
3. Ivanov A. A. Upstream oilfield service contracts: The system of contractual relations of Russian oil and gas companies at the stage of exploration and production of hydrocarbons. *Energeticheskoe pravo = Energy law*. 2013;(2):45–48. (In Russ.)
4. Panteleiko I. A., Skachek K. G. Fundamentals of subsoil use and licensing of oil and gas fields. Tyumen: TSOGU; 2011. 50 p. (In Russ.)
5. Mokhov I. I., Khon V. Ch. Duration of the navigation period and its changes for the Northern Sea Route: model estimates. *Arktika: ekologiya i ekonomika = Arctic: ecology and economics*. 2015;2(18):88–95. (In Russ.)
6. Ulchenko M. V. Prospects for the supply of Russian Arctic GHG to the countries of the Asia-Pacific region. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka = The North and the market: the formation of an economic order*. 2020;(1):79–91. (In Russ.)

Информация об авторе

Д. Б. Юсуfoва – аспирант Международного института энергетической политики и дипломатии МГИМО МИД России.

Information about the author

D. B. Yusufova – Graduate Student of the International Institute of Energy Policy and Diplomacy of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest

Статья поступила в редакцию 31.01.2023; одобрена после рецензирования 28.02.2023; принята к публикации 01.03.2023.

The article was submitted 31.01.2023; approved after reviewing 28.02.2023; accepted for publication 01.03.2023.

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 87–93
North Caucasus Legal Vestnik. 2023;(1):87–93

Проблемы гражданского, предпринимательского и международного частного права
Научная статья
УДК 347.6
doi: 10.22394/2074-7306-2023-1-1-87-93

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ СУПРУГОВ В СЕМЬЕ

Ольга Григорьевна Зубарева

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, zybareva@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется уникальность института семьи и причины ее разрушения. Обозначен ряд закономерностей позволяющих говорить об исторической миссии семьи. Сделан вывод о необходимости реформирования отдельных положений Семейного кодекса и с учетом приоритетов государственной семейной политики переоценки существующих представлений о возможности правового регулирования неимущественных отношений супругов в семье. Несмотря на «революционность» некоторых предложений, статья имеет целью – приглашение к дискуссии.

Ключевые слова: семья, супруги, традиционные духовные ценности, правовое регулирование, неимущественные отношения, права – обязанности

Для цитирования: Зубарева О. Г. Правовое регулирование неимущественных отношений супругов в семье // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 87–93. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-1-87-93>

Problems of Civil, Business and Private International law

Original article

LEGAL REGULATION OF NON-PROPERTY RELATIONS OF SPOUSES IN THE FAMILY

Olga G. Zubareva

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, zybareva@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the uniqueness of the institution of the family and the reasons for its destruction. A number of patterns are indicated that allow us to talk about the historical mission of the family. It is concluded that it is necessary to reform certain provisions of the Family Code and, taking into account the priorities of the state family policy, to reassess existing ideas about the possibility of legal regulation of non-property relations of spouses in the family. Despite the "revolutionary" nature of some proposals, the article aims to invite discussion.

Keywords: family, spouses, traditional spiritual values, legal regulation, non-property relations, rights and obligations

For citation: Zubareva O. G. Legal regulation of non-property relations of spouses in the family. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(1):87–93. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-1-87-93>

Семья как социальный институт всегда являлась той основой, на которой строились все сложнейшие конструкции общественной организации. Семья возникла в эпоху неолита и до настоящего времени остается наиболее устойчивым социальным образованием: 85 % людей в мире живут в семьях (преимущественно в нуклеарных – супруги и их дети). Адаптируясь

к новым социальным условиям, семья вынуждена менять те или иные функции, способы коммуникации, но сам институт семьи неизменно сохраняется. Как древнейший социальный институт, семья есть базис общества. Подчеркивая значимость семьи для общества, Г. В. Гегель писал: «... семья – та начальная ступень социализации человека, первичная форма, которая качественно отличает социум от стаи животных» [1, с. 209–210], поэтому здоровье каждого общества во многом зависит от здоровья семьи.

Уникальность этого института заключена в преемственности поколений и наследовании социального и национального сознания, духа, опыта, менталитета.

«Семья для человека всегда была сосредоточением всей его нравственной и хозяйственной деятельности, смыслом существования, опорой не только государственности, но и миропорядка. Почти все этические и эстетические ценности складываются в семье» [2, с. 306].

Длительное время институт семьи и брака находился в стагнации. Причин тому было немало. Большой либеральный этап советского периода сыграл определенную роль. Равенство во всех семейных вопросах привело к серьезному изменению ценностных ориентаций в семье. Ряд авторов считают, что толчком к этому процессу послужили переживаемые семьей экономические трудности в связи с переходом к жизни в условиях регулируемого рынка [3, с. 82; 4]. А. В. Носкова замечает, что семейные обязанности требуют терпения, кропотливой работы, умения идти на уступки [5]. В культуре начинают доминировать идеалы абсолютно независимой личности, освобожденной от обязанностей перед родом и семьей, формируются ценности противостояния поколений – замечает Е. В. Новоселова [6].

Слишком тонкая грань лежит между индивидуализмом – желанием выразить себя новыми средствами индивидуализации и эгоизмом, себялюбием – нежеланием заботиться об окружающих. Зачастую молодые люди рассматривают брак как этап к самоутверждению и самореализации, думая только о личностном развитии.

Приобщение к свободе быстрее происходит в городах, где больше выбор удовольствий и ниже социальный контроль. «Городские жители все реже в зарегистрированный брак вступают, но при этом, все чаще разводятся, причем независимо от наличия в семье детей; чаще вступают в повторные союзы, опять же, как правило, неформальные и свободные от обязательств» [7]. В мире, где более половины людей живет в городах, оказывается, что «семейные ценности остаются за рамками интересов развития цивилизации... Отдельной (одинокой) личности легче соответствовать – духу времени и отвечать его требованиям (т.е. современному мегаполису)» [8]. В условиях современного мегаполиса семейные связи все чаще становятся для отдельной личности слишком обременительными. В странах ЕС почти треть домохозяйств состоит из одного человека (31,7 %) и примерно столько же из двух (31,2 %)¹.

На протяжении последних десятилетий в мире стабильно растет число молодых людей, никогда не состоявших в браке, откладывается время вступления в брак. В браки в России, как и в европейских странах, начинают вступать все позже. Средний возраст заключения первого брака увеличился с 1990 года по 2011 на 3,5 года для мужчин (с 23,93 лет до 27,38) и на 3 года для женщин (с 21,86 до 24,97).

Данные показатели подтверждаются на региональном уровне. По данным Управления ЗАГС Ростовской области в 1980 году вступило в брак 42509 человек; в 1990 – 39566; в 2000 – 25583; в 2020 – 20935².

Все меньше и меньше в таких семьях встает вопрос о потребности в нескольких детях. Появляются и становятся популярными движения за свободу от детей. Чайдффри считают детей обузой [9].

В литературе обращается внимание, что некоторые традиционные признаки семьи утрачивают свое значение. Появляются предложения рассматривать семью как институт, основанный на договоре о совместной деятельности [10].

¹ <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0671/barom02.php>

² <https://www.donland.ru/result-report/1665/>

Судебная практика содержит примеры анализа общности интересов, единства и целостности семьи. Так в решении от 18.11.2019 Амурский городской суд Хабаровского края подчеркивая целостность семьи и семейных связей указал, что «одновременно с причинением вреда семейным связям человека нарушено ряд его личных неимущественных прав, состав которых зависит от специфики семейных связей члена семьи с умершим. *Наряду с причинением вреда семейным связям как неимущественному благу в случае смерти члена семьи могут быть нарушены личные неимущественные права других членов семьи*»¹.

В решении Аксайского районного суда г. Ростова-на-Дону от 13.05.2022 и апелляционном определении Ростовского областного суда от 09.08.2022 суды ссылаются на интересы семьи. «По мнению истцов ответчица зная о болезненном состоянии здоровья мужа *сознательно действовала в ущерб интересам семьи* совершая с ним сделки по отчуждению имущества»².

Приведенные точечные примеры анализа общности интересов, единства и целостности семьи судебными инстанциями употребляются в делах скорее в повествовательной форме не повлияв на резолютивную часть вынесенных решений.

Применительно к вопросу о возможности признания за гражданами статуса «член семьи собственника», содержащегося в ч. 1 ст. 31 ЖК РФ, высшая судебная инстанция дала разъяснение, что семейные отношения характеризуются, в частности, взаимным уважением и взаимной заботой членов семьи, их личными неимущественными и имущественными правами и обязанностями, общими интересами, ответственностью друг перед другом, ведением общего хозяйства³. Данная позиция высшей судебной инстанции транслируется в решениях судебных органов⁴. Она заслуживает всецелой поддержки.

Вопрос о крепкой семье и традиционных семейных ценностях приобрел новое прочтение в связи с принятием изменений в Конституцию Российской Федерации, которыми к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Федерации отнесена защита семьи, материнства, отцовства и детства; защита института брака как союза мужчины и женщины; создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях (п. «ж. 1» ч. ст. 72), а к полномочиям Правительства Российской Федерации обеспечение проведения в Российской Федерации единой социально ориентированной государственной политики укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей (п. «в» ч. ст. 114). Подписанный 9.11.2022 Указ Президента РФ № 809 поставил точку в данном многолетнем вопросе. Пунктом 5 данного Указа в числе традиционных духовно-нравственных ценностей названа **крепкая семья**.

Мы уверены, в условиях существующих реалий современной России СЕМЬЯ будучи одновременно своеобразной микросоциальной общностью и социальным институтом должна оставаться уникальным консолидирующим и интегрирующим началом, ареной социализации подрастающего поколения, экономической деятельности, психологической защиты. Она должна оставаться бесспорной общечеловеческой ценностью, «шоко-поглотителем» общества, единственной стабильной точкой в быстро изменяющемся мире. А в выполнении функций, направленных на поддержание биологической и социальной непрерывности общества, так и должна продолжать заключаться историческая миссия семьи как социального института.

¹ Решение № 2-1038/2019 2-1038/2019~М-1091/2019 М-1091/2019 от 18 ноября 2019 г. по делу № 2-1038/2019 // <https://sudact.ru/regular/doc/0maKgVwE9aZr/>

² https://sudact.ru/regular/doc/?regular-txt=&regular-case_doc=2-34%2F2022&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=13.05.2022&regular-date_to=&regular-workflow_stage=10&regular-area=1008&regular-court=Аксайский++районный+суд+%28Ростовская+область%29&regularjudge=Чимидов+Мерген+Владимирович+%28Аксайский++районный+суд+%28Ростовская+область%29%29#searchResult

³ См. п. 11 Постановления Пленума ВС РФ от 2 июля 2009 г. N 14 "О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении ЖК РФ".

⁴ Решение Кандалакшского районного суда Мурманской области М-855/2020 от 7 сентября 2020 г. по делу № 2-868/2020; Решение М-567/2020 от 3 июля 2020 г. по делу № 2-717/2020 Мичуринского городского суда Тамбовской области; Решение Солнечногорского городского суда Московской области М-59/2020 от 6 февраля 2020 г. по делу № 2-1567/2020

Обратное мы наблюдаем сегодня в странах транслируемых иные ценности (не семейные), обезличивающих гендерные роли, захлебывающихся в погоне за «псевдо-равенством».

Кстати, результатом проводимой сегодня государственной политики стало увеличение количества зарегистрированных браков. В Ростовской области по данным Управления ЗАГС за последний 2022 год их количество возросло до 29445 (напомним в 2020 было 20935)¹.

Роль России на мировой арене видится нам, как раз в последовательном движении за устойчивость союзов, как семейных, так и национальных. В великой силе основ братства, любви, взаимопомощи и поддержке всех всеми, начиная с малых семейных групп и заканчивая большой великой страной. Страной о которой слагали стихи Державин, Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Тургенев, Некрасов; о которой писали музыку Чайковский, Мусоргский, Римский-Корсаков, Рахманинов. Страной с великой историей и культурой, с национальными традициями и обычаями. Этим всегда была сильна наша Россия, умением объединять и сплачивать – наверное в этом ее историческая миссия.

Одним из направлений такого движения является повышения авторитета семьи, а значит и эффективности семейного права как науки, которая в значительной степени зависит от глубины понимания сущности и назначения целей семейного права, изучения происходящих в ее недрах процессов, их сочетания с вопросами общегосударственного масштаба, так завещала нам Александра Матвеевна Нечаева [11, с. 4–5].

Как повысить авторитет семьи и семейных ценностей? Наверное социологи, психологи, философы во исполнение Указа Президента от 9 ноября 2022 г. № 809 будут вырабатывать свой набор инструментов, позволяющих решить эту задачу. Юристы обладают правовым инструментарием воздействия. Необходима грамотная расстановка акцентов в правовом регулировании прежде всего личных отношений между членами семьи, и в частности – супругов, учитывая, что личные отношения это основа семейных правоотношений.

Стоя на позициях отраслевой самостоятельности семейного права Ю. Ф. Беспалов, справедливо утверждает, – нравственное регулирование; направленность на создание семьи, рождение, содержание и воспитание детей – вот критерии определяющие самостоятельность семейных отношений [12, с. 4–5].

С момента заключения брака атмосферу семьи создают безусловно личные неимущественные отношения между супругами. Именно они являются оплотом в семейных отношениях и определяют сущностное отличие этих отношений от гражданско-правовых.

С учетом приоритета интересов семьи в целом над интересами отдельного члена семьи [13, с. 34] необходимо данную иерархию строго выстраивать и в нормах права. Современной российской семье необходимы правовые механизмы регулирования не только имущественных, но также личных неимущественных отношений.

Практическое значение регулирования личных неимущественных отношений супругов видится в переносе центра тяжести с декларативного принципа равенства на конкретный, наполненный правовой природой механизм взаимных прав и обязанностей.

Правовому регулированию неимущественных правоотношений супругов посвящены всего две статьи. Статья 32 СК РФ регулирует вправо выбора супругами фамилии. Статья 31 СК РФ имеет, по справедливому замечанию С. В. Зыкова и М. В. Ульяновой, конституционную направленность, определяя равенство супругов в решении вопросов выбора рода занятий, профессии, места жительства [14, с. 191; 15, с. 147]. Часть 3 ст. 31 СК РФ содержит основы построения отношений супругов – взаимоуважение, взаимопомощь, забота. В этих нормах, по нашему мнению, не хватает именно обязанностей с семейно-правовой спецификой. Солидарна с авторами о необходимости рассмотрения прав и обязанностей супругов в неразрывном единстве, именно этим будет определяться общность интересов, единство и целостность семьи.

¹ <https://www.donland.ru/result-report/1665/>

В юридической литературе обязанностью считают меру должного поведения лица [16, с. 224]. А. В. Малько называл обязанность – мерой необходимого поведения [17, с. 354]. Обязанностям супругов посвящен раздел 3 СК РФ, а правам и обязанностям родителей и детей раздел 4 СК РФ. Обязанностям посвящены: п. 1. ст. 80 СК РФ (обязанность родителей по содержанию несовершеннолетних детей); ст. 89 СК РФ (обязанностям супругов по взаимному содержанию), ст. 111 СК РФ (сообщать о перемене места работы лица, обязанного уплачивать алименты).

Понятие «обязанность» фигурирует в разделе 6 СК РФ, посвященном формам воспитания детей, оставшихся без попечения родителей.

Замечено, что существующие права и обязанности в семейном праве идут рядом, причем, как справедливо указывает В. Ф. Яковлев существуют так называемые права-обязанности, которых нет в гражданском праве [18, с. 17]. Автор приводит пример с родительскими обязанностями по отношению к ребенку, которые являются одновременно и правами.

Закономерно говорить о наличии таких же прав-обязанностей и у супругов в отношении друг друга. Выделение соответствующих прав-обязанностей в личных неимущественных отношениях сегодня оправдано и с теоретической, и с практической точек зрения. Граждане избравшие семейную модель построения отношений должны обладать механизмом защиты нарушенных прав предлагаемый специальными нормами СК РФ, а не общими нормами Конституции РФ.

С учетом приоритетов государственной семейной политики¹ пункт 1 ст. 31 СК РФ необходимо посвятить вопросам супружеских взаимоотношений, заменив нормы пункта 1 ст. 31 СК РФ Конституционного содержания на нормы, имеющие отраслевую специфику:

- супруги совместно принимают решение о выборе места жительства.
- выбирая сферу деятельности, супруг должен наилучшим образом использовать возможности для обеспечения семьи.

Пункт 2 статьи 31 СК РФ посвятить общим семейно-правовым правам-обязанностям.

Супруги должны проявлять уважительное отношение друг к другу. Муж обязан утверждать в семье уважение к матери. Жена обязана утверждать в семье уважение к отцу.

Супруги обязаны:

- совместно решать все вопросы жизни семьи;
- оказывать взаимное уважение, моральную и материальную поддержку друг другу;
- сохранять взаимную верность, поддерживать друг друга, совместно заботиться о благосостоянии семьи;
- по мере возможностей вносить вклады (трудом и имуществом) в удовлетворение потребностей семьи.

При этом супруги должны иметь и одноименные права по отношению друг к другу, рассчитывая на взаимность противоположной стороны.

Подобная последовательность в приоритетах в семейной сфере правового регулирования известна многим правовым системам. Законодательства стран ближнего и дальнего зарубежья (Сербии, Болгарии, Греции, Латвии, Литвы) используют подобные приемы законодательной техники².

¹ См.: Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019>; Указ Президента РФ от 29 мая 2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» // Российская газета. 2017. 30 мая; Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 35, ст. 4811; Распоряжение Правительства РФ от 6 июля 2018 г. № 1375-р «Об утверждении плана основных мероприятий до 2020 года, проводимых в рамках Десятилетия детства» (в ред. от 9 августа 2019 г.) // Собр. законодательства» Рос. Федерации. 2018. № 29, ст. 4475.

² Закон «О Гражданском законе Латвийской Республики 1937 года» // https://kommentarii.org/strani_mira_eciklopediy/latviy.html; Третья книга Гражданского кодекса Литовской Республики // <https://psihdocs.ru/tretya-kniga-semejnoe-pravo.html>; Сербский Семейный Закон // <http://www.ambasadarusije.rs/ru/strana/ob-osnovah-zakonodatelstva-serbii-regulirujushago-prava-i-objazannosti-suprugov>; Семейный Кодекс Болгарии // <http://forum.aboutbulgaria.biz/viewtopic.php?f=106&t=33337>.

Указанные права-обязанности супругов помогут правоприменителю при рассмотрении конкретного дела опираться на специальную норму семейного кодекса, а не на общие нормы Конституции, из прочтения которой сложно установить выполнял ли супруг обязанность в интересах семьи или он свободен в выборе, что позволяет ему не выполнять обязанность на законных основаниях. Применяя специальные нормы законодательства, суду будет не так сложно ответить на вопросы: было ли недостойное поведение супруга в семье; выполнял ли супруг обязанность по взаимному уважению и взаимопомощи, моральной и материальной поддержке. В мотивировочной части решения суда появятся аргументы позволившие суду отступить от начала равенства долей при разделе общего супружеского имущества, либо позволившие суду оставить ребенка с родителем, надлежащим образом выполнявшим личные неимущественные обязанности и т.д.

Начав с изменений в сфере супружеских отношений надо редактировать и сферу родительско-детских отношений, уходя от принципа полного тотального равенства к возможности наделения большим объемом прав родителя проживающего с ребенком и надлежащим образом выполнявшим личные неимущественные обязанности.

Сегодня государство заинтересовано в крепкой семье в долгосрочной перспективе, именно об этом свидетельствуют нормативно-правовые акты принятые в последние годы. Следовательно, нормы права базового регулятора семейных отношений Семейного Кодекса РФ, должны отражать разницу между правовым регулированием семейных отношений и отношений сожителства, и тогда целью семейного права будет отражение вопросов общегосударственного масштаба.

Список источников

1. Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. М., 1990. 524 с.
2. Белов В. Лад // *Семья: книга для чтения*. Кн. 1. Сост. И. С. Андреев, А. В. Гулыга. М., 1990.
3. Елисеева А. А. О совершенствовании семейного законодательства в области правового регулирования личных неимущественных отношений // *Журнал российского права*. 2010. № 3. С. 82–89.
4. Зубарева О. Г., Крупнова А. Л. Регулирование имущественных отношений супругов – новеллы законопроекта // *Северо-Кавказский юридический вестник*. 2021. № 1. С. 150–155.
5. Носкова А. В. Семейная политика в Европе: эволюция моделей, дискурсов, практик // *Социологические исследования*. 2014. № 5. С. 56–67.
6. Новосёлова Е. Н. Традиционная семья в большом городе: социальный атавизм и необходимая ценность // *Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология*. 2014. № 4. С. 166–188.
7. Новосёлова Е. Н. Реалии современного мегаполиса и новые тенденции изменения института семьи в России и в мире // *Социология*. 2014. № 1. С. 66–78.
8. Шрамко Е. Семья и современный Мегполис. URL: <http://emiz.org.ua/prakticheskaia-psikhologii/semia-i-sovremennyi-megapolis>, дата обращения 27.12.2016.
9. Щербакова Е. М. Домохозяйства в ЕС-28 // *Демоскоп Weekly*. № 671-672. 25 января – 7 февраля 2016.
10. Ильина О. Ю. Современная российская семья как договор простого товарищества // *Семейное и жилищное право*. 2019. № 1. С. 12–15.
11. Нечаева А. М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт-Издат, 2007. 279 с.
12. Беспалов Ю. Ф. К вопросу о предмете семейного права // *Семейное и жилищное право*. 2013. № 6. С. 2–5.
13. Ильина О. Ю. Проблемы интереса в Семейном праве Российской Федерации. М.: Изд-во Городец, 2007. 191 с.
14. Зыков С. В. Личные неимущественные права супругов: необходимость правового регулирования // *Право. Журнал высшей школы экономики*. 2019. №2. С. 189–208.
15. Ульянова М. В. Доктринальные подходы типологизации института семьи // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2020. № 2. С. 144–150.
16. Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. *Вопросы теории права*. Москва : Госюриздат, 1961. 381 с.

17. Теория государства и права / Под ред. А. В. Малько. М., 2022. 528 с.
18. Яковлев В.Ф. Избранные труды. Гражданское право: История и современность. М.: Статут, 2012. Кн. 1. Т. 2. 976 с.

References

1. Hegel G. V. F. *Philosophy of Law*. Moscow; 1990. 524 p. (In Russ.)
2. Belov V. Lad. In: *Family: a book for reading*. Book 1. Moscow; 1990. (In Russ.)
3. Eliseeva A. A. On improving family legislation in the field of legal regulation of personal non-property relations. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2010;(3):82–89. (In Russ.)
4. Zubareva O. G., Krupnova A. L. Regulation of property relations of spouses – novelties of the bill. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2021;(1):150–155. (In Russ.)
5. Noskova A. V. Family policy in Europe: the evolution of models, discourses, practices. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2014;(5):56–67. (In Russ.)
6. Novoselova E. N. The traditional family in the big city: social atavism and the necessary value. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya = Bulletin of the Moscow University. Series 18: Sociology and Political Science*. 2014;(4):166–188. (In Russ.)
7. Novoselova E. N. Realities of a modern megalopolis and new trends in the family institution in Russia and in the world. *Sotsiologiya = Sociology*. 2014;(1):66–78. (In Russ.)
8. Shramko E. *Family and modern Megapolis*. Available from: <http://emiz.org.ua/prakticheskaia-psikhologiya/semia-i-sovremennyi-megapolis>. [Accessed 27.12.2016]. (In Russ.)
9. Shcherbakova E. M. Households in the EU-28. *Demoscope Weekly*. № 671-672. January 25 – February 7, 2016. (In Russ.)
10. Ilyina O. Yu. Modern Russian family as a simple partnership agreement. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo = Family and housing law*. 2019;(1):12–15. (In Russ.)
11. Nechaeva A. M. *Family law: actual problems of theory and practice*. Moscow; 2007. 279 p. (In Russ.)
12. Bepalov Yu. F. On the subject of family law. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo = Family and housing law*. 2013;(6):2–5. (In Russ.)
13. Ilyina O. Yu. *Problems of interest in Family law of the Russian Federation*. Moscow: Publishing house Gorodets, 2007. 191 p. (In Russ.)
14. Zykov S. V. Personal non-property rights of spouses: the need for legal regulation. *Pravo. Zhurnal vysshei shkoly ekonomiki = Right. Journal of the Higher School of Economics*. 2019;(2):189–208. (In Russ.)
15. Ulyanova M. V. Doctrinal approaches to the typologization of the family institute. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2020;(2):144–150. (In Russ.)
16. Ioffe O. S., Shargorodsky M. D. *Questions of the theory of law*. Moscow: Gosyurizdat; 1961. 381 p. (In Russ.)
17. *Theory of State and law*. A. V. Malko (ed.). Moscow; 2022. 528 p. (In Russ.)
18. Yakovlev V. F. *Selected works. Civil law: History and modernity*. Moscow: Statut; 2012. Book 1. Vol. 2. 976 p. (In Russ.)

Информация об авторе

О. Г. Зубарева – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права ЮРИУ РАНХиГС; член экспертно-консультативного совета при Комитете Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству, секция № 2 по гражданскому праву, гражданскому процессуальному праву, арбитражному процессуальному праву и исполнительному производству; председатель общественного совета Управления ЗАГС Ростовской области.

Information about the author

O. G. Zubareva – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Civil and Business Law of South-Russia Institute of Management – branch of RANEP; Member of the Expert Advisory Council under the Federation Council Committee on Constitutional Legislation and State Construction, Section № 2 on civil law, civil procedure law, arbitration procedural law and enforcement proceedings; Chairman of the Public Council of the Department of Civil Registration of Rostov region.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest

Статья поступила в редакцию 21.02.2023; одобрена после рецензирования 09.03.2023; принята к публикации 10.03.2023.

The article was submitted 21.02.2023; approved after reviewing 09.03.2023; accepted for publication 10.03.2023.

КРИТЕРИИ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ВОПРОСА О ПРЕДДОГОВОРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Анна Андреевна Кружевникова

Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет,
Санкт-Петербург, Россия, a.kruzhevnikova@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены теоретические и практические аспекты института преддоговорной ответственности в гражданском праве. В частности, исследованы многообразие толкования понятия «добросовестности» и проблемы, связанные с отсутствием общего знаменателя относительно выделения ее особых свойств; обозначены признаки недобросовестного поведения, такие как предоставление стороне неполной или недостоверной информации и внезапное прекращение переговоров одной из сторон, при условии, что другая сторона не могла предполагать, что это произойдет. Также исследованы проблемы создания комфортной «договорной среды» и изучена судебная практика по заявленной проблематике.

Ключевые слова: гражданское право, договор, добросовестность, преддоговорная ответственность, договорные отношения

Для цитирования: Кружевникова А. А. Понятие и критерии добросовестности при разрешении вопроса о преддоговорной ответственности в гражданском праве РФ // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 94–101. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-1-94-101>

Problems of Civil, Business and Private International law

Original article

CRITERIA OF GOOD FAITH WHEN RESOLVING THE ISSUE OF PRE-CONTRACTUAL LIABILITY IN CIVIL LAW

Anna A. Kruzhevnikova

Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Saint Petersburg, Russia,
a.kruzhevnikova@yandex.ru

Abstract. The article deals with the theoretical and practical aspects of the institution of pre-contractual liability in civil law. In particular, the variety of interpretations of the concept of "good faith" and the problems associated with the lack of a common denominator regarding the allocation of its special properties are investigated; signs of dishonest behavior are indicated, such as the provision of incomplete or inaccurate information to a party and the sudden termination of negotiations by one of the parties, provided that the other party could not have expected this to happen. The problems of creating a comfortable "contractual environment" were also investigated and judicial practice on the stated issues was studied.

Keywords: civil law, contract, good faith, pre-contractual liability, contractual relations

For citation: Kruzhevnikova A. A. Concept and criteria of good faith when resolving the issue of pre-contractual liability in civil law of the Russian Federation. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(1):94–101. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-94-101>

Концептуальное представление о правильности построения гражданско-правового диалога – предмет множества научных работ. Его формирование, как отмечается учеными, является основой не только для построения определенной модели договорного взаимодействия, но и позволяет выработать видение о справедливости такого взаимодействия, а также определить какие именно законодательные коррективы помогут добиться того, чтобы упомянутая справедливость не была эфемерной.

Как справедливо подметил автор диссертационного исследования «Несправедливые условия договора в российском гражданском праве» О. И. Мягова, законодательное представление о создании формата «справедливых отношений» в отечественной цивилистике – процесс, который требует усилий не только со стороны тех, кто находится во главе социальных инициатив и непосредственно влияет на образование необходимой гражданской (правовой) составляющей, но и тех, кто своими действиями реализует ее на практике [1].

Между тем, в большинстве случаев, когда речь идет о таких правовых категориях, как: своевременность, обязательность, добросовестность, законодатель не отражает в полной мере их сущности, а упоминание в законе о их существовании скорее оставляет вопрос их осмысления и реализации сторонам договора. Поэтому, вполне показательно, что стороны, даже строго следуя принципам договорной логики, не всегда могут предугадать развитие событий, или, как показывает практика, учесть всевозможные риски, часть которых, порой, формируется по причине некачественного составления соглашения [2].

Более того, рассматривая понятие «добросовестность», критерии которого до настоящего времени вызывают достаточно много споров в научной среде [3], очень сложно выработать определение, которое позволяло бы сторонам учесть всевозможные факторы и тем самым исключить из зарождающихся отношений негативную составляющую на первоначальном этапе их формирования. Из чего следует, что аспект необходимого взаимодействия между органами субъектами гражданского права, а также продуктивности решений (договоренностей), принимаемых по его результатам, с точки зрения такой важнейшей составляющей как «добросовестность», справедливо замыкается на активность последних. При этом, на законодателя только возлагается задача создания модели, позволяющей гражданам максимально эффективно реализовывать свои права в части возможности реализации своих притязаний на конкретный интерес. Следовательно, вопрос создания безопасной «договорной среды» – прерогатива самих участников.

Вместе с тем, при оценке факторов, влияющих на конфигурацию понятия «добросовестность», отдельное внимание привлекает вопрос распределения ответственности на те зоны гражданско-правового поведения, где риски носят наиболее вероятностный характер. В частности, в большей степени это связано с преддоговорной стадией развития отношений, на этапе которой контрагенты предпринимают (или должны предпринимать) действия, содержащие признаки договорной конклюдентности. Здесь вопрос договорной добросовестности может иметь наиболее острое значение, так как приготовления к заключению соглашения могут иметь различное выражение, в том числе включающее в себя совершение действий, носящих безвозвратный характер, выражающихся в значительных материальных затратах.

Для более предметной оценки такого выражения, как «добросовестность» на преддоговорной стадии развития отношений, необходимо затронуть его основные признаки, и в соответствии с общим представлением о его природе и свойствах, дать оценку его сущности с точки зрения гражданского права. Не будем заострять внимание на позиции ученых по данному вопросу, скажем лишь только то, что с точки зрения цивилистов (как отечественных, так и зарубежных) черты добросовестности могут выражаться в следующем: четкое следование условиям договора, недопущение случаев злоупотребления правом, выполнение обязательств, внедоговорное уведомление о возможном развитии событий, не предусмотренных соглашением.

Как верно подмечено К. В. Намом, разнообразие выражения эссенции «добросовестность» в гражданском праве основано на том, что исследователи пока еще не могут прийти

к общему знаменателю относительно выделения его особых свойств. В этом отношении доктринальная логика переполнена различными мнениями и суждениями, что, несомненно, сказывается на правильности его понимания с точки зрения законодательного закрепления.

В дополнение ко всему, добросовестность как фактор отражения сущности права в целом может охватывать разнообразные сферы социального взаимодействия (семейные отношения, публичные отношения, вещное право, и др.), а потому принципы определения этого понятия также могут быть разными [4]. При этом, что характерно, в гражданско-правовой доктрине понятие «добросовестность» воспринимается не только как принцип, но и как: средство, обязанность, оценочная категория иных составляющих права, и даже как подвид ответственности [5].

В свою очередь, законодательное (правоприменительное) представление о добросовестности берет свое начало в положениях ст. 1 Гражданского Кодекса РФ (далее по тексту – ГК РФ¹), где указано, что реализация гражданских прав со стороны участников гражданских правоотношений должна осуществляться добросовестно. В свою очередь, в правоприменительной доктрине его сущность раскрывается за счет определения следующих факторов: нарушение требований действующего законодательства, а также выход за рамки договорной конкуренции². Между тем, в общеправовой концепции оценки установленного принципа Верховный Суд РФ предлагает признавать недобросовестным поведением то, которое может отходить от предполагаемого сторонами гражданского оборота, и способствует внесению в имеющиеся отношения неконструктивной (разрушающей) составляющей³. В последнем случае, правоприменительная логика нередко развивается по пути построения превентивной модели реагирования, затрагивающей в том числе и вопрос преддоговорной составляющей сложившихся отношений⁴.

В указанной связи разумно будет исследовать то, из чего именно будет складываться понятие «добросовестность», при условии, что речь идет о сторонах, обязательства которых еще не закреплены соглашением, но уже вступивших в договорные отношения. В контексте поставленного вопроса наиболее острое значение имеет фактор определения ответственности, при условии, что поведение контрагентов выходит за рамки добросовестного. Попробуем рассмотреть вопрос такой ответственности через призму оценки поведения контрагента, действия которого могут быть признаны недобросовестными в рамках проведения переговоров.

Так, положение о правилах ведения переговоров при заключении договора было введено в 2015 г., когда законодательное представление о преддоговорной ответственности начало свое последовательное формирование путем внесения соответствующих поправок в нормы гражданского права. В частности, законодателем были разработаны и введены правила, предусмотренные ст. 434.1 ГК РФ⁵. При этом, вполне разумно, что идея о преддоговорной ответственности лица, стремящегося вступить в гражданско-правовые отношения, берет свое начало из принципа добросовестности. Это последовательно вытекает из презумпции, гласящей о том, что достигнутые обязательства, не подкрепленные договором, исключают возможность

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. N 32. ст. 3301.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 N 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» // Бюллетень Верховного Суда РФ. N 5. Май. 2021.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 8. Август. 2015.

⁴ Решение № 2-1058/2020 2-1058/2020~М-904/2020 М-904/2020 от 2 ноября 2020 г. по делу № 2-1058/2020 // [Электронный источник]. Доступ: sudact.ru/regular/doc/4xP5BRxP64UV/ (дата обращения: 05.02.2023).

⁵ Федеральный закон от 08.03.2015 N 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 09.03.2015. N 10. ст. 1412.

их нарушения с какой-либо стороны [6]. Более того, нормативные предписания о преддоговорной ответственности уже давно входят в правовые источники разных стран¹.

В то же время, российский законодатель, формируя по сути новый институт, не учел некоторые обстоятельства, а именно то, что эманация принципа добросовестности, помимо заимствования и имплементации норм других законов, должна нести в себе еще и необходимые ограничения, поскольку при установлении правил проведения переговоров следует учитывать такие факторы, как: динамика развития отношений и доверие между сторонами.

Вполне закономерно, что введенные правила должны были создать механизм превентивного направления, позволяющий исключить недобросовестность поведения в дальнейшем. Однако, на практике, данный аспект не получил должного развития. Верховный Суд РФ в одном из своих постановлений продолжил линию развития преддоговорной ответственности, но сформировать его качественную конъюнктуру так и не смог². Причиной чему стало слишком редкое прибегание к переговорам как к обязательному этапу заключения соглашений. Именно в этом акте Верховный Суд РФ выработал некоторые признаки недобросовестного поведения. К ним он отнес в первую очередь:

1) предоставление стороне неполной или недостоверной информации, в том числе умалчивание стороной (сокрытие) важнейших обстоятельств (п. 1 ст. 434.1 ГК РФ);

2) внезапное прекращение переговоров одной из сторон, при условии, что другая сторона не могла предполагать, что это произойдет (п. 2 ст. 434.1 ГК РФ).

В случае, если речь идет о привлечении к ответственности за действия, которые по мнению истца (стороны) стали причиной его недобросовестности, ответчик (виновная сторона) обязан опровергать вышеуказанные обстоятельства. Так, например, одна из сторон, получив определенную информацию, предпочла не проводить дальше переговоры, вышла из них, и использовала полученные сведения в своих целях, тем самым получив выгоду. В таком случае, если виновная сторона не докажет, что она обладала такой информацией ранее, суд применит к ней штрафные санкции [7]. На основании чего сторона, которая была признана недобросовестной при ведении переговоров, обязана возместить убытки, причиненные вышеуказанными действиями. Более того, должно быть восстановлено положение, которое могло бы сформироваться, если бы потерпевшая сторона не вступила в переговоры с недобросовестным контрагентом (ст. 15, п. 2 ст. 393, п. 3 ст. 434.1, абзац первый п. 1 ст. 1064 ГК РФ).

Указанный правовой базис позволяет констатировать, что для образования фактора недобросовестности, лицу, вступившему в переговоры, достаточно их прекратить без соответствующего уведомления (причины), либо в процессе их развития ввести в заблуждение другую сторону относительно каких-либо обстоятельств, имеющих значение для будущего договора. В последнем случае сторона вправе требовать возмещения убытков при условии, что недостоверная информация (либо предоставление неполной информации) повлияла на решение и стала причиной для отказа в заключении договора со стороны потерпевшего (п. 3 ст. 434.1 ГК РФ).

Учитывая затронутые положения, можно сказать, что «добросовестность» в преддоговорных отношениях зиждется на принципах учета поведения субъектов права, способных выражать свои намерения как действием, так и бездействием. И в том, и в другом случае основополагающим фактором в оценке такого поведения будет являться субъективное мнение, опровержение которого возможно только в судебном споре, и только со стороны ответчика (виновной стороны). Затрагивая данный фактор, логично обратить внимание на судебную практику применения положений ст. 434.1 ГК РФ, которая должна, с одной стороны, наиболее точно выразить сущность затронутого явления, с другой – внести ясность в основные черты его законодательного отражения.

¹ См., напр.: ч. 2 § 311 ГГУ; ст. 1112 ФГК.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 N 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Российская газета. N 70. 04.04.2016.

Между тем на практике применения указанных положений складывается картина, включающая в себя парадоксальные случаи. Например, известны случаи, когда стороны стараются взыскать убытки в порядке ст. 434.1 ГК РФ не по переговорам, а по обязательствам, вытекающим из предварительного договора. Во-первых, природа ответственности по обязательствам из добросовестного ведения переговоров и тех, что вытекают из предварительного соглашения, различна. В первом случае, ответственность носит деликтный характер, во втором, модель защиты строится на учете именно договорного интереса. Во-вторых, меры ответственности при защите указанных интересов различны: понуждение к заключению соглашения и возмещение убытков. В-третьих, различны и цели применения данных мер.

Представляется, что перечисленного более чем достаточно, чтобы верно дифференцировать понятие «добросовестность» в преддоговорной концепции отношений и скорректировать практику с учетом обозначенных условий. Однако, суды продолжают выносить решения, в сущности доказывая, что приведенные законодательные позиции нуждаются в совершенствовании. Так, постановлением АС Западно-Сибирского округа от 12.02.2019 по делу № А70-7180/2018¹ был установлен факт заключения предварительного договора аренды между двумя юридическими лицами. После выполнения ряда условий, стороны приступили к процедуре подписания основного договора аренды, однако, подписать его не удалось, поскольку в самом тексте соглашения были прописаны условия, которые ранее оговоренным договором предусмотрены не были. В результате иск о понуждении к заключению договора был удовлетворен, при этом суд сослался именно на положения подп. 2 п. 2 ст. 434.1 ГК РФ, указав, что указанные отношения носили именно преддоговорной характер.

Предполагается, что такой подход не применим в указанной ситуации, так как в таком случае нелогично ставить вопрос о добросовестности или недобросовестности, поскольку причина, по которой происходит уклонение от исполнения обязательства из предварительного договора, в большинстве случаев нерелевантна и несопоставима с той целью, которую преследуют стороны, когда вступают в переговоры. Более того, заключение пусть и предварительного договора исключает возможность оценивать данные отношения как преддоговорные.

Учитывая, что представление о «добросовестности» должно строиться на оценке, в первую очередь, действий сторон отношений, логично предположить, что его конъюнктура (признаки и понимание) будет складываться из того, насколько эти действия могут нанести вред данным отношениям, либо внести в их развитие составляющую, не позволяющую субъектам удовлетворить тот интерес, ради которого они в указанные отношения и вступали. Безусловно, что именно позиция законодателя в данном вопросе будет доминирующей, а суда (в силу «права на усмотрение») – определяющей. Поэтому основными признаками такого понятия будут те, что установлены законодателем, при условии должной оценки сложившихся отношений. Они в исследовании указаны, а также приведен пример неверного понимания сущности преддоговорных отношений, когда суды, стараясь учесть влияние понятия «добросовестность» на иные, схожие с преддоговорными отношения, исходят из того, что у него нет конкретных начал. Это и есть суть вопроса – законодатель устанавливает одно, правоприменитель – другое, исследователь – оспаривает их позиции, указывая на недостатки, но и не утверждает, что и первый, и второй, ошибаются. При этом, одно отнюдь не исключает другое.

В свою очередь, научная новизна настоящего исследования выразилась в том, чтобы не просто подвергнуть критике уже отраженные в законодательстве признаки, и, через призму отдельных реалий, показать их несовершенство, а в том, чтобы, указывая на конкретные аспекты, образующие такое несовершенство, и как следствие, путаницу, показать – почему именно законодатель, используя право на установление их составляющих, так и не смог достичь затребованного результата.

¹ Постановление АС Западно-Сибирского округа от 12.02.2019 по делу № А70-7180/2018 // [Электронный источник]. Доступ: <https://faszso.arbitr.ru/> (дата обращения: 05.02.2023).

Бесспорно, что первопричиной затронутых расхождений во мнениях является то, что определение «доброй совести» скорее философское по своей сути, а следовательно, спорное, априори. На данное обстоятельство указывает не только плюрализм научных взглядов, но и то, что философия права скорее позволяет рассуждать о свойствах «bona fides», нежели дает нам ответ о его сущности [8]. Однако, в силу многозначительности «добросовестности», в начале исследования мы попытались отнестись объективное представление о нем в сторону того, что динамика отношений представляет из себя основной фактор становления (и изменения) любого правового явления, равно как и то, что указанная динамика не позволяет достичь четкого представления о его свойствах, если законодатель не следит за ее тенденциями. Но, как того требует доктринальная логика – любое научное представление требует от нас предметного (конечного) выражения сути, что в данном случае и стало целью исследования. Во всяком случае, анализ признаков «добросовестности» привел нас к тому, что несогласие между тремя составляющими – «законодатель», «правоприменитель» и «исследователь», является следствием чрезмерно слабой координации в том вопросе, что «добросовестность» – явление неправовое (философский аспект).

Учитывая, что законодательная параметризация может существенно отличаться от научной, нам удалось подчеркнуть лишь расхождения в позициях, опираясь именно на те признаки, которые были непосредственно отражены в ст. 434.1 ГК РФ. В частности, вышеупомянутое *несовершенство*, в первую очередь, есть следствие неконкретности использования понятий со стороны законодателя при составлении юридической конструкции этих признаков.

Так, отражая в ст. 434.1 ГК РФ признаки добросовестности, законодатель изначально моделирует их сущность чрезмерно диспозитивно, предопределяя их последующее отражение термином «предполагается». То есть, законодатель не устанавливает ни каких признаков, хотя формально они и отражены в нормах права, а только предполагает, что они могут быть таковыми при некоторых условиях (законодательный аспект). Следовательно, проявление этих условий и есть та необходимая основа, которая будет выстраивать действие упомянутых признаков в качестве регулирующих принципов. К примеру, непонятно, что именно следует понимать под «неполной или недостоверной информацией», «внезапным и неоправданным прекращением», а также «разумным ожиданием», если их дефиниция не предусмотрена. В результате представление о свойствах «добросовестности» становится неустойчивым и решить его юридически применительно значимость может только суд. В таком случае, говорить о правильности предположения законодателя, поскольку он не раскрывает четко сущность условий, безусловно рано. Вот именно по этой причине на первый план выходит правоприменительная логика. Ее полноценность в данном вопросе представляется более предметной, но, как показывает практика, не исчерпывающей. Суды, учитывая, что позиция законодателя неимперативна, в свою очередь стараются, наоборот, упростить представление о «добросовестности», и тем самым недопустимо сужают сущность данных признаков, и именно поэтому их действие начинает распространяться и на другие (непреддоговорные) отношения (правоприменительный аспект).

Таким образом стоит констатировать, что «добросовестность» – это явление изначально неправовое, хотя и используется активно в праве, как сегмент оценки поведения. Именно по этой причине, приведя пример с предварительным договором, мы сделали вывод о том, что применение принципа добросовестности преддоговорных отношений возможно и к отношениям, которые вытекают из его заключения, но лишь в том случае, если их конъюнктура носит именно преддоговорной характер. Именно по этой причине, суды и допускают ошибки, по сути, не видя разницы между добросовестностью в схожих отношениях.

С другой стороны, стоит отметить, что преддоговорная основа еще не так развита, чтобы затронутые указанным исследованием принципы оценки совершаемых сторонами действий могли сформироваться в окончательной форме.

Предположение законодателя о признаках «недобросовестности» скорее становится точкой отсчета в его проявлении в преддоговорных отношениях, но не решает проблему с её устранением. Происходит как бы их постоянное апробирование, в том числе сопровождаемое конкретной практикой. Да, есть законодательное представление, правоприменительное видение, но, те проблемы, которые мы затронули свидетельствуют о том, что указанных позиций для наведения порядка явно недостаточно. И ничего нельзя сделать, ибо динамика развития отношений перманентна, а потому реальность просит пересматривать их качество, вне зависимости от того, насколько те или иные отношения могут быть прозрачными и безопасными для действий сторон.

Положения ст. 434.1 ГК РФ не исключение. Здесь, законодатель дает оценку отношений с точки зрения добросовестности, при этом им перечисляются ряд действий, которые, по его мнению, могут формально отражать её сущность, а то насколько они могут оказаться недобросовестными, будет определять суд или иной орган, уполномоченный давать соответствующую оценку. Однако, это не повод, чтобы не прибегать к той позиции, которая позволяет установить, что действия в преддоговорных отношениях могут быть признаны недобросовестными при конкретных случаях, случаях, указанных в законе, но это совсем не значит, что именно такие случаи позволяют получить объективное (исчерпывающее) представление о добросовестности в преддоговорных отношениях.

Список источников

1. Мягкова О.И. Несправедливые условия договора в российском гражданском праве: дисс...канд. юрид. наук. Специальность: 12.00.03. М., 2020. 223 с.
2. Вербицкая И. К. Актуальные вопросы распределения рисков в договоре строительного подряда // Право.by. 2021. № 4(72). С. 29–35.
3. Султонова Т.И. Категория добросовестности в гражданском и конкурентном праве // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2022. Т. 22. № 1. С. 84–90.
4. Нам К.В. Принцип добросовестности. Основы теории и правоприменения в контексте немецкого правового опыта: дисс...докт.юрид.наук. Специальность. 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право. М., 2021. 449 с.
5. Кирина Е.О. Добросовестность как одно из основных начал в гражданском праве: догматические основы понимания // Законность и правопорядок: история, современность, актуальные проблемы: материалы V межвузовской студенческой научной конференции, Москва, 03 декабря 2020 года. М.: Московский педагогический государственный университет, 2021. С. 569–574.
6. Демкина А. В. Преддоговорное правоотношение-обязательство: основы теории. М.: ООО "Перспектив", 2021. 272 с.
7. Автонова Е. Д., Астапенко П. А., Борейшо Д. В. и др. Комментарий к постановлению Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» (часть 3) // Вестник экономического правосудия РФ. 2019. № 11. С. 71–126.
8. Карлявин И. Ю. Методологическое значение категорий *fides* (совесть) и *bona fides* (добрая совесть) в римском частном праве // Lex Russica (Русский закон). 2015. Т. 98. № 1. С. 130–140.

References

1. Myagkova O. I. *Unfair terms of the contract in Russian civil law: diss...cand. jurid. sciences'*. Specialty: 12.00.03. Moscow; 2020. 223 p. (In Russ.)
2. Verbitskaya I. K. Actual issues of risk distribution in the construction contract. *Право.by*. 2021;4(72):29–35. (In Russ.)

3. Sultonova T. I. Category of integrity in civil and competitive law. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of South Ural State University. Series: Right*. 2022;22(1):84–90. (In Russ.)

4. Nam K. V. *The principle of good faith. Fundamentals of theory and law enforcement in the context of German legal experience*: diss...Doctor of Legal Sciences. Specialty. 12.00.03 - Civil law; business law; family law; international private law. Moscow; 2021. 449 p. (In Russ.)

5. Kirina E.O. Conscientiousness as one of the main principles in civil law: dogmatic foundations of understanding. In: *Law and order: history, modernity, topical problems: materials of the V Intercollegiate Student Scientific Conference*, Moscow, December 03, 2020. Moscow: Moscow State Pedagogical University; 2021:569–574. (In Russ.)

6. Demkina A. V. *Pre-contractual legal relationship-obligation: the foundations of theory*. Moscow: Prospect Limited Liability Company; 2021. 272 p. (In Russ.)

7. Avtonova E.D, Astapenko P. A., Boreisho D. V., et al. Commentary on the resolution of the Plenum of the Armed Forces of the Russian Federation of 25.12.2018 No. 49 "On some issues of applying the general provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the conclusion and interpretation of a contract" (part 3). *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya RF = Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2019;(11):71–126. (In Russ.)

8. Karlyavin I. Y. Methodological significance of the categories fides (conscience) and bona fides (good conscience) in Roman private law. *Lex Russica (Russian Law)*. 2015;98(1):130–140. (In Russ.)

Информация об авторе

А. А. Кружевникова – кандидат политических наук, доцент кафедры правового регулирования градостроительной деятельности и транспорта СПбГАСУ.

Information about the author

A. A. Kruzhevnikova – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Urban Planning and Transport of Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest

Статья поступила в редакцию 17.02.2023; одобрена после рецензирования 02.03.2023; принята к публикации 03.03.2023.

The article was submitted 17.02.2023; approved after reviewing 02.03.2023; accepted for publication 03.03.2023.

О ПОНЯТИИ «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» В ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Мариетта Дамировна Шапсугова

Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия, shapsugova@gmail.com

Аннотация. В связи с изменением номенклатуры научных специальностей, использовавшийся преимущественно в сфере публичного права термин «экономическая деятельность» прочно входит в употребление в области частно-правовых наук. В статье в соотношении со смежными категориями анализируется понятие «экономическая деятельность» в частно-правовом аспекте, приведена классификация видов экономической деятельности, ее основных форм. Практическое значение уяснения содержания понятия «экономическая деятельность» состоит в определении ее правового режима, правового статуса субъектов, разграничении предмета гражданского и арбитражного процессуального законодательства.

Ключевые слова: экономическая деятельность, трудовая деятельность, самозанятость, предпринимательская деятельность, правовой статус субъектов

Для цитирования: Шапсугова М. Д. О понятии «экономическая деятельность» в частном праве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 102–108. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-1-102-108>

Problems of Civil, Business and Private International law

Original article

ON THE CONCEPT OF "ECONOMIC ACTIVITY" IN PRIVATE LAW

Marietta D. Shapsugova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, shapsugova@gmail.com

Abstract. In connection with the change in the nomenclature of scientific specialties, the term “economic activity”, which was used mainly in the field of public law, is firmly in use in the field of private law sciences. In the article, in relation to related categories, the concept of “economic activity” is analyzed in the private legal aspect, the classification of types of economic activity, its main forms is given. The practical significance of understanding the content of the concept of “economic activity” is to determine its legal regime, the legal status of subjects, the distinction between the subject of civil and arbitration procedural legislation.

Keywords: economic activity, labor activity, self-employment, entrepreneurial activity, legal status of subjects

For citation: Shapsugova M. D. On the concept of "economic activity" in private law. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(1):102–108. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-1-102-108>

Понятие экономической деятельности

Исследования понятия «экономическая деятельность» предпринимали выдающиеся отечественные ученые-правоведы. Термин «экономическая деятельность» в науке является междисциплинарным, а в праве – межотраслевым.

В объективном смысле экономическая деятельность представляет собой весь процесс воспроизводства (производства, распределения, обмена и потребления) материальных и

духовных благ [1, с. 20-21]. В субъективном – как экономическая активность индивидов и их объединений в целях удовлетворения собственных и чужих потребностей [2, с. 16]. Таким образом, посредством экономической деятельности субъект участвует в общественном производстве.

Поскольку общественное производство представляется особой совокупностью экономических актов субъектов в процессе осуществления экономической деятельности, экономическую деятельность также можно охарактеризовать как хозяйственную активность индивидов, их объединений по производству, распределению, перераспределению и потреблению материальных благ в рамках товарно-денежного обмена, предпосылкой которой является владение, пользование и распоряжение данными благами для удовлетворения собственных и чужих материальных потребностей [2, с. 16].

Производственные отношения и экономическая деятельность взаимообусловлены, производственные отношения представляют собой статику общественного производства, а экономическая деятельность выступает его динамикой. Производственные отношения порождаются деятельностью [3, с. 8]. Деятельностный подход позволяет раскрыть производственные отношения как форму реализации экономической деятельности субъекта.

Экономическая деятельность рациональна, целесообразна, управляема, возмездна (передача продукта деятельности потребителю происходит в форме обмена, безвозмездная социальная деятельность относится к стадии распределения), эквивалентна, предполагает многообразие ресурсов, обладающих стоимостью [4, с. 24–28].

Экономическая деятельность как процесс, есть сочетание действий, приводящих к получению определенного перечня продукции. Это достигается посредством объединения ресурсов и производственного процесса для создания и производства товаров и услуг¹.

Экономическая деятельность – это деятельность экономических субъектов по соединению факторов производства в целях получения дохода и удовлетворения общественных потребностей.

Экономическая деятельность может классифицироваться по различным критериям: по отраслевому признаку, по субъектному составу, по характеру получаемого дохода.

В правовых позициях Конституционного Суда РФ экономическая деятельность подразделяется на самостоятельную (осуществляемую индивидуально и коллективно, посредством участия в юридическом лице) и работу по найму². В. В. Долинская подразделяет экономическую деятельность на хозяйственную и иную, не запрещенную законом. В свою очередь хозяйственная деятельность подразделяется на предпринимательскую и иную, приносящую доход. Для граждан выделяется самостоятельная и оплачиваемая профессиональная деятельность [5, с. 3-15].

¹ "ОК 004-93. Общероссийский классификатор видов экономической деятельности, продукции и услуг" (ред. от 22.11.2011) (утв. Постановлением Госстандарта РФ от 06.08.1993 N 17) (Части I - II, часть III, разделы А - С, раздел D (коды 1510000 - 2420000)). https://official.academic.ru/29945/Экономическая_деятельность

² Постановление Конституционного Суда РФ от 23.04.2012 № 10-П «По делу о проверке конституционности абзаца десятого 2 Закона Российской Федерации "О занятости населения в Российской Федерации" в связи с жалобой гражданки Е.Н. Эрлих»; Определение Конституционного Суда РФ от 06.06.2019 N 1505-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Иванова Андрея Александровича и Николаева Егора Александровича на нарушение их конституционных прав пунктом 3 статьи 181.4 Гражданского кодекса Российской Федерации и пунктом 1 статьи 43 Федерального закона "Об обществах с ограниченной ответственностью"»; Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2008 N 243-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы ОАО "АК "Байкалбанк" на нарушение конституционных прав и свобод частью первой статьи 56 Закона Российской Федерации "О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей", положениями статьи 105 Федерального закона "О федеральном бюджете на 2004 год", статьи 84 Федерального закона "О федеральном бюджете на 2005 год" и статьи 80 Федерального закона "О федеральном бюджете на 2006 год" и др.

Структура экономической деятельности

Структура экономической деятельности представлена целью, объектом, субъектом, средствами и методами, содержанием, а также результатами.

Субъект экономической деятельности является источником существенных перемен в производстве и в обществе в целом при условии, что сам постоянно развивается и совершенствуется [6, с. 4]. Субъект, являясь владельцем экономических ресурсов – факторов производства (труд, земля, капитал, энергия, информация) – участвует во всех стадиях общественного производства (производство, распределение, обмен и потребление) как владелец факторов.

Субъект экономической деятельности выступает в трех ипостасях: как индивидуальная производительная сила, как организованная группа самостоятельных индивидов, трудовой коллектив, в рамках государственных, так и негосударственных воспроизводственных структур, включая транснациональные корпорации [7, с. 22]. Субъектами экономической деятельности и общественного производства являются физические и юридические лица, а также государство.

Субъект экономической деятельности – тот, кто определяет ее цель, задачи, средства, методы, процессную, функциональную, организационную и материальную структуры деятельности, формирует совокупность локальных нормативных актов и способствует созданию законодательства, необходимого для осуществления деятельности. Позиция субъекта экономической деятельности оказывается комплексной. Она включает предпринимателя (проявляющего инициативу создания бизнеса), инвестора (обеспечивающего создание бизнеса и затем превращающегося в собственника), управленца [4, с. 58].

Экономическая деятельность может осуществляться по инициативе и за счет ее субъекта или по инициативе и/или за счет другого субъекта. Экономическая деятельность, осуществляемая по собственной инициативе субъекта и за его счет, есть бизнес. Инициативное создание бизнеса есть предпринимательство. Бизнес предполагает право собственности субъекта экономической деятельности на конечный продукт [4, с. 34].

Объектом экономической деятельности представляются факторы общественного производства, соединяемые субъектом в процессе осуществления экономической деятельности.

Суть экономического субъекта заключается в максимизации его целевой функции – экономической рациональности [8, с. 47].

Цель как предполагаемый результат экономической деятельности определяется ее субъектом. Шумпетер определял экономическую деятельность как деятельность, имеющую целью приобретение благ [8, с. 55].

Цель экономической деятельности – удовлетворение потребностей; в качестве средства удовлетворения потребностей выступают блага, а также обогащение его возможностей в максимально короткий срок [4, с. 35–44].

Целью экономической деятельности, согласно потребительской теории экономической деятельности, можно считать удовлетворение потребности. С позиции хозяйственного подхода главной целью экономической деятельности является получение субъектом экономической деятельности дохода в денежной и натуральной форме.

Результат экономической деятельности в виде продукта (товар, работа, услуга) – это промежуточный результат экономической деятельности, конечная цель ее – удовлетворение потребности. Способность продукта удовлетворять потребность определяет степень эффективности экономической деятельности. Поскольку термин «хозяйственная деятельность», применительно к плановым экономическим отношениям и отношениям, складывающимся в системе хозрасчета, широко использовался в советский период, отказ от него был обусловлен сменой экономического уклада и переходом к рыночным принципам хозяйствования.

Результатом экономической деятельности выступает удовлетворение общественной потребности в товаре, работе, услуге, с одной стороны, а с другой – получение факторного дохода. Факторным доходом мы называем специфический доход, получаемый владельцем фактора производства.

Капиталу соответствует доход в виде процента, земле – земельная рента, труду рабочего – заработная плата. Труд предпринимателя в противоположность проценту представляет собой независимую от капитала заработную плату [9].

Специфика фактора производства определяет правовой режим экономической деятельности.

Любой акт экономической деятельности (действие, факт хозяйственной жизни) осуществляется его субъектом. Субъект приводит в движение экономическую деятельность.

Экономическая деятельность в рыночной экономике осуществляется посредством договора, выполнения трудовой функции, государственного управления экономикой и основывается на праве собственности экономического субъекта на средства производства или ином законном праве, компетенции органа управления. Содержание экономической деятельности составляют экономические отношения, экономические акты и действия посредством которых экономические ресурсы соединяются в конечный продукт (товар, работу, услугу).

Экономическая деятельность в законодательстве

Термин «экономическая деятельность» встречается, однако не раскрывается в законодательстве. Термин упоминается в названии гл. 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности»; в ст. 4, ч. 5 ст. 11 Закона о защите конкуренции «Координация экономической деятельности»; в ч. 4 ст. 3 НК РФ указывается на недопустимость установления налогов и сборов, ограничивающих или создающих препятствия не запрещенной законом экономической деятельности.

Не отвечающее критериям определения описание термина «экономическая деятельность» содержится в Общероссийском классификаторе видов экономической деятельности (ОКВЭД 2) ОК 029-2014 (КДЕС Ред.2), утвержденном приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 31 января 2014 г. № 14-ст: экономическая деятельность имеет место тогда, когда ресурсы (оборудование, рабочая сила, технологии, сырье, материалы, энергия, информационные ресурсы) объединяются в производственный процесс, имеющий целью производство продукции (предоставление услуг); экономическая деятельность характеризуется затратами на производство продукции (товаров или услуг), процессом производства и выпуском продукции (предоставлением услуг).

В ст. 27 АПК РФ дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, отнесены к подведомственности арбитражных судов.

Понятие экономической деятельности пришло в частно-правовые науки из публичного права. Сам термин «экономическая деятельность» используется именно в публичном праве. В частном праве применяется термин «предпринимательская деятельность». Указанные понятия нетождественны. Подробный анализ понятия «экономическая деятельность» в соотношении с понятиями «хозяйственная деятельность», «предпринимательская деятельность», «профессиональная деятельность», «приносящая доход деятельность», «коммерческая деятельность», «торговая деятельность» с позиции предпринимательского права осуществлен И. В. Ершовой [10]. Ею выдвинуто и обосновано предположение, что «квалификация деятельности в качестве экономической влечет за собой наделение субъекта, ее осуществляющего, правами, возложение на него обязанностей, установление правовых механизмов обеспечения и защиты прав, а также иные правовые последствия».

Действующее законодательство закрепляет понятие предпринимательской деятельности в абз. 3 п. 1 ст. 2 части первой Гражданского кодекса РФ, под которой понимается самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, должны быть зарегистрированы в этом качестве в установленном законом порядке, если иное не предусмотрено ГК РФ.

Профессиональная деятельность понимается как деятельность, требующая специальных познаний в определенной сфере, как правило подтверждаемая квалификацией [11; 12; 13, с. 103; 14, с. 36]. К лицам, осуществляющим профессиональную деятельность, можно отнести, например, адвокатов, нотариусов, аудиторов, оценщиков.

Хозяйственная деятельность – один из видов экономической деятельности и может осуществляться как с целью получения дохода, так и без таковой, для удовлетворения собственных нужд субъекта. По этому признаку она отличается от предпринимательской [15, с. 18].

Производство продуктов труда для собственных нужд, не участвующих в гражданском обороте, также может регулироваться правом, например, в части запретов на производство и оборот отдельных категорий продуктов труда.

Правовой режим экономической деятельности может различаться в зависимости от статуса субъекта, но также на него оказывает значительное влияние и статус непосредственного объекта этой деятельности. В качестве примера такого различия можно привести такой вид экономической деятельности, как долевое участие в строительстве жилых и коммерческих объектов. Для жилых объектов действует специальный правовой режим. Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые акты Российской Федерации» в ст. 23.2 предусматривает специальные нормы, направленные на защиту прав граждан-непредпринимателей – участников долевого строительства: предусматривается создание компенсационного фонда долевого строительства – публично-правовой компании «Фонд развития территорий» – за счет обязательных отчислений застройщиков.

Неопределенными остаются гарантии для самозанятых граждан, не имеющих правового статуса индивидуального предпринимателя и их возможности долевого участия в строительстве объектов коммерческой недвижимости.

В то же время инвестирование в объекты коммерческого назначения подпадает под общий режим строительной деятельности.

Основным принципом экономической деятельности является свобода ее осуществления. Ее ключевое значение в достижении высоких экономических результатов отмечено Е. П. Губиным [16]. Понятие экономической деятельности в конституционном праве рассматривается через свободу, пределы и ограничения ее осуществления.

Нормы о свободе осуществления экономической деятельности закреплены в статьях 8, 34 и 75.1 Конституции РФ.

Принципом свободы осуществления экономической деятельности конституционно гарантирует субъектам правомочия, составляющие основное содержание конституционного права на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности [17–20].

Исходя из содержания указанных статей, пределом свободы осуществления экономической деятельности является публичный интерес государства и общества в установлении солидарности, доверия и социального партнерства, а также обеспечения свободы конкуренции.

Список источников

1. Предпринимательское право Российской Федерации / отв. ред. Е. П. Губин, П. Г. Лахно. М., 2010.
2. Белых С. В. Свобода предпринимательской деятельности как конституционно-правовая категория в Российской Федерации. СПб., 2005. 189 с.
3. Супрун В. П. Развитие производственных отношений социализма как экономическая деятельность общества: автореф. дис. ...доктора экономических наук. Киев, 1991. 33 с.
4. Цлаф В.М. Экономическая деятельность: ее сущность, принципы и структура. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2018. 74 с.
5. Долинская В. В. Экономическая деятельность и ее виды // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 3. С. 3–15.

6. Гретченко А. И. Экономические проблемы активизации человеческого фактора в условиях научно-технического прогресса. М., 1987. 40 с.
7. Гребнев Л. С. Человек в экономике: теоретико-методологический анализ: автореф. дис. ... докт. экон. наук. М., 1993. -38 с.
8. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм, демократия. М.: Эксмо, 2008. 864 с.
9. Маркс К. Капитал. Т. 3. [Электронный ресурс] <https://mybook.ru/author/karl-genrih-marks/kapital-tom-tretij/reader/> (дата обращения 23.03.2022)
10. Ершова И. В. Экономическая деятельность: понятие и соотношение со смежными категориями // Lex russica. 2016. № 9. С. 46–61.
11. Кванина В. В. Профессиональная и предпринимательская деятельность // Цивилист. 2011. № 2.
12. Сунгатуллина Л. А. Участие субъектов предпринимательской и профессиональной деятельности: цивилистическое исследование: дис. ... канд. юрид.наук. Казань, 2015.
13. Петров Д. А. Правовой статус саморегулируемой организации в сфере предпринимательства: проблемы теории и практики. СПб., 2015. 320 с.
14. Зеер Э.Ф. Психология профессий. М., Екатеринбург, 2003. 336 с.
15. Правовое регулирование экономической деятельности: единство и дифференциация : монография / отв. ред. И.В. Ершова, А.А. Мохов. М. : Норма : ИНФРА-М, 2019. 464 с. ISBN 978-5-91768-779-7. - Текст : электронный. - URL: <https://znanium.com/catalog/product/1010522> (дата обращения: 10.03.2022). – Режим доступа: по подписке.
16. Губин Е. П. Правовое обеспечение свободы экономической деятельности // Предпринимательское право. 2015. № 4. С. 3–9.
17. Занковский С. С. Конституция и бизнес : взгляд на историю и современность // Труды Института государства и права РАН. 2014. № 1. С. 15–28.
18. Зорькин В. Д. Экономика и право: новый контекст // Российская газета [Электронный ресурс] URL: <http://www.rg.ru/2014/05/21/zorkin-site.html> (дата обращения 05.05.2021).
19. Зорькин В. Д. Право в условиях глобальных перемен. М.: Норма, 2013. 496 с.
20. Лаптев В. А. Конституция России как основной источник предпринимательского права // Lex Russica. 2015. № 6. С. 39–47.

References

1. *Entrepreneurial law of the Russian Federation*. E. P. Gubin, P. G. Lakhno (eds.). Moscow; 2010. (In Russ.)
2. Belykh S. V. *Freedom of entrepreneurial activity as a constitutional and legal category in the Russian Federation*. Saint-Petersburg; 2005. 189 p. (In Russ.)
3. Suprun V. P. *The development of production relations of socialism as an economic activity of society*: abstract. dis. ...doctor of Economics. Kiev; 1991. 33 p. (In Russ.)
4. Tslaf V. M. *Economic activity: its essence, principles and structure*. Samara: Publishing House of Samara University; 2018. 74 p. (In Russ.)
5. Dolinskaya V. V. Economic activity and its types. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2018;(3):3–15. (In Russ.)
6. Gretchenko A. I. *Economic problems of the activation of the human factor in the conditions of scientific and technological progress*. Moscow; 1987. 40 p. (In Russ.)
7. Grebnev L. S. *Man in economics: theoretical and methodological analysis*: abstract. dis. ... doct. ekon. sciences. Moscow; 1993. 38 p. (In Russ.)
8. Schumpeter J. A. *Theory of economic development. Capitalism, socialism, democracy*. Moscow: Eksmo; 2008. 864 p. (In Russ.)
9. Marx K. Capital. Vol. 3. [Electronic resource]. Available from: <https://mybook.ru/author/karl-genrih-marks/kapital-tom-tretij/reader/> [Accessed 23.03.2022]
10. Ershova I. V. Economic activity: the concept and relationship with related categories. *Lex Russica*. 2016;(9):46–61. (In Russ.)

11. Kvanina V. V. Professional and entrepreneurial activity. *Tsivilist = Civilist*. 2011;(2):27–33. (In Russ.)
12. Sungatullina L. A. *Participation of subjects of entrepreneurial and professional activity: civilistic research*: dis. ... cand. legal sciences. Kazan; 2015. (In Russ.)
13. Petrov D. A. *The legal status of a self-regulating organization in the field of entrepreneurship: problems of theory and practice*. St. Petersburg; 2015. 320 p. (In Russ.)
14. Zeer E. F. *Psychology of professions*. Moscow; Yekaterinburg; 2003. 336 p. (In Russ.)
15. *Legal regulation of economic activity: unity and differentiation* : monograph. I. V. Ershov, A. A. Mokhov (eds.). Moscow: Norm : INFRA-M, 2019. 464 p. ISBN 978-5-91768-779-7. Text : electronic. Available from: <https://znanium.com/catalog/product/1010522> (date of notification: 10.03.2022). [Access mode: by subscription].
16. Gubin E. P. Legal provision of freedom of economic activity. *Predprinimatel'skoe pravo = Entrepreneurial law*. 2015;(4):3–9. (In Russ.)
17. Zankovsky S. S. Constitution and business: a look at history and modernity. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN = Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2014;(1):15–28. (In Russ.)
18. Zorkin V. D. Economics and Law: a new context. *Rossiyskaya Gazeta* [Electronic resource]. Available from: <http://www.rg.ru/2014/05/21/zorkin-site.html> [Accessed 05.05.2021]. (In Russ.)
19. Zorkin V. D. *Law in the context of global changes*. Moscow: Norm; 2013. 496 p. (In Russ.)
20. Laptev V. A. The Constitution of Russia as the main source of business law. *Lex Russica*. 2015;(6):39–47.

Информация об авторе

М. Д. Шапсугова – кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук.

Information about the author

M. D. Shapsugova – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Senior Researcher of Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest

Статья поступила в редакцию 27.02.2023; одобрена после рецензирования 09.03.2023; принята к публикации 10.03.2023.

The article was submitted 27.02.2023; approved after reviewing 09.03.2023; accepted for publication 10.03.2023.

КОНКУРЕНЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ И БРИТАНСКОЙ ЮРИСДИКЦИЙ В УСЛОВИЯХ BREXIT

Валерия Игоревна Барциц

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия,
vbarcic@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2400-4834>

Аннотация. Одной из черт современной модели взаимодействия правовых систем является конкуренция национальных юрисдикций. Стремясь обеспечить привлекательность своих юрисдикций, государства используют различные методы, направленные на повышение эффективности функционирования судов. На конкуренцию юрисдикций активно влияют политические процессы. Ярким примером воздействия политики на вопросы юрисдикции стал Brexit. Статья преследует цель рассмотреть актуальные вопросы, обусловленные выходом Великобритании из единого правового пространства ЕС, с точки зрения функционирования системы гражданского судопроизводства, последствия этих процессов для механизмов выбора юрисдикции. Посредством использования сравнительно-правового метода, изучены последствия процессов Brexit для российских компаний и перспектив развития российской юрисдикции, в том числе в связи с: а) сохраняющейся практикой разрешения споров между российскими компаниями или же российскими бизнесменами в Лондоне; б) новыми условиями конкуренции между британскими и европейскими, прежде всего французскими, судами за привлечение в свои юрисдикции; в) необходимостью разрешения споров по целому ряду актуальных вопросов, в том числе вызванных осложнением геополитической обстановки, затрагивающих государственные интересы России и интересы российского бизнеса; г) научным и практическим интересом для становления системы разрешения противоречий между компаниями стран СНГ в современных условиях. Используются материалы британской и европейской правовой литературы, доклады Комиссии Совета Европы по эффективности правосудия, экспертные заключения российских и европейских юристов. Среди выводов – практические рекомендации по повышению конкурентоспособности российской юрисдикции, защите интересов России в юридической сфере. Обосновывается необходимость развития сотрудничества российской судебной системы с судами ЕАЭС и стран ЕАЭС, формирования системы судов по разрешению экономических споров, которые бы способствовали переводу значимых гражданско-правовых дел в российскую юрисдикцию или юрисдикцию ЕАЭС.

Ключевые слова: национальная юрисдикция, конкурентоспособность и привлекательность национальной юрисдикции, конкуренция юрисдикций, выбор юрисдикции, диалог судей

Для цитирования: Барциц В. И. Конкуренция европейской и британской юрисдикций в условиях Brexit // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 109–119. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-1-109-119>

Problems of Civil, Business and Private International law

Original article

COMPETITION BETWEEN EUROPEAN AND UK JURISDICTIONS IN THE CONTEXT OF BREXIT

Valeriya I. Bartsits

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia,
vbarcic@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2400-4834>

Abstract. One of the features of the modern model of interaction between legal systems is the competition between national jurisdictions. The states use different methods to improve the efficiency of their courts in order to make their jurisdictions more attractive. The competition between jurisdictions is actively influenced by political processes. A striking example of the impact of politics on jurisdictional

issues is Brexit. This article aims to consider the topical issues caused by the UK's exit from the single legal space of the EU in terms of the functioning of the civil justice system, the consequences of these processes for the mechanisms of choice of jurisdiction. Using the comparative legal method, this article explores the consequences of Brexit for Russian companies and Russia's jurisdiction, including in connection with: a) the continuing practice of dispute resolution between Russian companies or Russian businessmen in London; b) the new conditions of competition between British and European, especially French, courts for attraction to their jurisdictions; c) the need for dispute resolution on a number of pressing issues, including those caused by the complicated geopolitical situation. The materials used include UK and European legal literature, the reports of the Council of the European Commission for the Efficiency of Justice and expert opinions of Russian and European lawyers. The conclusions include practical recommendations on how to improve the competitiveness of Russia's jurisdiction and protect Russia's interests in the legal sphere. This article highlights the need to develop cooperation between the Russian court system and courts of the EAEU and EAEU countries, to create a system of economic dispute resolution courts, which would foster the transfer of important civil cases to the Russian jurisdiction or the jurisdiction of the EAEU.

Keywords: national jurisdiction, competitiveness and attractiveness of national jurisdiction, competition between jurisdictions, choice of jurisdiction, dialogue of judges, Brexit

For citation: Bartsits V. I. Competition between European and UK Jurisdictions in the context of Brexit. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(1):109–119. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-109-119>

Введение. Современный европейский континент вполне обоснованно называют «перекрестком прав» [1]. Действительно, в Европе сформировались различные правовые семьи и различные правовые системы. Правовое регулирование даже в странах, относящихся к одной правовой семье, нередко существенно различается. До начала процессов формирования крупных интеграционных межгосударственных объединений, роста международной торговли и экономического сотрудничества государств представление правил и принципов, которыми определялся выбор юрисдикции, было бы весьма лаконичным. И это не какая-нибудь доисторическая эпоха: речь идет о ситуации конца 1960-х – начала 1970-х гг. Существовавший в то время экономический оборот вполне удовлетворялся регулированием рядом соглашений в рамках международного частного права. Прежде всего имеются ввиду нормы, определявшие выбор суда и преодоление возникающих коллизий.

Формирование Европейского Союза, его поэтапное расширение привело к резкому усложнению регулирования правил выбора юрисдикции, принятию ряда важнейших конвенций и соглашений в рамках ЕС и за его пределами. Начавшееся в 1970-е гг. поступательное расширение правового регулирования вопросов юрисдикции было осложнено выходом Великобритании из состава ЕС (Brexit) в 2016–2020 гг. В это время на востоке Европейского континента происходит разрушение Союза ССР, вхождение России в Совет Европы в 1996 г. и выход из него в 2022 г., формирование рядом бывших постсоветских республик нового экономического объединения – Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Отмеченные политические процессы привели к необходимости решения многих ситуаций и споров в области экономики, прав человека и гражданских состояний.

Вопрос развития юрисдикций, применяемых различными правовыми системами юридических конструкций чрезвычайно интересен как с точки зрения истории права, так и современной компаративистики. Необходимость взаимодействия государств и компаний в сложных политических условиях предопределяет внимание к вопросам выбора юрисдикции, повышения привлекательности национальной российской юрисдикции, качества судопроизводства. Особенно тщательно к вопросам юрисдикции, исполнения или неисполнения решений иностранных судов следует относиться в современных сложных геополитических условиях, когда и в этих условиях российские юристы призваны отстаивать интересы государства, бизнес-компаний и российских граждан в различных судебных и арбитражных инстанциях, расположенных как в Российской Федерации, так и за рубежом.

Brexit и его влияние на процессы выбора юрисдикции

23 июня 2016 г. в центре «правового перекрестка» произошло крупное происшествие: в ходе референдума 51,9 % британцев проголосовали за выход Великобритании из Европейского Союза. В полночь по центральноевропейскому времени с 31 января на 1 февраля 2020 г. было прекращено членство Великобритании в Европейском Союзе. 24 декабря 2020 г. официальные лица Великобритании и Европейского Союза подписали Соглашение о торговле и сотрудничестве. Насчитывавшее более 1 200 страниц оно было призвано решить целый ряд вопросов сосуществования и сотрудничества Великобритании и Европейского Союза после Brexit. С высокой долей английского юмора один из ведущих современных британских цивилистов А. Бриггс представил следующий перечень задач: «1) положить четкий и видимый конец свободному передвижению людей между Великобританией и ЕС; 2) препятствовать свободному перемещению товаров между двумя сторонами; 3) нанести ущерб национальному богатству, полученному от трансграничных финансовых и профессиональных услуг; 4) убежать от надзора ненавистного Европейского суда; и 5) в акте особой злобы уничтожить программу, с помощью которой студенты британских университетов расширяют свой кругозор в рамках программы, названной в честь Эразма» [2, XXVII].

Не дискутируя с цитируемым автором о целях Brexit, следует отметить, что в этом Соглашении не были разрешены вопросы соотношения британской и европейской юрисдикций в вопросах гражданского судопроизводства. Несмотря на кажущуюся неактуальность данного вопроса для современного российского правоведения и правоприменения, следует признать не только теоретико-правовой интерес к происходящим процессам, но и возможность выработки практических рекомендаций, направленных на развитие российской юрисдикции, формирование инструментов сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза.

Правовые акты, регламентирующие выбор юрисдикции в ЕС

В Европейском Союзе (ЕС) вопрос выбора юрисдикции определяется:

а) Регламентом «Брюссель Ibis» – Регламент (ЕС) № 1215/2012 Европейского парламента и Совета от 12 декабря 2012 г. «О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам (в новой редакции)». Регламент «Брюссель Ibis» заменил Регламент Совета (ЕС) № 44/2001 от 22 декабря 2000 г. «О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам» (Регламент «Брюссель I»), который в свою очередь заменил Конвенцию от 27 сентября 1968 г. «О юрисдикции и принудительном исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам» (Брюссельская конвенция);

б) Луганской конвенцией – Конвенция «О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам», подписанная 30 октября 2007 г. (Луганская конвенция 2007 г.), которая заменила Конвенцию о юрисдикции и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам, подписанную 16 сентября 1988 г. (Луганская конвенция 1988 г.). Луганская конвенция распространяется на государства-члены Европейского союза, а также Исландию, Норвегию и Швейцарию.

Поскольку Луганская конвенция 2007 г. по существу в значительной степени сходна с Регламентом «Брюссель I», для обозначения всех этих документов используется собирательный термин «Брюссельский режим». Эти нормативные акты являются основным источником правил по выбору юрисдикции и исполнению иностранных судебных решений;

в) Регламентом «Рим I» – Регламент (ЕС) № 593/2008 Европейского парламента и Совета от 17 июня 2008 г. «О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам»;

г) Регламентом «Рим II» – Регламент (ЕС) № 864/2007 Европейского парламента и Совета от 11 июля 2007 г. «О праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам».

Брюссельский режим направлен на обеспечение свободного обращения судебных решений и устанавливает единые правила международной юрисдикции в большинстве гражданских и коммерческих споров, рассматриваемых судами ЕС. Хотя в отношении некоторых споров

действует исключительная юрисдикция, в остальных случаях стороны могут выбрать суд по взаимному согласию. Регламент также устанавливает другие правила о юрисдикции, которые применяются по умолчанию. По общему правилу, ответчик привлекается к ответственности в государстве-члене, в котором он постоянно проживает, независимо от гражданства. Для того чтобы обеспечить надлежащее отправление правосудия, Регламент «Брюссель Ibis» устанавливает особые правила, в соответствии с которыми разрешается также подавать иски в суды других государств-членов, отличных от страны постоянного проживания ответчика.

В Регламенте «Рим I» рассматривается право, применимое к договорным обязательствам в гражданских и коммерческих делах с иностранным элементом. Одним из ключевых принципов этого регламента является предоставляемая сторонам свобода выбора применимого права. Если стороны не выбрали право, применимое к договору, используются критерии выбора применимого права для соответствующего типа договоров. Как правило, применяется право государства, где находится обычное место жительства стороны, которая должна осуществить «характерное исполнение» договора, за исключением случаев, когда договор явно имеет более тесные связи с другой страной или невозможно определить, в чем заключается «характерное исполнение договора».

В Регламенте «Рим II» рассматривается право, применимое к внедоговорным обязательствам в гражданских и коммерческих делах с иностранным элементом.

В условиях Brexit устоявшие и широко применявшиеся инструменты оказались в ситуации правовой неопределенности. Преодолеть ее был призван Закон Великобритании об осуществлении Гаагских конвенций 1996, 2005 и 2007 гг. и об обеспечении выполнения других международных соглашений по международному частному праву (краткое название «Закон о международном частном праве (выполнении соглашений) 2020 г.»)¹, в котором были сформулированы основные подходы применительно к сочетанию британской и европейской юрисдикций в условиях Brexit. Среди них следует выделить:

- а) сохранение действия в Соединенном Королевстве права ЕС (законодательство, прецедентное право, общие принципы европейского права), действовавшего на день выхода из ЕС;
- б) законы ЕС имеют силу национального закона;
- в) сохраняется значение прецедентов (принципов и решений судов Великобритании и Европейского суда) в том виде, в каком они вступили в силу до даты Brexit;
- г) толкование права ЕС на территории Великобритании после Brexit должно осуществляться на основе общих принципов права ЕС;
- д) общие принципы права ЕС применяются в качестве действующего права и после Brexit, если только они были признаны таковыми до даты Brexit;
- е) сохраняется принцип верховенства права ЕС на законы, принятые до даты Brexit (принцип верховенства права ЕС не распространяется на законы, принятые после Brexit). Однако такие законы могут быть изменены или отменены, «если они не будут действовать эффективно или будут содержать недостатки».

Особого внимания заслуживают принципы разрешения вопроса о влиянии решений Суда ЕС на английские суды:

- а) английский суд не связан каким-либо решением Европейского суда, принятым после Brexit;
- б) английский суд вправе ссылаться на законы и решения, принятые после даты Brexit в том случае, «если это уместно»;
- в) английский суд не имеет права после даты Brexit ссылаться на Европейский суд.
- г) высшие суды Англии не связаны законодательством ЕС, даже сохранившим свое действие в Великобритании после даты Brexit. При этом при принятии решений об отступлении от действующего права ЕС Верховный суд должен использовать критерий, который он применяет, когда ему предлагается отступить от одного из своих собственных решений.

¹ <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2020/24/section/1/enacted>

Позиции стран по возвращению Великобритании в «рамки Лугано»

Как видим, Великобритания достаточно законодательно закрепила модель соотношения европейской и британской юрисдикций в выгодном для себя варианте. Выйдя из ЕС, Великобритания вышла из Луганской конвенции и практически сразу же (8 апреля 2020 г.) подала заявку на присоединение к ней. Тем самым Великобритания продемонстрировала готовность действовать по модели стран, входящих в Луганскую конвенцию, но не являющихся членами ЕС (Норвегия, Исландия, Швейцария), и сохранить преимущества нахождения в едином пространстве гражданского судопроизводства.

Но Великобритания не предусмотрела, что страны ЕС не готовы к столь комфортному для нее варианту развода юрисдикций и рассчитывают использовать сложившуюся ситуацию как в общеполитическом контексте, так и в конкурентной борьбе за привлечение в свои юрисдикции экономически и политически значимые категории дел. Европейская комиссия отклонила заявку и рекомендовала государствам-членам ЕС принять аналогичное решение. Сославшись на то, что отныне Великобритания для стран ЕС «третья страна», отношения с ней в области гражданского судопроизводства должны регулироваться Гаагскими конвенциями. Но Гаагские конвенции не препятствуют рассмотрению параллельных судебных дел в конкурирующих юрисдикциях и являются менее универсальными с точки зрения предметов регулирования. Более того, исполнение судебных решений на их основе более труднореализуемое.

По мнению главы Международного юридического сообщества Англии и Уэльса М. Лоранса: «Потеря рамки Лугано означает возврат к национальным законам каждой отдельной страны, чтобы решить, какой суд обладает юрисдикцией в отношении юридического вопроса и будет ли решение признано и приведено в исполнение... Это также делает судебные разбирательства недоступными для всех, кроме самых глубоких карманов – самые богатые корпорации и частные лица по-прежнему смогут отстаивать свои права»¹.

К определенным, однако крайне незначительным, потерям готовы и в самой Великобритании: «действие английских судебных решений в Европе, за исключением тех судебных решений, к которым будет применяться Гаагская конвенция о выборе суда, будет уменьшено. Для семи стран (Австрии, Бельгии, Франции, Германии, Италии, Нидерландов и Норвегии) существующие двусторонние договоры, которые были введены в действие в соответствии с Актом 1933 г., но которые были маргинализированы во время применения правил Брюсселя и Лугано, возобновят свою первоначальную сферу применения; еще два (Кипр и Мальта) будут подпадать под действие законодательства, соответствующего Акту 1920 г. В остальном ответ будет зависеть от хаотичного разнообразия норм международного частного права иностранных государств. Однако в любом существенном случае принудительное взыскание в Лондоне (в отношении долгов, должников, будущих долгов и других активов) обычно возможно. Любые ограничения на такие меры, как долговые распоряжения третьих лиц или назначение конкурсного управляющего путем справедливого исполнения..., будут сняты. А снижение исковой силы в отдаленных уголках Восточной Европы, пожалуй, потеря скромных размеров» [2, с. 23].

Более того, Великобритания намерена использовать избавление от пут европейского права для повышения привлекательности своей юрисдикции. Действительно, отсутствие необходимости многолетних согласований с интересами многочисленных стран ЕС той или иной поправки в законодательство может существенно облегчить развитие правового регулирования, ускорить принятие необходимых законов, в том числе и в сфере гражданского судопроизводства.

Со своей стороны готовятся к политическим и судебным баталиям континентальные правоведы. В серии статей по исследованию процессуального права Института Макса Планка в Люксембурге утверждается непригодность Луганской конвенции для использования в качестве моста между Великобританией и ЕС после Brexit на том основании, что вдруг стала явной несовместимость общего права с континентальной правовой системой, в том числе в вопросах

¹ www.express.co.uk/news/politics/1435632/lugano-convention-what-is-it-why-important-uk-post-brexit-laws-evg

юрисдикции [3]. Странность подобных заключений очевидна: ведь на протяжении предшествовавших почти 50-ти лет (с 1972 г.) система английского общего права вполне сносно и эффективно уживалась с европейскими юрисдикциями. Более того, именно Лондон считался неофициальным центром для решения наиболее крупных и ярких исков: от корпоративных споров до бракоразводных процессов.

Политика Франции по блокированию возврата Великобритании к Луганской конвенции 2007 г. в качестве полноправного участника – часть борьбы по ослаблению позиций конкурента при разрешении коммерческих споров. В то время, когда скандинавские, балтийские страны и Нидерланды поддерживают возвращение Великобритании к Луганской конвенции, Франция решительно поддержала линию Еврокомиссии и отвергла присоединение Великобритании к ней. По мнению Хосепа Гальвеса, испанского судьи и эксперта по коммерческому арбитражу: «Это способ наказать Великобританию за выход из Евросоюза, но и очень хорошая возможность для некоторых юрисдикций ЕС привлечь международные судебные разбирательства в свои суды»¹.

Конкуренция в сотрудничестве

Таким образом, одним из возможных последствий Brexit могут стать если и не кардинальные, то достаточно существенные изменения в конкуренции судебных институтов континентальной Европы и Великобритании. Возможно цинично, но речь идет о конкурентной борьбе судебных институтов, очень похожей на конкуренцию бизнес-компаний. В этом нет ничего предосудительного: оплата судебных издержек, услуг адвокатских и консалтинговых бюро, внимание прессы и имиджевые плюсы. Юридический бизнес, вращающийся вокруг коммерческих судов, – значимая часть экономики. Хотя главное все же в возможности принятия судебных решений (нередко по многомиллиардным делам) в соответствии с нормами своего национального права. Нельзя полностью исключить и возможности принятия судебных решений в интересах «своих» компаний и «своего» бизнеса. Сколько бы теоретики права не говорили об абсолютной беспристрастности судов при принятии решений на основе принципов объективности, справедливости и законности, что при этом не учитывается национальная (в смысле государственная) принадлежность компаний или спорящих сторон, судебная практика свидетельствует об обратном. Как правило, ангажированные решения принимаются со ссылками на оговорку о публичном порядке, уважении к выработанным той или иной правовой системой правовым принципам.

Например, самоуважение французской юрисдикции наглядно проявляется в вопросе исполнения или неисполнения решения иностранного суда в случае его противоречия материальному публичному порядку. Хотя французская судебная практика не представила однозначного понимания материального публичного порядка, французские суды исходят из принципа, что «система принципов и ценностей, составляющая французский публичный порядок, не может не признаваться даже в международных делах» [4, с. 28]. Этот принцип нашел свое отражение во многих решениях высших судебных инстанций Франции, утверждая посредством судебных решений линию французского права на экстраполирование французских правовых ценностей и принципов за пределы национальных границ. Правоведы вполне обоснованно относят французскую правовую систему к числу так называемых «великих правовых систем современности» (*Grands systèmes de droit contemporains*).

Убеждение в особой значимости принципов и ценностей французского публичного порядка, восходящих к принципам и ценностям *la Révolution française*, можно признать одной из черт французской национальной правовой идентичности. Это понимание предопределяет подход, согласно которому «отказ от выдачи экзекватуры на исполнение иностранного решения может быть осуществлен как по причине противоречия решения международному публичному порядку, так и по причине нарушения им основополагающих принципов и ценностей права Франции [7, с. 28].

¹ <https://internationalwealth.info/news-of-the-offshore/evrokomissija-otkazala-velikobritanii-v-prisoedinenii-k-konvencii-po-brakorazvodnym-processam/>

Свои преимущества для перемещения рассмотрения коммерческих споров из Лондона на европейский континент готовы предложить суды Германии, стран Бенилюкса, Швейцарии. Современным экспертам еще только предстоит проанализировать сумеют ли судебные инстанции ЕС перехватить часть «бизнеса» Коммерческого суда Лондона (Commercial Court in London). Пока же клиенты британских судов сохраняют преданность Лондону: уже в следующем после Brexit году число спорщиков в Коммерческом суде Лондона возросло на 22 %, при этом почти 60 % участников – иностранцы, сами британцы составили 40,7 % спорщиков. Другой конкретный аспект «судебного бизнеса»: суды Англии и Уэльса рассматривают около 25 000 разводов с участием иностранных граждан ежегодно. То есть мнение скептиков, что Brexit будет способствовать оттоку заявителей из британских суд пока не находит подтверждения.

Российская доля в британском «судебном бизнесе»

Российские компании и бизнесмены составляют значимую часть среди клиентов британской юстиции (россияне конкурируют с казахстанцами за второе место по количеству дел с участием иностранцев в британских судах, первое место традиционно принадлежит американцам). В российской юридической прессе следят за многочисленными примерами споров российских бизнесменов в английской юрисдикции. Обращает на себя внимание странность ситуации, когда в ней продолжают рассматриваться не только ранее инициированные споры, но и подаются новые иски. Наглядными примерами такого выхода из российской юрисдикции являются следующие случаи:

1) «Два российских олигарха хотят, чтобы судья Высокого суда разрешил их спор по поводу московской фабрики, сообщает корреспондент газеты. Речь идет о фабрике «Трехгорная мануфактура» в центре Москвы, в которую вложили деньги в 2001 г. Олег Дерипаска и Владимир Чернухин, о котором в России сейчас мало кто помнит. Наличие третьей стороны, Лолиты Данилиной, бывшей любовницы Чернухина «еще больше драматизирует ситуацию», – отмечает автор статьи в «The Times» 28 ноября 2018 г. Шон О'Нил (Sean O'Neil) [5];

2) В октябре 2022 г. началось рассмотрение спора двух крупнейших российских металлургических компаний. Российская компания «RUSAL» (6 % мирового рынка алюминия), руководимая российским предпринимателем Олегом Дерипаской, подала иск к президенту российской компании «Норильский никель» (10 % мирового рынка никеля, 40 % мирового рынка палладия, 11 % мирового рынка платины) российскому предпринимателю Владимиру Потанину. В этом не было бы ничего достойного внимания, если бы не место, куда был подан иск – Высокий суд Лондона. Дополнительный интерес ситуации придает тот факт, что оба российских предпринимателя находятся под санкциями Великобритании.

Согласно данным британского консалтингового агентства Portland россияне уверенно входят в тройку самых активных спорщиков в Коммерческом суде Лондона, уступая лишь британским и казахстанским компаниям. Наглядным примером может стать выписка из обзора Portland, где обе стороны были обезличены: «Истец: – К (компания, которой владеет российский бизнесмен Y). Ответчик – S (российский бизнесмен)».

Среди факторов, которыми российские адвокаты (например, А. Панич, И. Рачков, И. Тертычный)¹ оправдывают подобную привязанность к британскому правосудию есть вполне объективные: нахождение истца на территории Великобритании (нередко скрывающего от российского уголовного правосудия), регистрация компании в Великобритании или ЕС, нахождение капиталов за пределами России. Очевидно, что в этих случаях эффективность судебного решения российского суда будет значительно ниже в части его исполнения. Но признаются и иные факторы привлекательности британской юрисдикции: высокое качество и относительная быстрота рассмотрения сложных коммерческих дел, возможность получить решение о заморозке активов ответчика, что невозможно в российском суде, жесткие обеспечительные меры, принимаемые британскими судами.

И все же возникает вполне обоснованный вопрос: является ли Англия в приведенных случаях, а также во многих других, естественным местом для судебного разбирательства?

¹ <https://www.rbc.ru/economics/29/05/2018/5b0bf85e9a7947dde3239724>

Интересна реакция властей Казахстана на резкое увеличение количества исков между казахстанскими компаниями, которые рассматриваются в Великобритании. Оценив опасности выведения значимых (как финансово, так и политически) юридических споров за пределы республики, власти Казахстана приняли решение создать в столице страны г. Астане при международном финансовом центре специализированный арбитражный суд, в котором решение принимается британскими арбитрами на основе норм и принципов английского общего права, а также «лучшей международной практики». Этот своего рода выездной британский суд, не являющийся частью судебной системы Казахстана, но принимающий свои решения на территории Казахстана, был создан в 2018 г. и функционирует под названием «Суд Международного финансового центра «Астана». За первые три года им рассмотрено 15 дел. Свои перспективы МФЦА связывает не только с разрешением споров казахстанских компаний, но и компаний из России и стран Центральной Азии.

Отношение российских экспертов к реализуемой в Казахстане модели функционирования «Суда Международного финансового центра «Астана» не может быть однозначным по целому ряду обстоятельств. В некоторой степени эта модель воспроизводит ту, которая обсуждалась в России в 2008-2012 гг. в рамках проекта формирования международного финансового центра в Москве и выведении этого центра из-под действия национального права и применения иностранного права при разрешении споров. Так, в уставных документах суда в Астане определено, что его деятельность осуществляется на основе норм английского общего права и «лучших международных практик». Прежде всего, в высшей степени неопределенно звучит само положение «лучшие мировые практики» (еще более неопределенно, чем «нормы английского общего права»). Нет уверенности в абсолютной беспристрастности английских арбитров, которые составляют состав суда.

Памятуя, что подобная модель была отвергнута в России как неприемлемая, нельзя просто не заметить попытку ее реализации в соседней стране, являющейся одним из ключевых российских партнеров. Следует рассмотреть использование опыта деятельности этого суда и иных работающих на похожих принципах судебных и квазисудебных органов для повышения привлекательности юрисдикции ЕАЭС и российской юрисдикции.

Перспективы российской юрисдикции в сложившихся условиях. Перипетии франко-британского спора за долю в судебном бизнесе интересуют россиян не только с точки зрения перспектив для крупнейших российских бизнесменов рассматривать свои споры в той или иной юрисдикции. Скорее наоборот, изучение этой практики побуждает к разработке комплекса мер по ограничению подобного бегства из российской юрисдикции. Следует внимательно изучить предложения по закреплению исключительной компетенции российских судебных (арбитражных) органов при рассмотрении некоторых видов экономических споров, а также споров с участием российских государственных компаний или компаний с государственным участием. В контексте настоящей статьи речь идет о дополнительном доводе в пользу повышения привлекательности российской национальной юрисдикции.

Россия в актив своей юрисдикции может записать центральное место в системе политических и экономических взаимосвязей на постсоветском пространстве, развитую информационно-технологическую инфраструктуру, ключевую роль в таких межгосударственных объединениях, как Евразийский экономический союз, Шанхайская организация сотрудничества, БРИКС. Безусловно, события 2022 г., в том числе выход России из Совета Европы и, как следствие, из-под действия юрисдикции Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ), оказывают существенное влияние на перспективы взаимодействия российской и европейской юрисдикций. Но при всей значительности произошедших событий они не меняют общей направленности политики по повышению качества национальной российской юрисдикции.

Критика российской юрисдикции с точки зрения ее привлекательности и конкурентоспособности зачастую оправдана [6]. Но нельзя не замечать результативность предпринятых усилий по развитию российской юрисдикции, в том числе в рамках «Долгосрочной программы повышения эффективности исполнения судебных решений на период 2011 – 2020 годы».

Конкретные позитивные результаты нашли отражение в последнем из докладов Европейской комиссии по эффективности правосудия Совета Европы (доклад 2020 г.), в котором судебная система России была признана наиболее технологически развитой и наименее финансово затратной в сравнении с судами 47 западных государств. Отмечается незначительный средний срок рассмотрения гражданских дел и экономических споров в России – 50 дней (при среднеевропейском показателе в 233 дня), интенсивность поступления в суды административных дел (первое место), гражданских дел и экономических споров (шестое место)¹. В докладе 2020 г. были впервые представлены оценки эффективности использования в ходе судебной деятельности современных технологий. По всем показателям Россия получила высокие оценки².

Какие уроки из конкуренции юрисдикций для себя может извлечь Россия? На постсоветском пространстве постепенно формируется новая система разрешения коммерческих споров между компаниями из стран Содружества Независимых Государств и формирующихся интеграционных объединений. Основным среди таких интеграционных объединений выступает Евразийский экономический союз (ЕАЭС), в который входят 5 стран (Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Россия). Хотя в компетенцию Суда Евразийского экономического союза (ЕАЭС) не входит наделение органов Союза дополнительной компетенцией помимо той, которая прямо предусмотрена Договором о ЕАЭС и (или) международными договорами в рамках ЕАЭС, в перспективе по мере и в случае действительного развития интеграционных процессов в рамках этого межгосударственного объединения надлежит кардинально пересмотреть роль судебных институтов ЕАЭС. Усиление влияния Суда ЕАЭС, формирование системы разрешения споров между компаниями входящих в это интеграционное объединение стран в перспективе может стать значимым фактором развития экономического сотрудничества.

В становлении системы взаимодействия российской юрисдикции и юрисдикции судов ЕАЭС, иных потенциальных интеграционных перспективно использование механизмов «диалога судей». Подлинной движущей силой диалога является конкуренция между юрисдикциями, борьба за влияние в правовом пространстве, продвижение своих моделей разрешения споров, основанных на национальном опыте и правовых традициях. Суду ЕАЭС следует воспринять ту настойчивость, с каким Суду Европейского Союза удалось утвердить феномен «право Европейского Союза» как самостоятельную правовую систему, существующую сверх и наряду с национальным правом стран Европейского союза и параллельно и вместе с международным правом. При своем развитии суды интеграционных объединений должны опираться на поддержку высших судов стран-участниц. Повышению привлекательности российской юрисдикции и юрисдикции интеграционного объединения ЕАЭС может способствовать формирование системы специальных третейских судов, инвестиционных арбитражей. Одним из вариантов постепенного уменьшения количества дел с российским участием в судах Великобритании и стран ЕС может стать сотрудничество с судебными системами стран ЕАЭС.

Хотя не следует исключать и конкуренцию юрисдикций среди стран ЕАЭС, прежде всего следует отметить активную политику Казахстана как по развитию своей судебной системы, так и по формированию независимых от судебной системы страны учреждений по разрешению экономических споров. Не следует также исключать перспективу формирования в России квазисудебных органов, различных институтов судов *ad hoc*, использующих в том числе международные практики урегулирования экономических споров.

Для постепенного уменьшения соблазна российских компаний разрешать свои споры в английских судах (в конкурентную борьбу за эти споры, вернее за финансовые возможности, которые сопровождают их разрешение) готовы включиться судебные институты других европейских государств) надлежит принять ряд мер как побудительного, так и ограничительного (запретительного) свойства.

¹ <https://rg.ru/2020/11/05/sudebnaia-sistema-rossii-priznana-naibolee-effektivnoj-v-evrope.htm>

² Доклад Европейской комиссии по эффективности правосудия Совета Европы. <https://rm.coe.int/rapport-evaluation-partie-1-francais/16809fc058>

К ограничительным (запретительным) мерам можно отнести, например: закрепление исключительной компетенции российских судебных (арбитражных) органов при рассмотрении некоторых видов экономических споров, а также споров с участием российских государственных компаний или компаний с государственным участием. На первом этапе ввести запреты на рассмотрение споров в иностранных юрисдикциях возможно для предприятий и компаний, имеющих стратегическое значение. Дискуссии на эту тему длятся уже не первое десятилетие. Так, А. Н. Жильцов и Б. Р. Корабельщиков еще в 2009 г. предлагали закрепить за российскими судами право признать ничтожными сделки в отношении иностранных инвестиций, которые были заключены без предварительного согласования с Правительственной комиссией по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации [7, с. 141–162]. Конечно, применение ограничительных мер является не оптимальной мерой правового регулирования, также очевидно, что ограничительными (запретительными) мерами трудно добиться истинной привлекательности национальной юрисдикции, но жесткость современной конкуренции юрисдикций не исключает возможности обращения и к подобным инструментам.

В условиях санкций в качестве альтернативы рассмотрению споров в Лондоне или в рамках российской судебной системы выступают арбитражные институты стран, не вводивших санкции против России: Турции (Стамбульский арбитражный центр ISTAC), Объединенных Арабских Эмиратов (DIFC в Дубае), Гонконге (Международный арбитражный центр Гонконга (HKIAC)). Среди плюсов Гонконгского HKIAC можно отметить наличие статуса постоянно действующего арбитражного учреждения в России и следование нормам английского права. Турецкий ISTAC функционирует на правилах и нормах, близких к швейцарскому закону о международном частном праве, а регламент суда основан на Типовом законе UNSITRAL и регламенте Международной торговой палаты.

Выводы: «Международное рассмотрение споров — это рынок, как и арбитраж; и было бы желательно иметь возможность свободно адаптироваться к тому, что хотят клиенты,» — утверждает А. Бриггс [2, с. 23], пытаясь найти позитивное начало в процессах Brexit для британской юрисдикции. И все же в современных геополитической обстановке следует ожидать существенного ослабления позиций ведущих юрисдикций по мере роста влияния и самостоятельности юрисдикции развивающихся стран. Уже сегодня привлекательность юрисдикций стран, пользующихся правовым авторитетом и экономической мощью, испытывает сильное давление. Например, даже в Великобритании начинают говорить о росте неудовлетворенности иностранных субъектов качеством функционирования английской юрисдикции [8]. В условиях Brexit эти голоса стали звучать еще громче, что может обуславливать возникновение экономического интереса к поиску альтернативных юрисдикций, пользующихся доверием и обладающих не меньшим юридическим потенциалом, чем английская. В этом контексте дополнительные перспективы возникают у судов европейских государств, прежде всего Франции, Бельгии, Швейцарии. В то же время между ними также возможна конкуренция за «клиентов», заинтересованных в решении своих споров.

Каждая страна старается сформировать свои рычаги и определить потенциально сильные стороны для продвижения своей юрисдикции. Например, для США подобными рычагами выступает экономическая мощь, доллар как ведущая мировая резервная валюта, участие в разветвленной системе военно-политических союзов. Для Великобритании — исторически сложившиеся традиции правовой системы и авторитет судебных институтов, разветвленная система юридического сопровождения. Для Франции — ключевая роль в политико-правовой системе Европейского Союза, высокое качество и традиции независимости судебной системы, расположение на французской территории либо в соседних государствах основных европейских и международных судебных институтов. Россия в актив своей юрисдикции может записать центральное место в системе политических и экономических взаимосвязей на постсоветском пространстве, развитую информационно-технологическую инфраструктуру. Этими плюсами России надлежит воспользоваться.

В рамках политики усиления и продвижения своей национальной юрисдикции России надлежит внимательно анализировать процессы конкуренции и взаимодействия судебных институтов государств Европы между собой, с общеевропейскими судебными органами, скрупулезно изучать методы «диалога судей». При этом видеть и анализировать методы и последствия конкуренции юрисдикций, например, между французской и британской в условиях Brexit. Также России надлежит всемерно поддерживать усиление влияния и авторитета суда Евразийского экономического союза, наладить механизмы сотрудничества при решении споров в области гражданского оборота, поддержки экономического сотрудничества стран ЕАЭС.

Список источников

1. Au carrefour des droits: mélanges en l'honneur de Louis Dubouis, Paris, Dalloz, 2002, 901 p.
2. Briggs A. *Civil Jurisdiction and Judgments*. Seventh edition. Routledge, 2021. 1924 p.
3. Hess. The Unsuitability of the Lugano Convention (2007) to Serve as a Bridge between the UK and the EU after Brexit (Max Planck Institute Luxembourg for Procedural Law Research Paper Series). No 2018 (2).
4. Варей-Сомьер П., Гетьман-Павлова И. В. Нарушение «сверхимперативных норм» как основание отказа в признании и использовании иностранных арбитражных решений (судебная практика Франции и России) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 1. С. 22–42.
5. O'Neil Sean. The Times (Великобритания). Русские переносят судебные баталии в Лондон. 2018. – 28 ноября. <https://www.thetimes.co.uk/article/russians-bring-battles-tolondon-sfdqpvx97?region=global>
6. Рыжов К. Б. Инкорпорация международных актов в российское законодательство и конкуренция юрисдикций // Мониторинг правоприменения. 2012. № 4. С. 30–46.
7. Жильцов А. Н., Корабельников Б. Р. Режим «стратегических инвестиций»: новеллы или коллизии? // Вестник гражданского права. 2009. № 4. С. 141–162.
8. French Christopher C. English Justice for an American Company? *Texas Law Revue Online*. 2018. № 97; *Penn State Law Research Paper*. No. 9-2018. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3198353>.

References

1. Au carrefour des droits: mélanges en l'honneur de Louis Dubouis, Paris, Dalloz, 2002, 901 p. (In Fran.)
2. Briggs A. *Civil Jurisdiction and Judgments*. Seventh edition. Routledge, 2021. 1924 p.
3. Hess. The Unsuitability of the Lugano Convention (2007) to Serve as a Bridge between the UK and the EU after Brexit. *Max Planck Institute Luxembourg for Procedural Law Research Paper Series*. 2018; (2).
4. Vareilles-Sommieres P., Getman-Pavlova I. Violating Super-imperative Norms as Grounds to Refuse the Recognition and Execution of Foreign Arbitrage Decisions (Judicial Practice of France and Russia *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki = Right. Journal of the Higher School of Economics*. 2015;(1):22–42. (In Russ.)
5. O'Neil Sean. Russians bringf battles to London. The Times. 2018. - November 28. <https://www.thetimes.co.uk/article/russians-bring-battles-tolondon-sfdqpvx97?region=global>
6. Ryzhov K. B. Incorporation of international instruments into the Russian legislation and the competition of jurisdictions. *Monitoring pravoprimerenija = Law enforcement monitoring*. 2012;(4):30–46. (In Russ.)
7. Zhiltsov A. N., Korabelnikov B. R. The regime of «strategic investments»: novels or collisions? *Vestnik grazhdanskogo prava = Bulletin of Civil Law*. 2009;(4):141–162. (In Russ.)
8. French Christopher C. English Justice for an American Company? *Texas Law Revue Online*. 2018. № 97; *Penn State Law Research Paper*. 2018. № 9. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3198353>.

Информация об авторе

В. И. Барциц – аспирант РАНХиГС.

Information about the author

V. I. Bartsits – Postgraduate Student of RANEPa.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest

Статья поступила в редакцию 18.01.2023; одобрена после рецензирования 20.02.2023; принята к публикации 21.02.2023.

The article was submitted 18.01.2023; approved after reviewing 20.02.2023; accepted for publication 21.02.2023.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 120–126
North Caucasus Legal Vestnik. 2023;(1):120–126

Проблемы уголовного и процессуального права

Научная статья
УДК 343.3+340.1
doi: 10.22394/2074-7306-2023-1-1-120-126

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ В ОБЫЧНОМ ПРАВЕ ДОНСКИХ КАЗАКОВ

Геннадий Геннадиевич Небрatenко¹, Евгений Валерьевич Безручко²

¹Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, gennady@nebratenko.ru

¹Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия

²Ростовский филиал Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия, bezrutschko@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются уголовно-правовые вопросы охраны жизни и здоровья человека как составной части истории уголовного права, сопряженной с теоретико-историческими правовыми науками. Авторы рассматривают виды и содержание противоправных деяний, выраженных в причинении вреда жизни и здоровью человека, криминализованных в обычном праве донских казаков. Использование обычаев для регулирования уголовно-правовых отношений является всеобщей практикой для раннефеодальных государств, таких как Древняя Русь, а также региональной – для Российской империи. В результате авторами делается вывод о широком использовании в становлении современного уголовного права историко-правовой методологии и о второстепенности юридической рецепции из иностранного законодательства. Одновременно обращается внимание на то, что история уголовного права в настоящее время считается составной частью уголовно-правовых наук.

Ключевые слова: преступления против жизни и здоровья, наказание за причинение вреда жизни, обычное право донских казаков, обычно-правовое регулирование, уголовно-правовые отношения, уголовно-правовая политика, законодательство Российской империи

Для цитирования: Небрatenко Г. Г., Безручко Е. В. Уголовно-правовая характеристика преступлений против жизни и здоровья в обычном праве донских казаков // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 120–126. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-1-120-126>

Problems of Criminal and Procedural law

Original article

CRIMINAL-LEGAL CHARACTERISTICS OF CRIMES AGAINST LIFE AND HEALTH IN COMMON LAW OF DON COSSACKS

Gennady G. Nebratenko¹, Evgeny V. Bezruchko²

¹South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, gennady@nebratenko.ru

¹Rostov Institute of Law of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russia

²Rostov Branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russia, bezrutschko@mail.ru

Abstract. The article examines the criminal law issues of protecting human life and health as an integral part of the history of criminal law, coupled with theoretical and historical legal sciences. The authors consider the types and content of illegal acts, expressed in causing harm to human life and health, criminalized in the customary law of the Don Cossacks. The use of customs to regulate criminal law

relations is a universal practice for early feudal states, such as Ancient Russia, as well as regional - for the Russian Empire. As a result, the authors conclude that historical and legal methodology is widely used in the formation of modern criminal law and that legal reception from foreign legislation is of secondary importance. At the same time, attention is drawn to the fact that the history of criminal law is currently considered an integral part of the criminal law sciences.

Keywords: crimes against life and health, punishment for causing harm to life, customary law of the Don Cossacks, customary legal regulation, criminal law relations, criminal law policy, legislation of the Russian Empire

For citation: Nebratenko G. G., Bezruchko E. V. Criminal-legal characteristics of crimes against life and health in common law of Don cossacks. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(1):120–126. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-120-126>

В российском законодательстве преступления против жизни и здоровья представлены в главе 16 раздела VIII Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, включая статьи со 105-й по 125-ю¹. Вошедшие в главу 16 «Преступления против жизни и здоровья» составы преступления стали результатом пролонгированного по времени нормотворчества, поскольку в действующем Уголовном кодексе также присутствуют статьи 110¹, 110², 116¹ и 124¹, появившиеся в результате внесения изменений в законодательство в рамках совершенствования уголовной политики Российской Федерации, выразившегося в дополнительной криминализации правонарушений. Однако отечественное уголовное право в какой-то мере представляется консервативной отраслью права, не ставшей продуктом юридической рецепции, например, «Уголовного кодекса Наполеона», принятого 12 февраля 1810 г. или иного зарубежного нормативного правового акта. Хотя в Своде Законов Российской империи можно обнаружить маркеры влияния «Уголовного кодекса Франции» 1810 г., поскольку этот памятник права, безусловно, оказал влияние на развитие системы уголовного законодательства многих государств романо-германской семьи права [1, с. 1598–1605].

В большей степени уголовное право является результатом эволюции отечественного законодательства, памятники которого со времени появления «Русской правды» великого князя Ярослава Мудрого включали уголовно-правовые нормы и принципы, сообразные существовавшей общественно-политической формации. В этом смысле следует придерживаться научной позиции о самодостаточности российского права, как в прошлом, так и в настоящем, указывающей на правовой суверенитет Российской Федерации, формировавшийся на протяжении тысячелетия.

Россия никогда не нуждалась в «колониальных кодексах», заимствованных из «метрополий», хотя в период правления Петра I законодатель широко использовал достижения юридической техники иностранных государств, в первую очередь поверженного Шведского королевства, которое на рубеже XVII-XVIII вв. имело просвещенное для своего времени законодательство. Поэтому наименование отрасли «уголовное право» очевидно состоит из русских слов, не определяясь как «криминальное право», в отличие, например, от криминологической науки, изначально заимствованной из-за границы [2, с. 144–145].

В то же время нормативный правовой акт как источник уголовного права не является единственной и тем более первой формой права, в которую облекались криминализированные государством общественно опасные, виновные и противоправные деяния-преступления. Даже в ветхозаветных библейских заповедях пророка Моисея едва ли можно найти первоисточник уголовно-правовых предписаний, хотя заповеди, безусловно, оставили неизгладимый след в уголовно-правовых системах многих современных государств так или иначе связанных с иудаизмом, христианством или исламом [3, с. 470–483].

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022).

Очевидно, что зарождение уголовного права изначально было сопряжено с применением обычного права, источником которого в первую очередь стали обычаи, административные и судебные прецеденты потестарной власти, а также нормативные договоры. Последние, заключенные в 907, 911, 944, 971 гг. от имени Древней Руси с Византией, считаются первыми достоверным письменными памятниками права России. Эти договоры, между прочим, содержат и уголовно-правовые нормы, а также упоминания об обычаях, но главным является ссылка на «Закон русский», возникший до появления договоров с Византией [4, с. 25, 29], и этот «Закон» основывался на славянском обычном праве, содержание которого, естественно, не зафиксировано, поскольку оно было вербализованным. Юридическая сила обычного права в раннегосударственный период заключалась в его общеобязательности, воспроизводимой вербальным бесписьменным образом, позволяя фиксировать в «народной памяти» уголовно-правовые предписания среди лиц, не обязательно обученных грамоте, а также представителями различных этнических и языковых групп, например, финно-угорских или тюркских. Обычаи были просты для понимания, запоминания и последующего воспроизводства, их исполнение сопровождалось совершением символических, порою, ритуальных действий, так или иначе сопряженных с местными обыкновениями.

Укрепление великокняжеской власти династии Рюриковичей, а затем удельной власти в Древней Руси в домонгольский период, способствовало исключению уголовно-правовых норм из обычно-правовых отношений, в первую очередь в городах, но не в сельской местности, где обычное право до утверждения крепостного права продолжало применяться. Доступ к «законному правосудию» ограничивался логистическими причинами: удаленностью от чиновников, неразвитостью путей сообщения или невысокой грамотностью населения.

Особняком в истории укоренения законных начал уголовного судопроизводства в Российском государстве стояло казачество, не познавшее крепостного права, сохранившее общинное устройство до установления советской власти, а также самобытные органы управления, которые, на практике привлекались к урегулированию уголовно-правовых отношений на основе местных обычаев, часть из них получили нормативное закрепление, став правовыми. Казачьи обычаи, по сути, мало отличались от обычаев русской крестьянской общины до помещичьего закрепощения ее жителей, но и обычаи местного самоуправления казачества были заимствованы при возрождении крестьянской общины, связанном с отменой крепостного права императором Александром II. Таким образом, в нормативно-регулятивном плане казачье обычное право стало частью русской правовой культуры.

Самым многочисленным и древним по старшинству в Российском государстве было Донское казачье войско, о котором сохранилось множество письменных упоминаний, относящихся к различным историческим периодам. Среди них представляют ценность для гуманитарных наук документы Посольского приказа Русского царства, обобщенные в рамках архивных фондов «Донские дела» [5, с. 517–529]. Изучение разнородных источников и свидетельств о практике регулирования уголовно-правовых отношений в досоветский период позволяет обобщить объективные данные о ее содержании, базирующейся на «казачьем обычае», что представляет собой вклад в изучение истории российской уголовно-правовой науки. Одновременно с этим происходит выявление и обобщение знаний о юридическом менталитете и правовой культуре казачества как составной части многонационального русского народа, нередко основываясь на проведении правовой реконструкции [6, с. 15–20].

В этом смысле является небезынтересным тот факт, что в обычаях казачества жизнь и здоровье человека не считалось безусловно аксиологичным, поскольку в правосознании казаков доминировали публичные начала, и в первую очередь охране подлежали интересы всей казачьей общины, а «ценность» того или иного индивида определялась заслугами перед коллективом. Казачьи войска располагались на пограничье, и отправляемая служба была связана с постоянным противоборством преимущественно с тюркскими государствами и народами, в первую очередь Оттоманской Портой и Крымским ханством. Войны и боевые стычки

приводили к потерям среди казаков, нивелируя в общественном сознании ценность человеческой жизни, особо, если она положена ради общего дела, тем более здоровье, при этом важным считалось сохранение «казацкого рода».

Другим следствием «военного быта» казачества стало поголовное вооружение мужского населения, предоставлявшее возможность самозащиты от преступных посягательств, что весомо ограничивало количество преступлений против жизни и здоровья. Одновременно этот факт указывал на отсутствие монополии государства на применение принуждения, в настоящее время считающейся основополагающим этатическим признаком. Тем не менее, преступления против жизни и здоровья встречались, и в основном были выражены в совершении следующих деяний: «злодейское убийство»; «нечаянное причинение смерти»; «нанесение увечий»; «побои»; «сокрытие заболевания человека заразной болезнью» [7, с. 153].

Обычно-правовая дефиниция «злодейского убийства» (смертоубийства), по смыслу тождественная статье 105 УК РФ, но с учетом доминирования среди казачества религиозного типа мировоззрения, в отличие от современного – научного, криминализация искомого правонарушения предопределялась «Шестой заповедью», дарованной пророку Моисею (не убивай). При этом умышленное причинение смерти не читалось «церковным преступлением», в том числе из-за сложившейся в среде казачества «терпимости к смерти». Однако в этом смысле безусловной криминализации подлежало «междоусобное убийство», то есть совершенное внутри общины (между собой). Убийство же, например, пленного (ясыря – по-тюркски) не считалось «злодейством», поскольку он по казачьим обычаям считался «объектом имущественных прав», используемым для продажи или обмена на плененных казаков.

С укоренением на Дону классического семейного быта, выраженного в широком распространении в XVIII столетии патриархальных семей, объединявших два-три поколения родственников, многие убийства совершались на бытовой почве по мотиву личной неприязни, ненависти и безудержного отвращения. Поэтому даже в XIX столетии, когда убийство квалифицировалось по российским законам, оно встречалось крайне редко, исключая случаи, когда супруг умышленно лишал жизни супругу или наоборот. Раскрытие и расследование таких преступлений не составляло особого труда, мотивом совершения которых нередко становилось чувство мести по отношению к прелюбодеям [8, с. 64].

Наиболее распространенным наказанием за совершение «злодейского убийства» являлась смертная казнь, к которой приговаривали в походе с немедленным приведением в исполнение, если деяние совершалось за пределами Войска Донского. Если же преступление совершалось на территории Донского края, то виновных из казачьих городков отправляли под караулом в «Главное войско», то есть административный центр (Раздоры, Монастырский городок, Азов или Черкасск). В случае вынесения Войсковым кругом приговора в виде смертной казни осужденных по обыкновению топили в Дону (в куль да в воду) или расстреливали из пищалей, реже обезглавливали «войсковой саблей». При этом процедура исполнения наказания в обычном праве носила вариативный характер, поэтому допускались более изощренные формы, когда, например, виновного хоронили живьем рядом с трупом потерпевшего [8, с. 124].

Впрочем, «злодейское убийство» не обязательно приводило к вынесению смертной казни, и осужденного при наличии смягчающих вину обстоятельств признавали «вне закона», то есть обрекали на изгнание из казачьей общины (лишали суда и расправы) или «подтапливали в Дону», не топили, вынимая из воды еще до наступления смерти. Однако на рубеже XVIII-XIX вв. такие дела стали рассматривать по «общероссийскому уголовному праву», особо, если они касались казаков, поголовно состоящих в очереди несение воинской службы. Поэтому сокрытие факта смерти было практически невозможным, исключая «маскировку» под несчастный случай.

Между тем не каждый факт смерти является результатом совершения умышленных действий, и статья 109 Уголовного кодекса Российской Федерации «Причинение смерти по неосторожности» разграничивает соответствующее деяние с убийством. Аналогичное разграничение

составов преступлений прослеживалось в обычном праве, в котором смерть человека, наступившая в результате бытовой драки или нанесения побоев, различного вреда здоровью или увечий, когда у виновного не было умысла на убийство потерпевшего, признавалось криминальным, но вынесенное наказание отличалось большей мягкостью, чем за тождественные последствия, наступившие в результате убийства. У донских казаков такое деяние считалось «нечаянным причинением смерти» или «нечаянным смертоубийством», и в связи с тем, что виды и тяжесть наказания, выносимые по обычаям, имели казусный характер, виновный мог быть как казнен, так и освобожден от наказания, смотря по обстоятельствам дела, оцениваемым в Войсковом круге. Скажем, при отправлении самосуда в отношении лиц, приговоренных к наказанию в виде «лишения суда и расправы», их непреднамеренная смерть не порождала уголовного преследования. В иных случаях и сам виновный в «нечаянном смертоубийстве» мог быть наказан «лишением суда и расправы», битьем дубинами, позорным «выставлением у якоря», заковыванием в кандалы, лишением чина, внеочередной службой или заключением в острог [8, с. 125].

В то же время распространенным преступлением против здоровья человека являлось «нанесение увечий» и «побоев». В связи с отсутствием четкого представления о степени тяжести вреда здоровью, нанесенного потерпевшему, эти деяния разграничивались между собой как приводившие к невозможности полноценного восстановления здоровья и соответственно восстанавливаемые человеческим организмом последствия физического воздействия преступника. В тоже время нанесение увечий могло возникнуть как в результате умышленных действий, имеющей целью их наступление, так и в результате неосторожности виновного. Примерами увечий являлось отсечение различных конечностей, лишение глаза, языка или ушей, а также обезображивание лица, различные переломы костных тканей, приводившие, например, к повреждению опорно-двигательной подвижности [9, с. 40-43]. Такого рода последствия не приводили к гибели потерпевшего, возникали в результате воздействия холодного или огнестрельного оружия, ударов дубинами, оглоблями или поленьями.

Наказание за нанесение увечий и побоев было вариативным, было более жестким, если потерпевший являлся природным казаком, тем более старшиной, пользовавшимся всеобщим уважением, поскольку увечья, ограничивавшие его физические возможности, были получены не на службе, а в результате преступного посягательства. Если физическое воздействие на потерпевшего не приводило к невозможному вреду здоровью, то противоправные действия виновного признавались побоями. Этот вид преступления, представленный в рамках статьи 116 Уголовного кодекса Российской Федерации, в обычном праве донских казаков именовался «кладень», заключааясь в умышленном причинении вреда здоровью, повлекшем его кратковременное расстройство. Выражался «кладень» в избиении потерпевшего, ударах кулаками, ногами, плеткой, результатом чего становились синяки, ссадины, кровоподтеки и неглубокие порезы, прочие незначительные физические повреждения. Поскольку данное правонарушение не являлось особо тяжким, то за его совершение виновные наказывались общественным порицанием с последующим взятием на поруки (или без порук), штрафом, домашним арестом, обязательными работами, при этом оставался высоким уровень латентности данного деяния.

Наконец последним преступлением против жизни и здоровья, криминализированным в обычном праве казаков, являлось «сокрытие заболевания человека заразной болезнью», наказание за которое со временем трансформировалось в правовой обычай, закрепленный нормативно. Согласно § 53 главы 2-го раздела «Об управлении казачьими станицами Войска Донского» Приложения к наказу гражданскому управлению Донского Войска от 26 июня 1835 г. урядники и казаки, не объявившие станичному правлению о своем тяжелом недуге и заразившие других, «подвергались неотложному суду станичного сбора и наказанию». О наказании офицеров, «подобное зло скрывавших в домах своих», ничего не говорилось, впрочем, им предписывалось немедленно докладывать в окружное сыскное начальство, уповая на их сознательность¹.

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 10. № 8163.

Похожие составы преступления в Уголовном кодексе Российской Федерации представлены в рамках статьи 121 «Заражение венерической болезнью» и в статье 122 «Заражение ВИЧ-инфекцией». У донских казаков данное общественно опасное деяние представляло собой сокрытие факта заболевания «повальной или прилипчивой болезнью», поразившей больного человека и представляющей угрозу для здоровых прочих людей. Ответственность за данное деяние возлагалась на всех лиц, нарушавших противоэпидемиологические правила, если от бездействия виновных наступили тяжкие последствия в виде заражения «проказой или другой прилипчивой болезнью»¹.

Таким образом, в обычном праве донских казаков криминализировался ряд общественно опасных противоправных виновных деяний против жизни и здоровья, перечень которых не был столь обширен как в современном Уголовном кодексе Российской Федерации. Применение обычного права для регулирования уголовно-правовых отношений не является экстраординарным фактом в условиях доиндустриального традиционного общества, встречаясь как в прочих регионах Российской империи, так и за рубежом в доиндустриальный период (в традиционном государстве).

Правовое положение казачества в рамках Российской империи было специфичным, поэтому на территории Войска Донского в XVIII столетии допускалось применение уголовного наказания по обычаям, причем в XIX в. некоторые из них трансформировались в нормативно-правовую форму. Впрочем, либеральные реформы Александра II приблизили правовой статус региона к положению губернии, и это обстоятельство, наряду с принятием Судебных уставов 1864 г., окончательно унифицировало практику правового регулирования уголовно-правовых отношений.

Список источников

1. Хижняк Я. А. Вклад Наполеона в развитие правовой системы Франции и других европейских государств XIX века // Синергия Наук. 2018. № 22. С. 1598–1605.
2. Иванов А. А. Основной вопрос криминологии: взгляд сквозь призму истории // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2017. № 4. С. 139–155.
3. Беспалько В. Г. Уголовно-правовое значение ветхозаветных Десяти заповедей // Вопросы правоведения. 2013. № 3 (19). С. 470–483.
4. Глушаченко С. Б. Обычное право в договоре между Русью и Византией 911 г // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 2. С. 20–31.
5. Флягина М. В. О составе диалектной лексики в сборнике «Донские дела» // Лексический атлас русских народных говоров. СПб., 2015. С. 517–529.
6. Шатковская Т. В. Опыт реконструкции правовых традиций русского народа на основе актов российского государства периода империи // Северо-Кавказский юридический вестник. 2013. № 4. С. 15–20.
7. Неврятенко Г. Г. История древнего казачьего права: Ч. 1. Ростов н/Д., 2018. 244 с.
8. Неврятенко Г. Г. Преступление и наказание в обычном праве донских казаков. Ростов н/Д., 2015. 200 с.
9. Безручко Е. В. Потеря зрения, речи, слуха, потеря какого-либо органа либо утрата органом его функций как основные признаки тяжкого вреда здоровью // Юрист-Правоведъ. 2012. № 3. С. 40–43.

References

1. Khizhnyak Ya. A. Napoleon's contribution to the development of the legal system of France and other European states in the XIX century. *Sinergiya Nauk = Synergy of Sciences*. 2018;(22):1598–1605. (In Russ.)

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 10. № 8163.

2. Ivanov A.A. The main question of criminology: a look through the prism of history. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya = Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence*. 2017;(4):139–155. (In Russ.)
3. Bepalko V. G. The criminal-legal meaning of the Old Testament Ten Commandments. *Voprosy pravovedeniya = Questions of jurisprudence*. 2013;3(19):470–483. (In Russ.)
4. Glushachenko S. B. Customary law in the contract between Russia and Byzantium 911. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal = Leningrad Law Journal*. 2018;(2):20–31. (In Russ.)
5. Flyagina M.V. About the composition of dialect vocabulary in the collection "Don affairs". In: *Lexical atlas of Russian folk dialects*. St. Petersburg; 2015:517–529. (In Russ.)
6. Shatkovskaya T. V. Experience of reconstruction of legal traditions of the Russian people on the basis of acts of the Russian state of the Empire period. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2013;(4):15–20. (In Russ.)
7. Nebratenko G. G. *History of ancient Cossack law*. Rostov-on-Don; 2018. 244 p. (In Russ.)
8. Nebratenko G. G. *Crime and punishment in the customary law of the Don Cossacks*. Rostov-on-Don; 2015. 200 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Г. Г. Небрatenko – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права ЮРИУ РАНХиГС; профессор кафедры теории государства и права РЮИ МВД России.

Е. В. Безручко – доктор юридических наук, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Ростовского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации.

Information about the authors

G. G. Nebratenko – Doctor of Law, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPa; Professor of the Department of Theory of State and Law of Rostov Institute of Law of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

E. V. Bezruchko – Doctor of Law, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of Rostov Branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.02.2023; одобрена после рецензирования 21.02.2023; принята к публикации 22.02.2023.

The article was submitted 07.02.2023; approved after reviewing 21.02.2023; accepted for publication 22.02.2023.

УГОЛОВНАЯ НЕОДНОКРАТНОСТЬ: ОТРИЦАНИЕ ОТРИЦАНИЯ

Олег Владимирович Куликов

Дальневосточный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Хабаровск, Россия, kulikov-ov@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9521-9715>

Аннотация. Статья посвящена институту неоднократности преступлений, традиционному для российского уголовного права, эффективному, но однажды исключенному из уголовного закона. Определенное время уголовная неоднократность существовала только как научная категория. В Общей части уголовного закона упомянуты лишь отдельные признаки неоднократности, но ее дефиниция отсутствует, как и правовое регулирование. Необходимость усиления противодействия уголовно-правовыми средствами отдельным видам преступлений способствовала началу процесса возвращения норм с признаком неоднократности в Особенную часть Уголовного кодекса России. Тенденция к росту количества таких норм в перспективе потребует выработки соответствующих общих положений.

В статье раскрывается причинная обусловленность возвращения в полноценном виде института неоднократности в уголовный закон, предлагается возможный вариант решения этого вопроса.

Ключевые слова: неоднократность, множественность, повторность, административная преюдиция, аналогичное преступление, ранее судимое лицо, специальный рецидив

Для цитирования: Куликов О. В. Уголовная неоднократность: отрицание отрицания // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 127–135. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-1-127-135>

Problems of Criminal and Procedural law

Original article

CRIMINAL REPETITION: DENIAL OF DENIAL

Oleg V. Kulikov

Far-East Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Khabarovsk, Russia, kulikov-ov@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9521-9715>

Abstract. The article is devoted to the institution of repeated crimes, traditional for Russian criminal law, effective, but excluded at one time from the criminal law. For a certain time, criminal repetition existed only as a scientific category. In the General part of the Criminal law, only certain signs of repetition are mentioned, but there is no definition of it, as well as legal regulation. The need to strengthen counteraction by criminal legal means to certain types of crimes contributed to the beginning of the process of returning norms with a sign of repetition to a Special part of the Criminal Code of Russia. The tendency to expand and increase the number of such norms in the future will require the development of appropriate general provisions. The causal conditionality of the full-fledged return of the institution of repetition to the criminal law is revealed, a possible solution to this issue is proposed.

Keywords: multiplicity, repetition, administrative prejudice, a similar crime, a previously convicted person, special relapse

For citation: Kulikov O. V. Criminal repetition: denial of denial. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(1):127–135. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-1-127-135>

В апреле 2021 года Конституционным Судом России¹ была признана частично не соответствующей основному закону страны статья 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), которой предусматривалась уголовная ответственность за побои для лиц, ранее привлеченных к ответственности за аналогичное административное правонарушение. Особого всплеска интереса данный факт не вызвал. Однако за вроде бы ординарным событием скрывается вопрос, решаемый, но не разрешенный окончательно в уголовном праве России уже без малого два десятилетия.

Речь идет об уголовной неоднократности как форме множественности преступлений. Вопрос достаточно хорошо изучен: простое перечисление посвященных ему исследований займет не одну страницу. Несмотря на это, интерес к нему не пропадает: научная электронная библиотека elibrary.ru по соответствующему запросу выдает несколько сотен релевантных публикаций.

Однако высокая степень разработанности явлений неоднократности в частности и множественности в целом не свидетельствует о наличии консолидированного подхода к их определению и классификации. Показательно, например, исследование Агаева И. Б., в котором приведены не противоположные, но различающиеся мнения ряда известных отечественных правоведов насчет множественности и повторности преступлений [1, с. 43, 106].

Общим является понимание того, что уголовная неоднократность состоит в совершении преступления лицом, ранее совершившим схожее деяние, за которое сохраняются уголовно-правовые последствия.

Похоже, что данный подход принят за основу законодателем. Во всех новых нормах с неоднократностью, введенных в уголовный закон в последнее десятилетие, данный квалифицирующий признак сконструирован как совершение нового преступления лицом, имеющим судимость за тождественное либо аналогичное по направленности деяние.

Статья 16 «Неоднократность преступлений» просуществовала в Общей части УК РФ с момента его принятия в 1996 г. и до конца 2003 г., а затем была из него исключена² по весьма спорным основаниям [2, с. 180]. Их сущность сводилась, во-первых к тому, что осуждение за деяния, совершенные неоднократно, противоречит принципу *non bis in idem*, усиливая ответственность, а во-вторых, имеется дублирование такой формы повторности преступлений, как рецидив [2, с. 181; 3, с. 12; 4, с. 186].

Формулировались и иные претензии, например, о несправедливости применения нормы с неоднократностью при осуждении за деяния, не отличающиеся большой общественной опасностью [5, с. 131].

Недостатки существовавшей правовой конструкции, вполне поддающиеся корректровке и требующие ее, довольно системно раскрыты профессором Бытко Ю. И. [6, с. 24].

Примечательно, что упразднение рассматриваемого института произошло несмотря на признание Постановлением Конституционного Суда России от 19.03.2003 № 3-П³ не противоречащими (с отдельными оговорками) основному закону соответствующих норм закона уголовного. В судебном постановлении было указано на возможность конкретизировать правовое регулирование вопроса.

---

¹ По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л. Ф. Саковой: Постан. Констит. Суда РФ от 08.04.2021 № 11-П // Официальный интернет-портал правовой информации. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/00012021041200093> (дата обращения 03.01.2023).

² Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 07.04.2003. № 14. ст. 1302.

³ «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1 - 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства РФ. 07.04.2003. № 14. ст. 1302.

Законодатель же в декабре 2003 года на волне либерализации уголовного законодательства разрешил комплекс связанных с неоднократностью правовых проблем самым простым путем, взяв и исключив из ее уголовного закона¹.

Спустя всего семь месяцев² данная форма множественности преступлений как бы вернулась в Общую часть УК РФ. В статью 17 УК РФ «Совокупность преступлений» была включена формулировка-исключение. Из ее смысла следует, что отдельные случаи совокупности в случаях, предусмотренных статьями Особенной части УК РФ, могут составлять неоднократность (хотя это слово не называется). Под эти случаи сейчас подходят только две статьи УК РФ – 154 и 180 (об этом далее).

Как таковой нормы о неоднократности в уголовном законе не было. Однако подход «нет нормы – нет проблемы» не сработал.

Время подтвердило значение и востребованность неоднократности, которую в ряде случаев обойти не представляется возможным. В Особенной части УК РФ одна за одной начали появляться нормы с уголовной неоднократностью.

В итоге по состоянию на 01.01.2023 в УК РФ имеется целый ряд составов с таким признаком. К ним относятся:

- нанесение побоев лицом, имеющим судимость за преступление, совершенное с применением насилия (часть 2 статьи 116.1);
- все преступления против половой неприкосновенности и половой свободы – в соответствующих пунктах и частях статей 131 – 135 главы 18 неоднократность введена как квалифицирующий признак;
- незаконное усыновление (статья 154 УК РФ);
- неправомерное использование средств индивидуализации товаров, работ, услуг (три части статьи 180);
- мелкий коммерческий подкуп, когда деликвент судим за совершение подобных коррупционных преступлений (часть 2 статьи 204.2);
- повторное управление транспортными средствами в состоянии опьянения (часть 2 статьи 264.1);
- опасные повторные нарушения правил дорожного движения водителем, имеющим судимость за аналогичное преступление (часть 2 статьи 264.2);
- повторное управление механическим транспортным средством лицом, лишенным такого права (часть 2 статьи 264.3);
- участие в деятельности нежелательной организации судимым за аналогичное преступление лицом (часть 1 статьи 284.1);
- мелкое взяточничество при наличии судимости за связанные со взяточничеством преступления (часть 2 ст. 291.2 УК РФ).

Из названных преступлений абсолютное большинство составов (исключение – статьи 154 и 180 УК РФ) были введены в уголовный закон в 2012 – 2022 годах.

В условиях отсутствия в Общей части УК РФ неоднократности как категории сложилась ситуация, когда общее понятие явления приходится определять из квалифицирующих признаков норм о конкретных преступлениях.

Обращает внимание то, что в приведенном списке имеются преступления различной степени тяжести, то есть данный критерий не является определяющим для установления неоднократности.

Давно существующие статьи 154 и 180 УК РФ стоило бы конкретизировать, иначе возникает дилемма: административное (статьи 5.37 и 14.10 КоАП РФ соответственно) или все же

¹ Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 15.12.2003. № 50. Ст. 4848.

² Федеральный закон от 21.07.2004 № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 26.07.2004. № 30. Ст. 3091.

уголовное предикатное деяние необходимо для установления признака неоднократности [7, с. 82; 8, с. 84; 9, с. 44]. Вопрос достоин отдельного исследования и в рамках данной статьи лишь обозначен. Интерес к нему проявляют множество авторов, перечень публикаций и исследований весьма обширен. Примечательно, что применительно к статье 180 УК РФ однозначного ответа нет даже в «предметном» постановлении Пленума Верховного Суда России¹.

Главной причиной возвращения уголовной неоднократности стала настоятельная необходимость усиления охранительных свойств ряда норм УК РФ. Примеры по преступлениям лиц с отклонением сексуальных предпочтений (педофилов) являются характерными.

Так, в статьях 131 и 132 УК РФ повышенный размер наказаний для таких лиц – вплоть до лишения свободы пожизненно – мог быть реализован только через введение специальных норм (пункты «а» частей пятых этих статей) о неоднократности. В их отсутствие применение общей нормы о рецидиве практически ничего не решало бы в вопросе о размере наказания, ограничивая лишь его нижний предел, а само наказание по пунктам «б» частей четвертых данных статей (где идет речь о малолетних потерпевших) существенно более мягкое.

Безотносительно данного примера следует обратить внимание на одно заметное, уникальное и значимое свойство природы уголовной преюдиции.

Таковая в целом более привязана к личности лица с устойчивым преступным поведением, чем собственно к деянию [10, с. 75]. Факт повторения деяний как нельзя лучше характеризует личность человека, чьи неслучайные поступки показывают склонность к преступной деятельности, несмотря на ранее принимавшиеся меры уголовной ответственности [6, с. 26].

Иные формы множественности преступлений такового выраженного свойства не имеют. Теперь к выводам.

В апрельском постановлении Конституционного Суда России, касающемся частного вопроса – уголовных дел о так называемом бытовом насилии, рассматривался вопрос неоднократности, а вернее – ее необоснованного отсутствия там, где она требуется по духу закона.

Правительство России, исполняя указание названного суда, взялось восполнить выявленный пробел и в октябре 2021 года внесло в Государственную Думу России соответствующий законопроект², в котором было предложено решение частного вопроса, но не всей правовой проблемы. Отчасти поэтому стал неудивителен отрицательный отзыв на законопроект, данный другой высшей судебной инстанцией – Верховным Судом России, хотя и печально, что доводов о необходимости разрешить вопрос комплексно в этом отзыве не имелось³. Результатом законотворческой процедуры стало изменение в июне 2022 г. названия статьи 116.1 УК РФ и дополнение ее частью второй с признаком уголовной неоднократности⁴.

Ясным во всей этой истории становится то, что поспешно исключенный в свое время институт неоднократности со всей очевидностью требует своего «восстановления в правах», а именно переосмысления, доработки и возвращения в уголовный закон в целом, а не фрагментарном виде.

Ключевой вопрос, конечно же – зачем?

Касаемо Особенной части УК РФ ответ есть и он очевиден – это усиление, кумуляция охранительных свойств соответствующих норм, а также противодействие устоявшемуся преступному поведению конкретного лица (об этом говорилось выше).

¹ См. пункт 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 7. 2007.

² Электронный ресурс Система обеспечения законодательной деятельности. <https://sozd.duma.gov.ru/bill/536-8>.

³ Там же в составе пакета документов.

⁴ Федеральный закон от 28.06.2022 № 203-ФЗ «О внесении изменений в статью 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 28.06.2022. Номер опубликования: 0001202206280030.

В правовой науке на этот счет уже давно имелись аргументированные позиции. Ввиду того, что они во многом начали воплощаться в нормы уголовного закона, повторять их здесь нет резона. Стоит отметить, что весьма системно соответствующие доводы были сформулированы профессором Бойко А. И. в 2006 г. в статье «Верните неоднократность» [3, с. 13]. Несмотря на прошествие 17 лет их актуальность во многом не утрачена. Схожие мнения можно встретить и в более современных публикациях.

В отношении Общей части УК РФ однозначный ответ сформулировать сложнее, но, так или иначе, придется.

Этот момент находится в своеобразной тени и причинная обусловленность, как правило, находится «за кадром» разного рода исследований, причем как современных, так и более ранних (представляется, что в советский и ранний постсоветский периоды наличие общей нормы воспринималось как данность и ее детерминация подробно не раскрывалась).

Тем не менее, разработки на этот счет не прекращаются, вопрос вызывает интерес и у нового поколения правоведов [11, с. 41].

Законодатель постепенно и точно добавляет в статьи Особенной части уголовного закона нормы с неоднократностью конкретного содержания, то есть с детализированной привязкой к определенному виду предикатных деяний. Более обобщенная формулировка категории предшествующих преступлений сейчас содержится лишь в части 2 статьи 116.1 УК РФ.

Пока количество норм с неоднократностью не велико, такой подход уместен: на данном этапе это проще, чем пытаться вывести «интеграл» для его закрепления в Общей части.

Однако количество неизбежно потребует перехода в качество. Уместно сослаться на приведенную (хотя и в несколько ином контексте) признанным исследователем рассматриваемого правового феномена В.П. Малковым в книге «Повторность преступлений» ленинскую цитату «кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя наткнуться на эти общие вопросы» [12, с. 16].

Очевидно, что по мере роста числа деяний с рассматриваемым признаком выработать «единый знаменатель» все же придется.

Это будет противодействовать констатируемому правоведами [13, с. 46] разрыву связи между Общей и Особенной частями уголовного закона¹.

В аспекте исследуемой темы такой разрыв очевиден: регулирование неоднократности в целом пробельно, сквозная регламентация квалифицирующих признаков в Общей и Особенной частях УК РФ отсутствует. Формулировка части 1 статьи 17 УК РФ корреспондирует лишь с устаревшими конструкциями статей 154 и 180 УК РФ, поскольку регламентирует только те случаи, когда ни за одно из преступлений, составляющих множественность, лицо не было осуждено.

Закрепление в нормах Общей части УК РФ категории неоднократности позволит обеспечить единообразное правоприменение, да и само конструирование новых норм Особенной части с таким квалифицирующим признаком станет проще – в ряде случаев в диспозиции достаточно будет введение отсылочного обозначения «совершенное неоднократно».

Иллюстративно будет привести мнение Мирошниченко Д.В. о том, что возводимые конструкции неоднократности, не являясь в полном смысле рецидивом, применяются как вспомогательное средство криминализации без каких-либо внутренних нормативных правил такого использования. Единственным основанием их применения являются сугубо формальный и социальный критерии [10, с. 73].

При разработке законопроекта, очевидно, придется разрешать многие вопросы, лежащие сейчас в теоретической плоскости. Например, может ли образовывать неоднократность сочетание умышленного и неосторожного преступлений – отнюдь не абстрактный вопрос в условиях современного развития уголовного права как отрасли и науки.

¹ Известна, например, коллизия между статьями 32 и 263.1 (частями 3 и 4) УК РФ. Согласно норме Общей части соучастие возможно только в умышленном преступлении, тогда как названной нормой Особенной части фактически предусматривается ответственность за соучастие в неосторожном деянии.

Для квалификации деяния по статье 264.2 УК РФ сейчас неважно, умышленно или по неосторожности совершено водителем «финальное» (третье по счету) превышение скорости или состоялся выезд на встречную полосу либо трамвайные пути. Можно вспомнить и про то, что один и тот же состав экологического преступления (неоднократность, правда, там пока отсутствует) может быть квалифицирован в зависимости от обстоятельств дела как умышленное либо как неосторожное преступление¹. В известной монографии авторитетного коллектива признанных исследователей уголовного права поднимается вопрос о том, должна ли образовывать рецидив повторность неосторожных преступлений [14, с. 37].

А справедливо ли отсутствие правила, позволяющего не учитывать для установления неоднократности судимость за преступление, совершенное лицом в несовершеннолетнем возрасте? Пока этот вопрос не находит ответа.

Имеется еще один немаловажный аспект.

Уголовному праву, как ни одной другой отрасли, необходимо избегать современной тенденции на неоправданно многословное и сложное конструирование норм², вызывающее непонимание их сути³ неспециалистами и перманентно требующее легального либо доктринального толкования.

Примечательно, но не радостно то, что правоведы оперируют теперь таким понятием как интегральный индекс сложности законов [15, с. 7], отмечая низкий уровень возможности их восприятия.

Между тем, противодействие преступности и преодоление правового нигилизма силой уголовного закона состоит, в числе прочего, в ясном и конкретном изложении как запрещаемых деяний, так и общих норм, влияющих на их квалификацию.

Нельзя не согласиться с мнением профессора Ситниковой А.И. о том, что прагматизм текста уголовного закона заключается в способности уголовно-правовых предписаний регулировать общественные отношения в направлении, заданном законодателем для достижения практически полезных результатов [16, с. 112]. Доходчивая «трансляция» уголовно-правовых запретов, несомненно, может превентивно влиять на правосознание граждан.

Возможно, потребуется и пересмотр, конкретизация используемых в науке и законе понятий.

Еще в 1986 г. Бахрах Д. Н., дихотомично разделив множественность преступлений на совокупность и рецидив, предложил введение, среди прочих видов, категории одноотраслевого однородного (однообъектного) рецидива (специального рецидива) [17, с. 69].

Термин «специальный рецидив» применительно к преступлениям с уголовной преюдицией используют Кудрявцев В. Н. [18, Т. 1. С. 471], Иванчин А. В. [19, Т. 15. С. 377], а также другие правоведы. Вообще смысл, содержание и значение термина «рецидив» очень широки, но в уголовном законе он закреплен в неоправданно урезанном значении: например, исследование рецидивной преступности несовершеннолетних с точки зрения науки допустимо, тогда как пункт «б» части 4 статьи 18 УК РФ повторные преступные проявления несовершеннолетних рецидивом не признает.

Предлагаемые изменения в нормативном регулировании могли бы выглядеть следующим образом.

¹ См. пункт 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 12. 2012.

² Громоздкие формулировки действующих законов затрудняют их выполнение и порождают недоверие к ним. Национальный исследовательский университет Высшей школы экономики. <https://www.hse.ru/news/expertise/396493711.html> (дата обращения 04.01.2023).

³ Качество законодательства и проблемы юридической техники. Материалы семинара, проведенного Государственной Думой Российской Федерации 15.10.2015 <http://duma.gov.ru/media/files/moj5MpBAPyY1QWRYL6OSREdIlgN6EcaP.pdf> (дата обращения 04.01.2023).

В части 1 статьи 17 УК РФ часть предложения, начинающуюся со слов «..., за исключением случаев, когда...» необходимо исключить, поставив точку.

Целесообразно ввести статью 18.1 «Неоднократность преступлений», содержащую части следующего содержания:

«1. Неоднократностью преступлений (уголовной неоднократностью) признается совершение умышленного либо неосторожного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление аналогичной направленности.

2. Неоднократность преступлений может быть установлена в статьях Особенной части настоящего Кодекса в качестве признака соответствующего преступления. В иных случаях неоднократность преступлений является обстоятельством, отягчающим наказание».

Введение понятия «аналогичной направленности» будет означать появление еще одной оценочной категории (таковых в уголовном праве достаточно много, они довольно разноплановы и обеспечивают гибкость правоприменения) для тех случаев, когда неоднократность не интегрирована в нормы Особенной части УК РФ.

Перечень обстоятельств, отягчающих наказание, соответственно дополнится. В части 1 статьи 63 УК РФ потребуются введение пункта а.1 «неоднократность преступлений».

Статьи 154 и 180 УК РФ следует перевести в разряд норм с административной преюдицией, введя к ним соответствующие примечания (как у остальных таких норм в уголовном законе).

Естественно, что вышеуказанные предложения небесспорны.

В завершение следует заметить, что в современной уголовной политике заметными и привычными становятся вынужденные реверсивные циклы.

Нынешнее уголовное законодательство (и не только оно) знает примеры, когда исключенные по каким-то сиюминутным соображениям, но востребованные и хорошо известные институты и нормы вновь занимают заслуженное место. Так было с уголовно-наказуемой клеветой, административной преюдицией и, хочется надеяться, будет с уголовной неоднократностью.

Список источников

1. Агаев И.Б. Проблема повторности в уголовном праве. М.: Юристъ. 2004. 157 с.
2. Малков В.П. Институт множественности преступлений в доктрине и уголовном законодательстве России // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 4. С. 179–192.
3. Бойко А. И. Верните неоднократность // Законность. 2006. № 1. С. 12–14.
4. Сверчков В. В., Серкова Т. В. Ответственность за неоднократное преступное поведение: развитие законодательства и практики его применения // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 4 (32). С. 182–189.
5. Микаутадзе С. Р. Институт множественности преступлений в свете тенденций реформирования уголовного законодательства // Вестник Воронежского института МВД России. 2012. № 2. С. 129–132.
6. Бытко Ю. И. О некоторых тенденциях современной российской уголовной политики в отношении лиц, неоднократно совершающих преступления // Правовая политика и правовая жизнь. 2017. № 1. С. 22–36.
7. Гошаев И. М. Административная преюдиция в уголовном законодательстве: понятие и виды // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 7. С. 81–84.
8. Есаков Г. А., Сарваров Д. М. О понимании крупного ущерба, размера и неоднократности в составах преступлений против интеллектуальной собственности // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 5 (212). С. 82–90. DOI: 10.24411/2072-4098-2019-10507.
9. Савельева О.Ю. Административная преюдиция и неоднократность как признаки преступлений против личности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2017. № 3 (30). С. 43–46.
10. Мирошниченко Д. В. Уголовная преюдиция и рецидив преступлений // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2017. № 4 (47). С. 71–75.

11. Цыганков А. Ю. Неоднократность как форма множественности преступлений в российском и зарубежном уголовном законодательстве // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2022. № 2 (56). С. 36–41. DOI: 10.35231/18136230_2021_2_180
12. Малков В. П. Повторность преступлений (понятие и уголовно-правовое значение). Казань: Изд-во Казан. ун-та. 1970. 172 с.
13. Савельева О. Ю. Институты множественности преступлений и административной преюдиции в современном российском уголовном праве // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 4 (47). С. 43–47. DOI: 10.18323/2220-7457-2021-4-43-47
14. Клепицкий И. А., Понятовская Т. Г., Рарог А. И. и др. Качество уголовного закона: проблемы Общей части: монография (отв. ред. д.ю.н., проф. А.И. Рарог). М.: Проспект. 2016. 288 с.
15. Кнутов А. В., Плаксин С. М., Григорьева Н. Л., и др. Сложность российских законов. Опыт синтаксического анализа. М.: Издательский дом НИУВШЭ, 2020. 311 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-2174-8
16. Ситникова А. Ю. Законодательная текстология уголовного права // Lex russica (Русский закон). 2017. № 3 (124). С. 106–122. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.124.3.106-122
17. Бахрах Д. Н. Множественность правонарушений. Направления уголовной политики в борьбе с преступностью: межвузовский сборник научных трудов. Свердловский юридический институт им. Р. А. Руденко. Свердловск, 1986. 130 с.
18. Кудрявцев В. Н. Избранные труды по социальным наукам: в 3-х т. Т. 1. М.: Наука. 2002. 1293 с.
19. Иванчин А. В. Еще раз об основании уголовной ответственности в свете современной уголовной политики // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2021. Т. 15. № 3(57). С. 370–377. DOI 10.18255/1996-5648-2021-3-370-377

References

1. Agaev I. B. The problem of repetition in criminal law. Moscow: Lawyer; 2004. 157 p. (In Russ.)
2. Malkov V. P. The Institute of Plurality of Crimes in the Doctrine and Criminal Legislation of Russia. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava = Actual problems of economics and law*. 2008;(4):179–192. (In Russ.)
3. Boyko A. I. Bring back the repetition. *Zakonnost' = Legality*. 2006;(1):12–14. (In Russ.)
4. Sverchikov V. V., Serkova T. V. Responsibility for repeated criminal behavior: development of legislation and practice of its application. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2015;4(32):182–189. (In Russ.)
5. Mikautadze S. R. The Institute of Plurality of Crimes in the Light of Penal Legislation Reform Trends. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2012;(2):129–132. (In Russ.)
6. Bytko Yu. I. About some trends of modern Russian criminal policy in relation to persons who repeatedly commit crimes. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn' = Legal policy and legal life*. 2017;(1):22–36. (In Russ.)
7. Goshayev I. M. Administrative prejudice in criminal law: concept and types. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2016;(7):81–84. (In Russ.)
8. Esakov G. A., Sarvarov D. M. On the understanding of major damage, size and frequency in the composition of crimes against intellectual property. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii = Property relations in the Russian Federation*. 2019;5 (212):82–90. DOI: 10.24411/2072-4098-2019-10507 (In Russ.)
9. Savelyeva O. Yu. Administrative prejudice and repetition as signs of crimes against a person. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki = Vector of Science of Togliatti State University. Series: Legal Sciences*. 2017;3(30):43–46. (In Russ.)
10. Miroshnichenko D. V. Criminal prejudice and recidivism of crimes. *Uchenye trudy Rossiiskoi akademii advokatury i notariata = Scientific works of the Russian Academy of Advocacy and Notary*. 2017;4(47):71–75. (In Russ.)

11. Tsygankov A. Yu. Repeatedness as a form of multiplicity of crimes in Russian and foreign criminal legislation. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022;2(56):36–41. DOI: 10.35231/18136230_2021_2_180 (In Russ.)
12. Malkov V. P. *Repetition of crimes (concept and criminal law meaning)*. Kazan: Publishing House of Kazan university; 1970. 172 p. (In Russ.)
13. Savelyeva O. Yu. Institutions of multiplicity of crimes and administrative prejudice in modern Russian criminal law. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki = Science vector of Togliatti State University. Series: Legal Sciences*. 2021;4(47):43–47. DOI: 10.18323/2220-7457-2021-4-43-47 (In Russ.)
14. Klepitsky I. A., Poniatovskaya T. G., Rarog A. I. and others. *The quality of the criminal law: problems of the General part*: monograph (responsible editor, Doctor of Law, Prof. A.I. Rarog). Moscow: Prospect; 2016. 288 p. (In Russ.)
15. Knutov A. V., Plaksin S. M., Grigoryeva N.L., et al. *Complexity of Russian Laws. Parsing experience*. Moscow: HSE Publishing House; 2020. 311 p. DOI: 10.17323/978-5-7598-2174-8 (In Russ.)
16. Sitnikova A. Yu. Legislative textology of criminal law. *Lex russica (Russian law)*. 2017;3(124):106–122. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.124.3.106-122 (In Russ.)
17. Bakhrah D. N. Multiplicity of offenses. *Directions of criminal policy in the fight against crime: inter-university collection of scientific papers*. Sverdlovsk Law Institute named after R. A. Rudenko. Sverdlovsk; 1986. 130 p. (In Russ.)
18. Kudryavtsev V. N. *Selected works on social sciences*: in 3 volumes, vol. 1. Moscow: Nauka; 2002. 1293 p. (In Russ.)
19. Ivanchin A. V. Once again about the basis of criminal liability in the light of modern criminal policy. *Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidova. Seriya Gumanitarnye nauki = Bulletin of P. G. Demidov Yaroslavl State University. Humanities series*. 2021;15(3(57)):370–377. DOI 10.18255/1996-5648-2021-3-370-377 (In Russ.)

Информация об авторе

О. В. Куликов – кандидат юридических наук, заместитель директора Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС.

Information about the author

O. V. Kulikov – PhD in law, Deputy Director of Far-East Institute of Management – branch of RANEPa.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest

Статья поступила в редакцию 08.01.2023; одобрена после рецензирования 15.02.2023; принята к публикации 16.02.2023.

The article was submitted 08.01.2023; approved after reviewing 15.02.2023; accepted for publication 16.02.2023.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 174, 174.1 УК РФ

Ольга Николаевна Лазаренко¹, Оксана Николаевна Лаврова²

¹Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Смоленск, Россия, lazarenko-on@ranepa.ru

²Московский областной филиал Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, ok.selednikova@rambler.ru

²Международный юридический институт, Москва, Россия

Аннотация. Борьба с экономическими и коррупционными преступлениями, совершаемыми в финансово-кредитной сфере, а также с преступлениями, связанными с легализацией доходов, полученных преступным путем, является системной проблемой, которую государство и общество должны решать совместно.

В распоряжении правоохранительных органов имеется достаточный арсенал уголовно-правовых и уголовно-процессуальных мер борьбы с преступлениями, предусмотренными статьями 174 и 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Вместе с тем, в связи с относительно непродолжительным периодом существования в уголовном праве Российской Федерации составов преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) преступных доходов, неоднократными существенными изменениями в соответствующих правовых нормах, а также высокой латентностью данных преступлений, обширная правоприменительная практика предварительного расследования соответствующих уголовных дел в настоящее время пока не наработана. В связи с этим, необходимо проводить анализ и обобщение типичных способов совершения преступлений данной категории, а также искать и использовать в практической деятельности новые пути разрешения проблемных вопросов.

Статья поможет практическим работникам в расследовании уголовных дел указанной категории.

Ключевые слова: уголовные дела, легализация(отмывание) доходов, преступления коррупционной направленности, преступления в финансово-бюджетной сфере, эффективность противодействия преступлениям, оперативно-розыскная деятельность, преступные доходы, типичная следственная ситуация

Для цитирования: Лазаренко О. Н., Лаврова О. Н. Совершенствование методики расследования уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 174, 174.1 УК РФ // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 136–140. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-1-136-140>

Problems of Criminal and Procedural law

Original article

IMPROVING THE METHODOLOGY OF INVESTIGATION OF CRIMINAL CASES OF CRIMES PROVIDED FOR IN ARTICLES 174, 174.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Olga N. Lazarenko¹, Oksana N. Lavrova²

¹Smolensk Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Smolensk, Russia, lazarenko-on@ranepa.ru

²Moscow Regional Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot, Moscow, Russia, ok.selednikova@rambler.ru

²International Law Institute, Moscow, Russia

Abstract. The fight against economic and corruption crimes committed in the financial and credit sphere, as well as crimes related to the legalization of proceeds from crime, is a systemic problem that the state and society must solve together. Law enforcement agencies have at their disposal a sufficient arsenal of criminal law and criminal procedure measures to combat crimes provided for in articles 174 and 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter - the Criminal Code of the Russian Federation). At the same time, due to the relatively short period of existence in the criminal law of the Russian Federation of the elements of crimes related to the legalization (laundering) of criminal proceeds, repeated significant changes in the relevant legal norms, as well as the high latency of these crimes, extensive law enforcement practice of preliminary investigation of relevant criminal cases has not yet been developed. In this regard, it is necessary to analyze and generalize typical ways of committing crimes of this category, as well as to look for and use in practice new ways to resolve problematic issues. The article will help practitioners in the investigation of criminal cases of this category.

Keywords: criminal cases, legalization (laundering) of income, corruption-related crimes, crimes in the financial and budgetary sphere, the effectiveness of countering crimes, operational investigative activities, criminal proceeds, a typical investigative situation

For citation: Lazarenko O. N., Lavrova O. N. Improving the methodology of investigation of criminal cases of crimes provided for in articles 174, 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(1):136–140. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-136-140>

Проблема борьбы с преступлениями, связанными с легализацией преступных доходов, имеет важное значение, поскольку их выявление и пресечение обеспечивает безопасность экономики государства, исключая из неё криминальные субъекты экономической деятельности, развивая легальный сектор экономики и поддерживая гарантированные Конституцией Российской Федерации свободное использования гражданами способностей и имущества для осуществления предпринимательской и иной не запрещённой законом экономической деятельности, их защиту от недобросовестной конкуренции. При этом в течение последних лет судебная практика в Российской Федерации (далее – РФ) по уголовным делам о легализации (отмывании) доходов, полученных преступным путем, весьма незначительна. Так, в 2020 г. по ст. 174, 174.1 УК РФ было осуждено 11 человек, в 2021 г. – 25 человек¹, что, по нашему мнению, обусловлено тем обстоятельством, что эти преступления, как правило, выявляются в ходе расследования уголовных дел корыстных и должностных преступлениях. В основном они совершаются организованными группами и результативность их расследования составляет почти 100%, т.е. практически все возбужденные уголовные дела данной категории окончены составлением обвинительного заключения. Обычно они являются лишь частью других, более тяжких преступлений, направленных на завладение денежными средствами и имуществом, окончательным этапом различных преступных схем.

Рассматривая проблемы выявления преступлений данной категории, следует отметить, что при проведении проверок сообщений о преступлениях сотрудники органов дознания не всегда устанавливают, каким образом преступники распоряжаются денежными средствами, как до конца работает преступная схема. Для повышения эффективности доследственных проверок необходимо не только ускорить процесс подготовки оперативных материалов, чтобы к моменту их поступления в орган предварительного следствия они не только не потеряли своей актуальности, но в ходе проведения доследственных проверок необходимо устанавливать все преступные схемы хищения денежных средств: проверять не только должностных лиц и круг их общения, но и предприятия, подрядные и субподрядные организации, возможность их аффилирования с должностными лицами, всех лиц, от которых зависит движение денежных средств, выделенных на конкретные цели. Движение денежных средств должно быть полностью прозрачным до конечного результата.

¹ Судебная статистика РФ [Электронный ресурс].

Режим доступа: URL:<https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 11.01.2023).

Руководители следственных подразделений при организации работы по указанным преступлениям и использовании полученных материалов в доказывании должны быть ориентированы на необходимость тесного взаимодействия с органами Росфинмониторинга. Межведомственное взаимодействие может осуществляться путем взаимного обмена необходимой информацией (например, сведениями о возбужденных уголовных делах), ежеквартальной сверки по материалам, направленным в порядке ст. 8 Федерального закона от 07.08.2011 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», направления в рамках расследуемых уголовных дел соответствующих запросов в целях выявления возможной связи финансовых операций подозреваемых, обвиняемых, действиями которых нанесен ущерб государству, с легализацией денежных средств или иного имущества, полученных в результате совершения таких преступлений.

Необходимо отметить, что ответы на направляемые следователям запросы не всегда содержат информацию, имеющую значение для уголовного дела либо в них констатируются факты, уже известные органу предварительного следствия.

Представляется, что причины недостаточной эффективности работы по выявлению преступлений, связанных с легализацией доходов, полученных преступным путем, и по возмещению причиненного ущерба заключаются в отсутствии единой государственной системы (базы) учета имущественных прав и обязанностей граждан.

Мы поддерживаем предложение А. В. Гавриленко об изменении законодательства об оперативно-розыскной деятельности, в котором необходимо предусмотреть обязанность установления органом дознания имущественного положения и местонахождения имущества фигурантов, на которое в дальнейшем может быть наложен арест, с принятием мер по его сохранности, возможность наложения временного ареста на имущество в целях обеспечения взыскания причиненного ущерба на досудебной стадии, возможность проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении лиц, входящих в окружение преступника, с целью установления имущества, фактически принадлежащего лицу, совершившему преступление, но юридически оформленного на близких ему людей. Это целесообразно осуществлять по преступлениям в финансово-бюджетной сфере, когда преступниками являются должностные лица, которые, в силу требований закона, не оформляют имущество на себя [1, с. 16–19]. Необходимо проверять и лиц, причастных к движению бюджетных средств, а также юридические лица, подрядные и субподрядные организации и их финансовые связи.

В практической деятельности по расследованию уголовных дел, предусмотренных статьями 174 и 174.1 УК РФ, целесообразно уяснить типичные способы их совершения, для чего необходимо проанализировать опубликованную судебную практику.

Мценским районным судом Орловской области 1 февраля 2020 г. постановлен обвинительный приговор в отношении К., Г. П. и К., которые были признаны виновными в совершении нескольких преступлений, связанных с незаконным сбытом в составе организованной группы наркотических средств – морфина, кодеина, тебаина и маковой соломой, содержащихся на поверхности семян растения мак, замаскированных под пищевой мак. Помимо этого, К. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 174.1 УК РФ – легализации доходов, полученных от незаконного сбыта наркотических средств, на сумму 5 352 960 руб., что относится к крупному размеру [2].

Советским районным судом г. Орла 26 сентября 2021 г. был постановлен обвинительный приговор в отношении Д., признанного виновным в совершении в составе группы лиц по предварительному сговору преступления, связанного с незаконным сбытом наркотического средства ТМСР-018, а также в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 174.1 УК РФ – легализации доходов, полученных от незаконного сбыта наркотических средств, на сумму 99 750 руб. [3].

Осужденные К. и Д., помимо преступной деятельности, связанной с получением дохода, осуществляли правомерную деятельность, также приносившую доход. Так, К. занимался предпринимательской деятельностью – розничной торговлей продовольственными товарами в торговых павильонах, расположенных в г. Мценске Орловской области. Д. работал по трудовому договору специалистом в Филиале ОАО «Мобильные Теле Системы» в Орловской области. В обоих случаях производилось смешивание денежных средств, полученных преступным путем, с денежными средствами, полученными правомерно – в качестве дохода от легальной предпринимательской деятельности и в качестве заработной платы, что позволяло, «маскируя» преступные доходы на «фоне» легальных доходов, скрывать их незаконное происхождение.

В случае с К. имевшиеся в наличии и продававшиеся «из-под прилавка» наркотические средства учитывались в документации, ведущейся в торговых павильонах, под различными другими наименованиями, аналогичными наименованиям легальной продукции. Наркотические средства продавались наряду с продовольственными товарами, выставлявшимися на витринах. Денежные средства, полученные в результате незаконного сбыта наркотических средств и в результате продажи продовольственных товаров, впоследствии смешивались, совокупная полученная выручка оприходовалась как денежные средства, полученные в результате законной предпринимательской деятельности. Впоследствии с совокупной выручкой совершались множественные финансовые операции и иные сделки, направленные на сокрытие преступного происхождения доходов и на развитие как предпринимательской деятельности, являвшейся «ширмой» для незаконного оборота наркотических средств, так и предикатной преступной деятельности (увеличение ее масштабов, «торгового» оборота).

Осужденный Д., имея возможность сразу же обналичивать денежные средства, перечисленные на его банковский счет наркопотребителями, и распоряжаться ими, умышленно, с целью придания правомерного вида указанным денежным средствам, совершал финансовые операции – перечисление данных денежных средств на «зарплатную» банковскую карту, на которую перечислялась его легальная заработная плата в качестве специалиста в Филиале ОАО «Мобильные Теле Системы» в Орловской области. В результате данных действий преступным доходам придавался правомерный вид денежных средств, полученных якобы от трудовой деятельности, маскировалась связь данных денежных средств с противоправным источником их происхождения.

Безусловно, наиболее важными проблемными вопросами при расследовании уголовных дел о преступлениях, связанных с легализацией преступных доходов, являются доказывание факта преступного происхождения используемых в финансовых операциях и других сделках денежных средств или иного имущества, что особенно актуально в тех случаях, когда привлекаемое к уголовной ответственности лицо имеет различные, в том числе легальные, источники дохода, а также доказывание наличия у привлекаемого к уголовной ответственности лица цели придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом (в большинстве случаев единственными прямыми доказательствами данного признака субъективной стороны преступления являются лишь признавательные показания подозреваемого, обвиняемого, в связи с чем следователю необходимо достаточное количество косвенных доказательств его вины).

На наш взгляд, для разрешения данных проблем в ходе допросов подозреваемых (обвиняемых) и свидетелей необходимо установить все возможные источники получения доходов лицами, привлекаемыми к уголовной ответственности, и лицами из их близкого окружения.

С целью установления наличия счетов и кредитов в банках, банковских карт, договорных обязательств, движимого и недвижимого имущества, следует направлять соответствующие запросы в кредитно-финансовые учреждения, в налоговые органы, в Федеральную службу государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр), ГИБДД, Росфинмониторинг.

При проведении обысков следует принимать меры к изъятию у подозреваемых, обвиняемых электронных носителей информации, банковских документов, договоров, пластиковых карт, расписок, квитанций, чеков об оплате, записных книжек, блокнотов, различных объектов с рукописными записями, в которых может быть зафиксирована информация о совершении ими сделок.

При назначении экономических судебных экспертиз следует тщательно продумывать и согласовывать с экспертами вопросы, которые могут способствовать установлению обстоятельств, имеющих значение для уголовных дел.

По уголовным делам о преступлениях, связанных с легализацией доходов, полученных преступным путем, в качестве специалистов можно допрашивать лиц, обладающих специальными познаниями в сфере экономики и финансов, а также давать органам дознания поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий в кредитно-финансовых и иных учреждениях, которые могут быть задействованы в схемах по легализации доходов преступного происхождения.

Наконец, при расследовании уголовных дел следует активно применять практику заключения с подозреваемыми, обвиняемыми досудебных соглашений о сотрудничестве, поскольку применение данного правового института позволяет обеспечить сознательную позицию лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, что значительно облегчает доказывание как субъективной, так и объективной стороны преступлений, связанных с легализацией преступных доходов.

Мы полагаем, что вышеперечисленные следственные и процессуальные действия помогут существенно сократить процессуальные сроки и будут способствовать повышению качества предварительного расследования уголовных дел о преступлениях, связанных с легализацией преступных доходов.

Список источников

1. Гавриленко А. В. Совершенствование механизма противодействия легализации доходов, полученных преступным путем // Следствием установлено. 2018. № 4 (8).
2. Архив Мценского районного суда Орловской области за 2020 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL:<https://sudact.ru> (дата обращения: 16.01.2023).
3. Архив Советского районного суда г. Орла за 2021 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL:<https://sudact.ru> (дата обращения: 16.01.2023).

References

1. Gavrilenko A. V. Improving the mechanism for countering the legalization of proceeds from crime. *Sledstviem ustanovleno = The investigation has been established*. 2018;4(8). (In Russ.)
2. *Archive of the Mtsensk District Court of the Orel region for 2020* [Electronic resource]. Available from: <https://sudact.ru> [Accessed 16.01.2023].
3. *Archive of the Sovetsky District Court of the city of Orel for 2021* [Electronic resource]. Available from: <https://sudact.ru> [Accessed 16.01.2023].

Информация об авторах

О. Н. Лазаренко – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой юриспруденции Смоленского филиала РАНХиГС.

О. Н. Лаврова – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя; доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Международного юридического института.

Information about the authors

O. N. Lazarenko – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Jurisprudence of the Smolensk Branch of RANEPA.

O. N. Lavrova – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Criminal Procedure of the Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot; Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the International Law Institute.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.01.2023; одобрена после рецензирования 01.02.2023; принята к публикации 02.02.2023.

The article was submitted 13.01.2023; approved after reviewing 01.02.2023; accepted for publication 02.02.2023.

ПРОБЛЕМЫ ПОДВЕДОМСТВЕННОСТИ И ПОДСУДНОСТИ ГРАЖДАНСКИХ И АДМИНИСТРАТИВНЫХ ДЕЛ С УЧАСТИЕМ МОБИЛИЗОВАННЫХ ЛИЦ

Мариетта Дамировна Шапсугова

Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия, shapsugova@gmail.com

Аннотация. С изданием Указа Президента РФ от 21.09.2022 № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» возник круг практических вопросов, связанных с определением подведомственности и подсудности споров с участием мобилизованных лиц. Проистекают указанные проблемы из правовой неопределенности в отношении отдельных аспектов правового статуса мобилизованного лица. Так, для определения подведомственности и подсудности необходимо прояснить не только предмет и характер спора, но и момент возникновения статуса военнослужащего у мобилизованного лица. Круг вопросов, которые охватываются межотраслевым статусом мобилизованного лица как гражданина, военнослужащего, предопределяет подведомственность и подсудность споров с его участием как арбитражным судам, так и судам общей юрисдикции, в том числе и военным судам в рамках арбитражного, гражданского, административного, уголовного судопроизводства.

Отдельного анализа требуют положения Федерального закона от 29.12.2022 № 603-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» о приостановлении производства по делу с участием мобилизованного лица.

Ключевые слова: мобилизованное лицо, военнослужащий, подведомственность, подсудность, арбитражный суд, военный суд, суд общей юрисдикции, экономическая деятельность

Для цитирования: Шапсугова М. Д. Проблемы подведомственности и подсудности гражданских и административных дел с участием мобилизованных лиц // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 141–147. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-1-141-147>

Problems of Criminal and Procedural law

Original article

PROBLEMS OF CONFORMITY AND JUDICIALS OF CIVIL AND ADMINISTRATIVE CASES WITH PARTICIPATION OF MOBILIZED PERSONS

Marietta D. Shapsugova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, shapsugova@gmail.com

Abstract. With the publication of Decree of the President of the Russian Federation of September 21, 2022 N 647 «On the announcement of partial mobilization in the Russian Federation», a range of practical issues arose related to the determination of jurisdiction and arbitrability of disputes involving mobilized persons. These problems arise from legal uncertainty regarding certain aspects of the legal status of a mobilized person. Thus, in order to determine jurisdiction and jurisdiction, it is necessary to clarify not only the subject and nature of the dispute, but also the moment when the status of a military man arises for a mobilized person. The range of issues that are covered by the intersectoral status of a mobilized person as a citizen, a military man, predetermines the jurisdiction and jurisdiction of disputes with his participation both to arbitration courts and courts of general jurisdiction, including military courts in the framework of arbitration, civil, administrative, criminal proceedings. A separate analysis is required by the provisions of the federal law of December 29, 2022 N 603-FZ «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» on the suspension of proceedings in a case involving a mobilized person.

Keywords: mobilized person, serviceman, jurisdiction, jurisdiction, arbitration court, military court, court of general jurisdiction, economic activity

For citation: Shapsugova M. D. Problems of conformity and judicials of civil and administrative cases with participation of mobilized persons. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(1):141–147. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-141-147>

Подведомственность и категории споров с участием мобилизованных

В доктрине процессуального права подведомственность споров определяется на основании предмета и характера спора, а также по субъектному критерию [1].

При определении подведомственности в исследуемой сфере нельзя руководствоваться только одним из перечисленных критериев.

Частью 1 ст. 27 АПК к подведомственности арбитражной системы отнесены экономические споры и другие дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности. Такая формулировка указывает на критерий характера и предмет спора. В связи с этим требуется раскрытие понятий предпринимательской и экономической деятельности.

Определение термина «экономическая деятельность» содержится в Общероссийском классификаторе видов экономической деятельности (ОКВЭД 2) ОК 029-2014 (КДЕС Ред.2), утвержденном приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 31 января 2014 г. № 14-ст: экономическая деятельность имеет место тогда, когда ресурсы (оборудование, рабочая сила, технологии, сырье, материалы, энергия, информационные ресурсы) объединяются в производственный процесс, имеющий целью производство продукции (предоставление услуг); экономическая деятельность характеризуется затратами на производство продукции (товаров или услуг), процессом производства и выпуском продукции (предоставлением услуг).

Экономической деятельностью в науке признается такой вид экономической активности человека, форма его участия в общественном производстве, целью которого является финансовое обеспечение жизнедеятельности [2, с. 16]. В то же время это и хозяйственная активность индивидов, организаций в рамках товарно-денежного обмена, основанная на владении, пользовании и распоряжении благами в целях удовлетворения материальных потребностей [3, с. 16].

В структуру экономической деятельности включаются субъект, объект, цель, средства и методы ее осуществления, а также результаты. Субъектом экономической деятельности выступают индивидуальные предприниматели и юридические лица. Экономическая деятельность может быть самостоятельной (предпринимательская) и трудовой (по найму). Соответственно споры из трудовых правоотношений не рассматриваются арбитражными судами и относятся к компетенции судов общей юрисдикции. Содержание экономической деятельности составляют экономические отношения, экономические акты и действия, посредством которых экономические ресурсы соединяются в конечный продукт (товар, работу, услугу).

Полагаем, можно определить экономическую деятельность как деятельность хозяйствующих (экономических) субъектов в процессе общественного воспроизводства путем производства товаров, выполнения работ, оказания услуг и выпуска их в гражданский оборот.

Действующее законодательство закрепляет понятие предпринимательской деятельности в абз. 3 п. 1 ст. 2 части первой Гражданского кодекса РФ, под которой понимается самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, должны быть зарегистрированы в этом качестве в установленном законом порядке, если иное не предусмотрено ГК РФ.

Таким образом, экономическая деятельность и предпринимательская деятельность относятся как общее и частное. Не всякая экономическая деятельность является предпринимательской, но предпринимательская деятельность всегда является экономической.

Неопределенной остается подсудность споров с участием самозанятых лиц. Поскольку их деятельность относится к экономической, однако статус раздваивается: самозанятым может быть как гражданин-физическое лицо, обладающий статусом индивидуального предпринимателя, так и не обладающий таковым. Вопрос о том, к подведомственности каких судов – арбитражных или общей юрисдикции – относятся дела с их участием, остается открытым. Исходя из буквального толкования закона, при наличии статуса индивидуального предпринимателя спор подлежит рассмотрению в арбитражном суде, в отсутствие статуса индивидуального предпринимателя – в суде общей юрисдикции.

В соответствии со ст. 1 Федерального конституционного закона от 23.06.1999 № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» (далее – Закон о военных судах) военные суды являются федеральными судами общей юрисдикции, входят в судебную систему Российской Федерации, осуществляют судебную власть в органах, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба

К подсудности дел военным судам отнесены (ст. 7 Закона о военных судах) гражданские и административные дела о защите нарушенных и (или) оспариваемых прав, свобод и охраняемых законом интересов военнослужащих, граждан, проходящих военные сборы, от действий (бездействия) органов военного управления, воинских должностных лиц и принятых ими решений. Военным судам, дислоцирующимся за пределами территории Российской Федерации, подсудны все дела, подлежащие рассмотрению федеральными судами общей юрисдикции.

В ч. 8 ст. 7 Закона закреплена норма о специальном регулировании федеральными конституционными законами подсудности дел и осуществлении правосудия в период мобилизации [4–5]. Однако такие законы к настоящему времени не приняты.

Положения ч. 8 носят отсылочный характер и указывают на необходимость и возможность определения особенностей деятельности военных судов в особых условиях. Определение указанных особенностей отнесено к компетенции специальных нормативных актов, определяющих характер таких особых условий. В частности, речь идет о Федеральном конституционном законе от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении». Однако указанный нормативный акт в ст. 16 лишь указывает на сохранение общего порядка деятельности судов в период введения военного положения. В качестве единственной особенности функционирования военных судов Закон предусматривает возможность изменения их территориальной подсудности. При этом следует заметить, что деятельность военных судов определяется не территориальной, а субъектной (персональной) подсудностью, что не позволяет в полной мере реализовать данное нормативное предписание в деятельности указанной категории органов судебной власти [4; 6].

Правовой статус мобилизованного лица

Для определения подведомственности и подсудности спора необходимо, как было указано выше, учитывать предмет спора и субъектный состав. В связи с этим требует исследования правовой статус мобилизованного лица и момент возникновения у него статуса военнослужащего. Соответственно, можно разграничить статус военнослужащего, необходимый для рассмотрения спора в военных судах (как судах общей юрисдикции с исключительной компетенцией) и физического лица как участника экономической деятельности (арбитражные споры) и иные споры, рассматриваемые в судах общей юрисдикции с участием граждан. Правовой статус мобилизованного лица определяется в п. 2 Указа Президента РФ от 21.09.2022 № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации». В указанном пункте статус гражданина, призванного на военную службу по мобилизации, приравнивается к статусу военнослужащих, проходящих военную службу по контракту.

Федеральный закон от 28.03.1998 N 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (далее – закон о воинской обязанности) в ст. 1 ч. 2. определяет содержание воинской обязанности граждан в период мобилизации как:

- призыв на военную службу по мобилизации;
- прохождение военной службы в период мобилизации.

В Законе о воинской обязанности выделены следующие правовые статусы граждан:

- военнослужащий;
- гражданин, проходящий военные сборы;
- гражданин, пребывающий в мобилизационном людском резерве.

В последнюю категорию входят только те граждане, которые заключили контракт о пребывании в резерве. Все остальные граждане, пребывающие в запасе, состоят в мобилизационном людском ресурсе (ст. 51.2 Закона о военной службе) [7].

Момент возникновения статуса военнослужащего

Для определения подведомственности и подсудности спора ключевым моментом является момент приобретения статуса военнослужащего, который определяется моментом начала военной службы мобилизованного лица.

В соответствии с ч. 2 ст. 2 Федерального закона от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (далее – Закон о статусе военнослужащих) граждане приобретают статус военнослужащих с началом военной службы и утрачивают его с окончанием военной службы.

В Указе Президента РФ от 16.09.1999 № 1237 «Вопросы прохождения военной службы» (вместе с «Положением о порядке прохождения военной службы», далее – Положение) начало военной службы определяется:

- а) для граждан, не пребывающих в запасе, призванных на военную службу, – день присвоения воинского звания рядового;
- г) для граждан (иностранцев граждан), поступивших на военную службу по контракту, – день вступления в силу контракта;
- д) для граждан, поступивших в военно-учебные заведения и не проходивших военную службу или прошедших военную службу ранее, – день зачисления в указанные учебные заведения (п. 3 Положения).

С мобилизованным лицом заключается контракт, который вступает в силу со дня его подписания должностным лицом, определенным настоящим Положением, о чем издается соответствующий приказ (п. 8 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента РФ от 16.09.1999 № 1237 «Вопросы прохождения военной службы»).

Таким образом, поскольку мобилизованные лица приравнены к военнослужащим, проходящим службу по контракту, днем начала военной службы является день вступления в силу контракта.

Днем окончания военной службы считается день исключения военнослужащего из списков личного состава воинской части в связи с увольнением с военной службы, гибелью (смертью), признанием безвестно отсутствующим или объявлением умершим.

День исключения из списков личного состава воинской части является для военнослужащего днем окончания (последним днем) военной службы.

Отправка в воинскую часть не означает начало военной службы – такое разграничение содержится в п. 1 ст. 31 Закона о военной службе» и связано с призывниками-«срочниками» [7].

В судебной практике со ссылкой на Указ Президента РФ № 647 момент возникновения статуса военнослужащего определяется моментом призыва на военную службу по мобилизации и получением статуса военнослужащих, проходящих военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации по контракту¹.

¹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 06.02.2023 № 09АП-91278/2022 по делу № А40-147437/2021.

Таким образом, военным судам подведомственны (точнее говорить подсудны, поскольку они входят в систему судов общей юрисдикции) споры с участием мобилизованных лиц с момента обретения ими правового статуса военнослужащего, при условии, что предмет спора составляет компетенцию военных судов. Прежде всего это гражданские и административные дела о защите нарушенных и (или) оспариваемых прав, свобод и охраняемых законом интересов военнослужащих от действий (бездействия) органов военного управления, воинских должностных лиц и принятых ими решений.

Приостановление производства по делу в связи с новеллами Федерального закона от 29.12.2022 № 603-ФЗ

«О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

Необходимо также рассмотреть важное нововведение о приостановлении производств по делам с участием мобилизованных лиц.

Приостановление производства по делу означает приостановление течения всех неистекших процессуальных сроков по гражданскому делу с вынесением соответствующего определения суда (ст. ст. 215, 216, 217 ГПК РФ) [8].

Таким образом, приостановление производств не означает что дела не принимаются к производству. Срок исковой давности не является процессуальным сроком, а потому его течение не приостанавливается. В связи с изложенным не утрачивает актуальность вопрос о подведомственности и подсудности споров с участием мобилизованных лиц.

Производство приостанавливается до устранения обстоятельств, послуживших основанием для приостановления производства по делу.

Суд:

обязан приостановить производство по делу в случае призыва гражданина, являющегося стороной в деле, на военную службу по мобилизации, если такой гражданин не заявил ходатайство о рассмотрении дела в его отсутствие (п. 2 ч. 1 ст. 143, п. 2 ст. 145 АПК РФ; абз. 4 ст. 215 ГПК РФ; п. 3 ч. 1 ст. 190 КАС РФ);

вправе приостановить производство по делу в случае призыва гражданина, осуществляющего полномочия единоличного исполнительного органа организации, являющейся лицом, участвующим в деле, на военную службу по мобилизации, если рассмотрение дела без участия такого гражданина невозможно и полномочия по управлению указанной организацией не переданы им в порядке, установленном законодательством Российской Федерации (п. 6 ст. 144 АПК РФ; абз. 8 ст. 216 ГПК РФ; п. 9 ч. 1 ст. 191 КАС РФ).

Судебная практика по вопросу о подсудности споров с участием мобилизованных лиц

Судебная практика по вопросу подсудности дел в системе судов общей юрисдикции противоречива.

В системе судов общей юрисдикции Определением Борзинского гарнизонного военного суда от 24 октября 2022 г. по делу № 9а-6/2022 административное исковое заявление, поданное в интересах супруга, об оспаривании действий военной комиссии военного комиссариата города, связанных с мобилизацией, было возвращено административному истцу как неподсудное данному суду на основании ст. 129 КАС РФ. В определении суд установил, что супруга не является военнослужащей, не относится к категории лиц, указанных в ст. 7 Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации», оспаривает действия, не связанные с прохождением ею военной службы, а с предполагаемым нарушением прав её супруга. административное исковое заявление не подсудно военному суду и подлежит возвращению. Истце рекомендовано обратиться в суд по месту жительства городской суд.

В другом случае было принято иное решение.

Так, определением Бологовского городского суда Тверской области от 19 октября 2022 г. по делу № 9а-73/2022 исковое заявление возвращено истцу как неподсудное суду. Истец обратился в суд с административным иском к Призывной комиссии по мобилизации о признании

незаконным и подлежащим отмене решения призывной комиссии по мобилизации. Как разъяснил суд, административное исковое заявление не подлежит принятию к производству Бологовским городским судом, поскольку суд счел, что на основании Указа Президента РФ от 21 сентября 2022 г. № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» административный истец имеет статус военнослужащего, в связи с чем административное исковое заявление о признании незаконным и подлежащим отмене решения призывной комиссии по мобилизации подлежит рассмотрению военным судом.

Имеется также и арбитражная практика по данному вопросу.

Так, общество с ограниченной ответственностью обратилось в арбитражный суд с иском заявлением к Военному комиссариату Тюменской области об оспаривании действий при осуществлении призыва на военную службу по мобилизации сотрудника, имеющего право на бронь, обязанности принять меры реагирования по возвращению сотрудника по месту работы (дело N А70-23533/2022). Исходя из того, что характер данного спора не свидетельствует о его экономической основе, а потому не связан с предпринимательской и иной экономической деятельностью заявителя, несмотря на наличие у заявителя статуса юридического лица, осуществление им предпринимательской деятельности, суд пришел к обоснованному выводу о том, что спор не относится к компетенции арбитражного суда и подлежит рассмотрению в суде общей юрисдикции.

Список источников

1. Арбитражный процесс / Отв.ред. В. В. Ярков. М.: Статут, 2017. [Электронный ресурс] Mybook (дата обращения 20.01.2023)
2. Предпринимательское (хозяйственное) право: в 2 т. / Отв.ред. О.М. Олейник. М., 1999. Т. 1. 727 с.
3. Белых С. В. Свобода предпринимательской деятельности как конституционно-правовая категория в Российской Федерации. СПб., 2005.
4. Китрова Е. В., Кузьмин В. А., Григорьева Е. А. Комментарий к Федеральному конституционному закону от 23 июня 1999 года N 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» (постатейный). 2-е изд. // СПС КонсультантПлюс. 2011.
5. Петров М. И. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О военных судах Российской Федерации» (постатейный). М.: Юстицинформ, 2008. 200 с.
6. Брежнев О. В. Судебная защита конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации в условиях чрезвычайного и военного положения // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 12. С. 23–27.
7. Загайнов Д. Когда у мобилизованного возникает статус военнослужащего? [Электронный ресурс] <https://www.advgazeta.ru/mneniya/kogda-u-mobilizovannogo-voznikaet-status-voennosluzhashchego/> (дата обращения 20.02.2023)
8. Гражданский процесс: учебник / В. В. Аргунов, Е. А. Борисова, Н.С. Бочарова и др.; под ред. М. К. Треушникова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. 960 с. [Электронный ресурс] СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 20.02.2023)

References

1. Arbitration process. V. V. Yarkov (ed.). Moscow: Statute; 2017. [Electronic resource] Mybook [Accessed 20.01.2023]. (In Russ.)
2. *Entrepreneurial (economic) law*: in 2 vols. O. M. Oleinik (ed.). Moscow; 1999. Vol. 1. 727 p. (In Russ.)
3. Belykh S. V. *Freedom of entrepreneurial activity as a constitutional and legal category in the Russian Federation*. St. Petersburg, 2005. (In Russ.)

4. Kitrova E. V., Kuzmin V. A., Grigorieva E. A. Commentary to the Federal Constitutional Law of June 23, 1999 N 1-FKZ "On Military Courts of the Russian Federation" (by article). 2nd ed. In: *SPS ConsultantPlus*. 2011. (In Russ.)
5. Petrov M. I. *Commentary to the Federal Constitutional Law "On Military Courts of the Russian Federation" (article by article)*. Moscow: Justicinform; 2008. 200 p. (In Russ.)
6. Brezhnev O. V. Judicial protection of constitutional rights and freedoms of citizens of the Russian Federation in conditions of emergency and martial law. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*. 2010;(12):23–27. (In Russ.)
7. Zagainov D. *When does a conscript have the status of a serviceman?* [Electronic resource]. In: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/kogda-u-mobilizovannogo-voznikaet-status-voennosluzhashchego> [Accessed 20.02.2023]. (In Russ.)
8. *Civil procedure: textbook* / V. V. Argunov, E. A. Borisova, N. S. Bocharova, etc.; edited by M. K. Treushnikov. 5th ed., reprint. and additional. Moscow: Statute, 2014. 960 p. [Electronic resource] SPS "Consultant Plus" [Accessed 20.02.2023]. (In Russ.)

Информация об авторе

М. Д. Шапсугова – кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук.

Information about the author

M. D. Shapsugova – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Senior Researcher of Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest

Статья поступила в редакцию 28.02.2023; одобрена после рецензирования 10.03.2023; принята к публикации 13.03.2023.

The article was submitted 28.02.2023; approved after reviewing 10.03.2023; accepted for publication 13.03.2023.

К ВОПРОСУ СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ «ПОДВЕДОМСТВЕННОСТЬ», «ПОДСУДНОСТЬ» И «КОМПЕТЕНЦИЯ»

Мария Юрьевна Петрова

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, mariyapetrova2014@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются понятия «подсудность», «подведомственность» и «компетенция» на основе их соотношения друг с другом, в связи с внесенными в нормативно-правовые акты изменениями. Указывается на различное процессуальное закрепление и различное понимание указанных понятий в текстах закона, что, по мнению автора, недопустимо, в связи с чем, предлагается внесение соответствующих изменений в действующее законодательство.

Ключевые слова: подведомственность гражданских дел, подсудность гражданских дел, компетенция судов общей юрисдикции и арбитражных судов, предмет ведения, доступность и эффективность судебной защиты

Для цитирования: Петрова М. Ю. К вопросу соотношения понятий «подведомственность», «подсудность» и «компетенция» // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 148–153. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-1-148-153>

Problems of Criminal and Procedural law

Original article

TO THE QUESTION OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS OF «JURISDICTION», «COGNIZANCE» AND «COMPETENCE»

Mariya Yu. Petrova

Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, mariyapetrova2014@mail.ru

Abstract. The article analyzes the concepts of «jurisdiction», «cognizance» and «competence» on the basis of their relationship with each other, in connection with the amendments made to the regulatory legal acts. It points to different procedural consolidation and different understanding of these concepts in the texts of the law, which, according to the author, is unacceptable, and therefore, it is proposed to introduce appropriate changes to the current legislation.

Keywords: jurisdiction of civil cases, competence of courts of general jurisdiction and arbitration courts, subject matter, availability and effectiveness of judicial protection

For citation: Petrova M. Yu. To the question of the relationship between the concepts of «jurisdiction», «cognizance» and «competence». *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(1):148–153. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-1-148-153>

Гарантированное Конституцией Российской Федерации право граждан (организаций) на судебную защиту может быть реализовано путем предъявления иска (заявления) в суд. Правильное определение компетентного суда является одной из гарантий надлежащей защиты прав, свобод и законных интересов граждан. Для определения компетентного суда в теории процессуального права используются такие понятия, как «подведомственность» и «подсудность».

Следует отметить, что указанные выше понятия являются важнейшими процессуальными институтами с которыми напрямую связаны доступность и эффективность судебной защиты.

Вместе с тем, существенные изменения, которые были внесены Федеральным законом от 28 ноября 2018 года № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ (далее – Федеральный закон от 28 ноября 2018 года № 451-ФЗ) коснулись многих процессуальных институтов, в том числе подсудности и подведомственности. Указанным Федеральным законом из законодательных актов исключен термин «подведомственность», в связи с чем, произошло укрупнение содержания института подсудности. Кроме того, появляется такое понятие как «компетенция».

Внесенные Федеральным законом от 28 ноября 2018 года №451-ФЗ изменения не являются лишь техническими, они носят более глубокий характер, следовательно требуют более глубокого осмысления, поскольку в конечном итоге касаются доступности судебной защиты.

Указанное изменение является оправданным в разрезе реализации цели сближения гражданского и арбитражного процесса, создания единых начал и форм функционирования судов, а также в целях доступности правосудия, процессуальной экономии и исключения коллизий, в том числе недопустимости споров о подсудности. Вместе с тем, не следует отождествлять текстуальное исключение термина «подведомственность» с утратой его значения для науки и практики.

Так, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – ГПК РФ) использует понятие «подсудность» (глава 3), а также понятие «компетенция» (например, статьи 5, 22). В Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – АПК РФ) глава 4 названа «Компетенция арбитражных судов», данный кодекс также оперирует понятием «подсудность». Вместе с тем Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) одновременно использует понятия «подведомственность» и «подсудность» (глава 2 КАС РФ). Такое построение и неоднородность процессуальных кодексов не оправдано, поскольку способствует созданию предпосылок к различному толкованию и применению данных понятий, вместе с тем законодательно закрепленных определений данных понятий нет. В указанной связи актуальность приобрели вопросы о месте каждого из понятий и соотношении их между собой.

Наукой выработан общий подход, согласно которому под подведомственностью понимается круг дел, которые относятся к компетенции органов государственной власти, организаций и должностных лиц, в том числе и судов общей и арбитражной юрисдикций, третейских судов [напр. 1, с. 192]. Видится, что указанное определение подведомственности является наиболее удачным, поскольку дает широкое понимание данной категории.

Ю. К. Осипов, рассматривая институт подведомственности, указывал, что данный институт является своего рода распределительным механизмом в системе правового регулирования общественных отношений, с помощью которого в зависимости от характера общественных отношений из которых возникают юридические дела, государство обеспечивает «подключение» к данному механизму различных юридических дел [2, с. 121].

В. В. Аргунов, определяя подведомственность, указывает на то, что этот институт призван не только определять компетенцию определенного органа государственной власти, но и порядок взаимодействия государственного органа с заинтересованными лицами, то есть форму защиты права [3, с. 8].

Указанные выше позиции, а также ряд иных позиций (М. А. Гурвич, Д. В. Швейцер и других правоведов) [4, с. 59; 5, с. 9-10] определяют понятие подведомственности через компетенцию, указывая при этом на широкое понимание как совокупность вопросов отнесенных к компетенции определенного органа государственной власти и на узкое понимание как свойство юридических дел.

По нашему мнению, такое узкое понимание института подведомственности как свойства юридических дел ведет к тому, что оно отождествляется с подсудностью.

¹ Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. №451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 49 (ч. 1). Ст. 7523.

Многие правоведы отмечают, что различие подведомственности и подсудности носит количественный характер, в связи с чем рассматривают подсудность как производное понятие или как разновидность подведомственности применительно к судебной системе [напр. 2, с. 29].

П. Ф. Елисейкин, говоря о соотношении подведомственности и компетенции, отмечал, что различие этих институтов заключается в их правовой природе, подведомственность, по его мнению, относится к материально-правовым институтам, а компетенция – к институтам процессуального права [6, с. 35].

Кроме того, компетенция от подведомственности отличается своими качествами, в связи с чем определение одного понятия через другое не совсем оправданно.

По мнению К. А. Чудиновских, компетенция и подведомственность являются различными понятиями, поскольку подведомственность определяет круг дел, на которые может направить свои полномочия тот или иной орган государственной власти, тогда как компетенция устанавливает наличие прав на разрешение определенного круга вопросов [7, с. 17].

Указанное понимание подведомственности является оправданным, поскольку оно учитывает внутренние составляющие (материально-правовые характеристики дела) и внешние признаки (полномочия юрисдикционного органа) в их совокупности.

Законодатель, внося Федеральным законом от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ изменения, и исключая из законодательных актов понятие «подведомственность», аргументировал это утратой его предназначения как института, разделяющего компетенцию судов двух юрисдикций. Вместе с тем, указанный институт был предназначен для разграничения полномочий не только судебных органов, но и иных органов государственной власти, в связи с чем узкое понимание данного понятия в контексте лишь судебной системы не может выступать единственной причиной к отказу от его использования. Кроме того, перманентное сближение подсистем судов также не может являться основанием для безоговорочного отказа от понятия «подведомственность». Суды не утратили своей самостоятельности и не перестали рассматривать подсудные им дела в определенном процессуальном порядке, в связи с чем подведомственность не утратила своего значения и для правоприменительной деятельности.

Подведомственность продолжает сохранять свое значение как распределительный механизм, разграничивающий сферы ведения между судами и иными юрисдикционными органами, являясь при этом первой ступенью в определении компетентного органа. Подведомственность гражданских дел разграничивает полномочия по рассмотрению дел между судами общей юрисдикции и арбитражными судами. Данный институт не утратил своего значения ни для теории, ни для практики.

Под подсудностью понимается круг дел, входящих в компетенцию определенного суда. Обычно выделяют два вида подсудности: родовая и территориальная.

С учетом данных выше определений подведомственности и подсудности можно сделать вывод, что данные институты взаимосвязаны, подсудность вытекает из подведомственности, вместе с тем, они имеют различное юридическое значение и преследуют разные цели. Подведомственность позволяет определить юрисдикционный орган, в том числе и суд, а подсудность определяет конкретный суд, компетентный рассматривать спор по правилам первой инстанции.

Так, Ю. В. Ефимова с учетом внесенных изменений указывает, что под подсудностью теперь следует понимать совокупность гражданских процессуальных норм, регулирующих, с одной стороны, распределение компетенций судов по первой инстанции при рассмотрении дел, а с другой стороны, определяющих компетенцию судов общей юрисдикции и мировых судей при рассмотрении и разрешении дел [8, с. 212]. При этом, ученый предлагает выделять две разновидности подсудности: общую или внешнюю и специальную или внутреннюю. Внешняя подсудность определяет предметную компетенцию судов, а внутренняя подсудность устанавливает компетенцию судов при рассмотрении дел по первой инстанции [9]. Таким образом, автор под внешней компетенцией понимает прежнюю подведомственность, а под внутренней подсудностью – собственно подсудность.

В. В. Ярков также предлагает различать два вида подсудности: межсистемную и внутрисистемную, которые заменяют традиционные подсудность и подведомственность. Межсистемная подсудность разграничивает предметы ведения между всеми судами, а внутрисистемная разграничивает предметы ведения внутри системы арбитражных судов или судов общей юрисдикции. Кроме того, указывает, что понятие компетенция, используется как более широкое, позволяющее разграничить компетенцию между судами и иными государственным органами [1, с. 191].

Таким образом, большинство авторов, позиции которых были проанализированы в условиях исключения понятия «подведомственность», предлагают понимать подсудность в более широком смысле или отождествляют подведомственность с компетенцией.

Термин «компетенция» имеет широкое значение и применение во всех сферах государственной деятельности. Обычно под компетенцией понимают совокупность полномочий (прав и обязанностей) определенного органа государственной власти или органа местного самоуправления. Следовательно, судебная компетенция – это круг полномочий суда. Из приведенного следует, что компетенция является более широким понятием, которое применительно к судебной компетенции включает в себя понятия подсудность и подведомственность.

Понятие «компетенция» впервые было выделено в качестве самостоятельного с принятием и вступлением в законную силу АПК РФ 2002 года, в котором два параграфа «Подведомственность» и «Подсудность» были объединены главой 3 «Компетенция арбитражных судов». В настоящее время законодатель ввел в ГПК РФ понятие «компетенция», при этом процессуальные кодексы не содержат норм, определяющих понятие компетенции судов общей юрисдикции и арбитражных судов, а определяют данное понятие через подсудность. Причинами тому являются межотраслевой характер правового института и широкое применение во всех отраслях законодательства. Отождествлять данные понятия и смешивать их не стоит, поскольку они имеют различное внутреннее содержание, хотя и, безусловно, взаимосвязаны между собой.

Е. В. Васьковский применительно к судебной власти указывал, что компетенция представляет собой деятельность судебных учреждений, действующих в границах предоставленных им прав и обязанностей [10, с. 445].

Д. Х. Валеев полагает, что возможно определить только компетенцию конкретного суда, поскольку связанным с компетенцией понятием является подсудность суда, то есть круг дел, относящихся к компетенции определенного суда [11, с. 52].

Ф. Р. Конова предлагает рассматривать компетенцию в двух смыслах: широком и узком. В широком смысле «компетенция» охватывает все полномочия конкретного органа. «Компетенция» в узком смысле означает только круг главных полномочий определенного органа [12, с. 137].

Таким образом, компетенция суда представляет собой совокупность полномочий по разрешению определенного круга дел судом.

В законе компетенция может определяться перечислением конкретных категорий дел (статьи 23-27 ГПК РФ, статья 27 АПК РФ) или указанием на общие признаки, такие как субъектный состав и характер материального правоотношения в этом случае компетенция не будет отличаться от подсудности.

ГПК РФ и АПК РФ фактически устанавливают только правила подсудности, вместе с тем, перечисление конкретных категорий дел, определение субъектного состава правоотношений, характера правоотношений, в конечном итоге, определяет компетенцию того или иного суда, к ведению которого относится рассмотрение спора.

По нашему мнению, компетенция суда – не только круг дел, подлежащих рассмотрению, это более комплексное понятие, поскольку деятельность суда заключается не только в рассмотрении и разрешении правовых споров (осуществление правосудия), но и решение иных задач, закрепленных в статьях 2 ГПК РФ, 2 АПК РФ и 3 КАС РФ. Кроме того, деятельность судов

определяется также ФКЗ об арбитражных судах, о судах общей юрисдикции, которые при комплексном изучении понятия «компетенция» также должны учитываться.

Д. П. Васильев полагает, что применительно к судебной деятельности целесообразно использовать понятие «компетенция», которое должно применяться исходя из вида судопроизводства, характера спорного правоотношения, субъектного состава участников [13, с. 178].

Таким образом, можно сделать вывод, что указанные три понятия взаимосвязаны, существуют в неразрывном единстве и вытекают один из другого, относятся с точки зрения отраслевой принадлежности к межотраслевым институтам процессуального права. Так, подведомственность и подсудность следует соотносить как общее и частное, то есть подсудность является частным случаем подведомственности, в свою очередь, компетенция является более широким понятием, включающим указанные выше понятия. При этом подсудность и подведомственность являются «внешним» показателем, определяющим юрисдикционный орган, и отвечая таким образом на вопрос о том, кто имеет право рассматривать определенное дело; компетенция же, выступает «внутренним ядром», определяя свойства и признаки дела, подлежащего разрешению.

Подведомственность, не смотря на исключение данного термина из норм ГПК РФ и АПК РФ, сохраняет свое практическое и доктринальное значение, не исчерпала себя и остается критерием отнесения юридических дел к компетенции разнородных юрисдикционных органов.

Предлагается дальнейшая унификация процессуального законодательства, поскольку применение понятий «подведомственность», «подсудность» и «компетенция» с различным содержанием в разных текстах нормативно-правовых актов не может считаться оправданным. В связи с чем, предлагается внести изменения, а именно Главу 3 ГПК РФ назвать «Компетенция судов общей юрисдикции», Главу 2 КАС РФ – «Компетенция судов по административным делам».

В настоящее время вопросы разграничения подсудности по-прежнему остаются актуальными, в связи с чем они требуют более глубокого осмысления и более четкого разграничения. В контексте рассмотрения судов общей юрисдикции и арбитражных судов как единого юрисдикционного механизма и в целях создания условий доступности правосудия институт компетенции нуждается в дальнейшем совершенствовании, в частности законодательно должны быть закреплены критерии распределения гражданских дел между судами общей юрисдикции и арбитражными судами.

Список источников

1. Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства / Под ред. В. В. Яркова. М.: Статут, 2011. 460 с.
2. Осипов Ю. К. Подведомственность юридических дел. Свердловск, 1973. 124 с.
3. Аргунов В. В. Ломка правовых устоев или рядовое устранение очередного правового пузыря в судебной практике? Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ 13.04.2016 № 306-ЭС15-14024 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 8.
4. Гурвич М. А. Право на иск. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 216 с.
5. Швейцер Д. В. Гражданский процесс и арбитраж. М., 1960. 56 с.
6. Елисейкин П. Ф. Защита субъективных прав и интересов и компетенция суда в гражданском процессе // Ученые записки Дальневосточного государственного университета. Владивосток, 1969. 120 с.
7. Чудиновских К. А. Подведомственность в системе гражданского и арбитражного процессуального права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 306 с.
8. Ефимова Ю. В. Изменение понятия подсудности в современном гражданском судопроизводстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 6. С. 207–212.
9. Ефимова Ю. В. Система подсудности в гражданском судопроизводстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 4. С. 265–268.

10. Васьковский Е. В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Статут, 2016. 624 с.
11. Арбитражный процесс: учебник / Отв. ред. Д. Х. Валеев и М. Ю. Челышев. М.: Статут, 2010. 572 с.
12. Конова Ф. Р. Влияние доктрины на трансформацию понятия «компетенция суда» в контексте реформирования цивилистического процессуального законодательства // Вестник гражданского процесса. 2022. №1. С. 127–157.
13. Васильев Д. П. Разграничение компетенции между судами общей и арбитражной юрисдикции // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 2 (121). С. 164–170.

References

1. *Actual problems of civil and administrative proceedings*. V. V. Yarkov (ed). Moscow: Statut; 2011. 460 p. (In Russ.)
2. Osipov Yu. K. *Jurisdiction of legal affairs*. Sverdlovsk; 1973. 124 p. (In Russ.)
3. Argunov V. V. Breaking the legal foundations or ordinary elimination of another legal purism in judicial practice? Commentary on the Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 13, 2016 No. 306-ES15-14024. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2016;(8). (In Russ.)
4. Gurvich M. A. *Right to claim*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR; 1949. 216 p. (In Russ.)
5. Schweitzer D. V. *Civil process and arbitration*. Moscow, 1960. 56 p. (In Russ.)
6. Eliseikin P. F. Protection of subjective rights and interests and the competence of the court in civil proceedings. In: *Scholarly notes of the Far Eastern State University*. Vladivostok; 1969. 120 p. (In Russ.)
7. Chudinovskikh K. A. *Jurisdiction in the system of civil and arbitration procedural law*. St. Petersburg; Legal Center Press, 2004. 306 p. (In Russ.)
8. Efimova Yu. V. Changing the concept of jurisdiction in modern civil proceedings. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2019;(6):207–212. (In Russ.)
9. Efimova Yu. V. The system of jurisdiction in civil proceedings. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2019;(4):265–268. (In Russ.)
10. Vaskovskiy E. V. *Civil procedure course: Subjects and objects of the process, procedural relations and actions*. Moscow: Statut; 2016. 624 p. (In Russ.)
11. *Arbitration process: textbook*. D. H. Valeev, M. Yu. Chelyshev (eds.). Moscow: Statut; 2010. 572 p. (In Russ.)
12. Konova F. R. The impact of the doctrine on the transformation of the concept of "competence of the court" in the context of reforming the civil procedural legislation. *Vestnik grazhdanskogo protsessa = Bulletin of the civil process*. 2022;(1):127–157. (In Russ.)
13. Vasiliev D. P. Delimitation of competence between courts of general and arbitration jurisdiction. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2018;2(121):164–170. (In Russ.)

Информация об авторе

М. Ю. Петрова – аспирант кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии.

Information about the author

M. Yu. Petrova – Postgraduate Student of the Department of Civil Procedure of Saratov State Law Academy.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest

Статья поступила в редакцию 30.01.2023; одобрена после рецензирования 16.02.2023; принята к публикации 17.02.2023.

The article was submitted 30.01.2023; approved after reviewing 16.02.2023; accepted for publication 17.02.2023.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 154–160
North Caucasus Legal Vestnik. 2023;(1):154–160

Проблемы трудового права

Научная статья

УДК 349.2

doi: 10.22394/2074-7306-2023-1-1-154-160

СОЦИАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА КАК ПРИЗНАК ТРУДОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Кирилл Викторович Пятков

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия, kpv0407@gmail.com

Аннотация. В рамках указанной статьи автором проводится анализ термина «социальная инфраструктура», а также порядок его применения в современном российском законодательстве, также автором исследуется содержание указанного термина в различных областях юриспруденции, в целях выработки единых подходов по определению признаков осуществления трудовой деятельности в сфере обеспечения жизнедеятельности населения.

Ключевые слова: трудовое право, субъекты, социальная инфраструктура, правоотношения, обеспечение жизнедеятельности

Для цитирования: Пятков К. В. Социальная инфраструктура как признак трудовых правоотношений в сфере обеспечения жизнедеятельности населения // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 154–160. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-1-154-160>

Problems of Labor law

Original article

SOCIAL INFRASTRUCTURE AS A SIGN OF LABOR RELATIONS IN THE FIELD OF ENSURING THE LIFE OF THE POPULATION

Kirill V. Pyatkov

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia, kpv0407@gmail.com

Abstract. Within the framework of this article, the author analyzes the term "social infrastructure", as well as the procedure for its application in modern Russian legislation, the author also examines the content of this term in various areas of jurisprudence, in order to develop common approaches to determining the signs of labor activity in the field of ensuring the life of the population.

Keywords: labor law, subjects, social infrastructure, legal relations, life support

For citation: Pyatkov K. V. Social infrastructure as a sign of labor relations in the field of ensuring the life of the population. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(1):154–160. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-1-154-160>

Современное состояние правоотношений в области трудового законодательства выделяет особую роль процесса дифференциации трудовых правоотношений на основании различных критериев, как закрепляемых нормативным регулированием, так и вырабатываемых наукой трудового права.

В настоящее время особое внимание заслуживают правоотношения в сфере обеспечения жизнедеятельности населения, как правоотношения, непосредственно затрагивающие качество жизни не только самих участников подобного рода отношений, но и общества в целом.

Так, предопределяя важность правоотношений, связанных с обеспечением жизнедеятельности населения, на основании критериев, установленных в рамках статьи 142, 413 ТК РФ, мы обнаруживаем возможность исследования указанных сфер труда в контексте термина «социальная инфраструктура».

Следует отметить, что указанные статьи Трудового кодекса взаимосвязаны между собой ограничениями прав работников конкретных сфер труда, по критерию обеспечения жизнедеятельности населения, однако что подразумевается под указанным критерием законодателем не раскрыто.

Таким образом, целью настоящего исследования является анализ термина «социальная инфраструктура» в российском законодательстве, его раскрытие в научной литературе, рассмотрение возможности использования указанного термина для выделения групп работников, связанных с обеспечением жизнедеятельности населения.

В связи с этими обстоятельствами обращает на себя внимание Постановление Правительства РФ от 28.10.2022 № 1915 «Об отдельных вопросах, связанных с командированием на территории Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области», в рамках которого установлено, что работникам организаций и учреждений, подведомственных федеральным государственным органам, работникам иных организаций, принимающим непосредственное участие в выполнении работ (оказании услуг) по обеспечению жизнедеятельности населения и (или) восстановлению объектов инфраструктуры (в том числе по восстановлению вооружения, военной и специальной техники) на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области, в период нахождения в служебных командировках на территориях указанных субъектов Российской Федерации:

- сохраняется средняя заработная плата (средний заработок), рассчитанный в соответствии с Положением об особенностях порядка исчисления средней заработной платы, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 24.12.2007 № 922 «Об особенностях порядка исчисления средней заработной платы», выплачиваемый в двойном размере;
- компенсируются дополнительные расходы, связанные с проживанием вне постоянного места жительства (суточные), возмещаются в размере 8480 рублей за каждый день нахождения в служебной командировке (также работодатель вправе выплачивать безотчетные суммы в целях возмещения дополнительных расходов, связанных с такими командировками)¹.

Дополнительно в соответствии с письмами Минфина России от 05.10.2022, 28.09.2022, и 14.09.2022 указывается, что размеры суточных в рублях, выплачиваемых работникам организаций, финансируемых за счет средств федерального бюджета, при служебных командировках на территории иностранных государств, установленные приложением № 1(1) к постановлению Правительства Российской Федерации от 26.12.2005 № 812 выплачиваются работникам принимающим непосредственное участие в выполнении работ (оказании услуг) по обеспечению жизнедеятельности населения и (или) восстановлению объектов инфраструктуры на территориях Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики².

Из указанных актов следует практический аспект необходимости определения такого понятия, как «социальная инфраструктура» в контексте законодательства Российской Федерации, как предопределяющего возможности получения отдельных льгот и гарантий в связи с наличием признаков работы на объектах подобной инфраструктуры.

¹ Постановление Правительства РФ от 28.10.2022 № 1915 «Об отдельных вопросах, связанных с командированием на территории Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области» // Собрание законодательства РФ, 2022, № 45, Ст. 7703.

² Письмо Минфина России от 28.09.2022 № 03-04-06/93642 // Нормативные акты для бухгалтера. 2022. № 20; Письмо Департамента налоговой политики Минфина России от 05.10.2022 № 03-03-06/3/96066 // СПС Консультант Плюс; Письмо Департамента налоговой политики Минфина России от 14.09.2022 № 03-04-07/88983 // Нормативные акты для бухгалтера. 2022. № 20.

Кроме того, в таком случае раскрытие указанного термина и определение смысловой нагрузки позволит выделить его характерные особенности, определяющие возможность отнесения субъекта трудовой деятельности к указанной группе лиц.

Необходимо отметить, что гарантии, предусмотренные описываемыми актами, упоминают такие понятия, как деятельность в сфере обеспечения жизнедеятельности населения, восстановление инфраструктуры, однако основные нормы трудового законодательства более такой терминологией не располагают, ранее ее не содержали.

В тоже время, сам термин социальная инфраструктура с точки зрения научной литературы также не носит какого-либо развитого характера, более того, имеющиеся в такой литературе точки зрения не позволяют однозначно раскрыть содержание рассматриваемого понятия.

Анализируя научные позиции по вопросу содержания понятия «социальная инфраструктура», в том числе обращаясь к работе Е. В. Милоенко, следует отметить, что в указанной статье автор обозначает социальную инфраструктуру как общественную, материально-техническую базу для создания и потребления социально-экономических услуг, обеспечивающую воспроизводство населения и формирующая достойный уровень и качество жизни человека в регионе и стране [1, с. 177]. То есть в настоящем случае социальная инфраструктура представляется средством трудовой деятельности, в результате использования которого обеспечивается выполнение как текущих потребностей общества, так и формируется перспектива роста качества жизни общества.

В работе М. И. Бижанова и П. И. Магомедова отмечается два основных подхода к определению социальной инфраструктуры: материально-вещественный (отраслевой) и деятельностный [2, с. 16-17]. В дальнейшем в качестве примера подхода к социальной инфраструктуре как отрасли ими приводится определение М.А. Абрамова, который указывал, что под социальной инфраструктурой понимается комплекс или совокупность объектов, сооружений, предприятий и учреждений, обеспечивающих на определенной территории необходимые материальные и культурно-бытовые условия жизни населения [3, с. 19].

В качестве альтернативной точки зрения ими предлагается рассматривать понятие Е. Г. Руссковой, которая предлагает рассматривать социальную инфраструктуру как комплекс отраслей и видов деятельности, связанных с воспроизводством рабочей силы: здравоохранение, образование, розничная торговля, пассажирский транспорт, жилищно-коммунальное хозяйство, сфера организации досуга, туризм, общественное питание, бытовое обслуживание и т.д. [4, с. 22].

Сами авторы формулируют термин социальной инфраструктуры как территориально-отраслевой комплекс, обеспечивающий социально-пространственные условия воспроизводства рабочей силы и социальной защиты населения через оказание взаимосвязанных, но не взаимозаменяемых услуг населению в форме социально-значимой деятельности [2, с. 17].

Анализируя представленные позиции следует отметить, что содержание отраслевого подхода М. А. Абрамова по своему существу является сходным с понятием Е. В. Милоенко, за исключением описания процессов роста качества жизни общества в стратегическом масштабе.

В свою очередь, позиция Е. Г. Руссковой предполагает раскрытие термина в иной плоскости – как средств труда, направленного на восстановление трудовых функций общества, что, на наш взгляд является более узким содержанием отраслевого подхода.

Обращаясь к нормативной базе рассматриваемого вопроса, следует отметить, что однозначно определить круг работников, задействованных в работах с признаками включения такой деятельности в социальную инфраструктуру, исходя из их трудовой функции не представляется возможным, хотя бы в том виде, в каком перечень работников, обеспечивающих жизнедеятельность населения, сформулирован в статьях 142, 413 ТК РФ.

Так, согласно Требованиям к программам комплексного развития социальной инфраструктуры поселений, городских округов, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 01.10.2015 № 1050, под объектами социальной инфраструктуры поселения, городского

округа понимаются объекты местного значения поселения, городского округа в областях образования, здравоохранения, физической культуры и массового спорта и культуры¹.

Однако, как видится из содержания иных правовых актов, из поля зрения указанного Постановления пропадают объекты водоснабжения и теплоснабжения, транспорта.

В соответствии с нормами Градостроительного кодекса Российской Федерации согласно подпунктам 24-25 части 1 статьи 1 предусмотрено определение понятий системы коммунальной инфраструктуры, под которой понимается комплекс технологически связанных между собой объектов и инженерных сооружений, предназначенных для осуществления поставок товаров и оказания услуг в сферах электро-, газо-, тепло-, водоснабжения и водоотведения до точек подключения (технологического присоединения) к инженерным системам электро-, газо-, тепло-, водоснабжения и водоотведения объектов капитального строительства, а также объекты, используемые для обработки, утилизации, обезвреживания, захоронения твердых коммунальных отходов, дается определение программ транспортной и социальной инфраструктуры.

Также, в статье Д.А. Ковлагина указывается, что понятие объектов социальной инфраструктуры раскрывается в примечании 2 к статье 207 УК РФ путем перечисления учреждений сфер образования, здравоохранения, транспорта и иных организаций, предоставляющих различные услуги (перечень не исчерпывающий). В данной работе автор отмечает, что согласно законодательству к объектам социальной инфраструктуры также возможно отнести жилые здания, кафе, магазины, телебашни, стадионы, аэропорты [5, с. 47].

В указанной части следует отметить, что рассмотренный обзор законодательства позволяет констатировать отсутствие однозначного законодательного толкования термина «социальная инфраструктура», более того, для различных отраслей законодательства указанный термин наполнен собственной спецификой.

С этой точки зрения, представляется более целесообразным рассмотреть, в том числе трудовое законодательство в контексте перечня средств трудовой деятельности, закрепленных в непосредственно трудовом законодательстве, статьях 142, 413 ТК РФ.

Рассматривая такую категорию, как «железнодорожный транспорт», упомянутую в статье 413 ТК РФ, следует отталкиваться от понятия, изложенного в рамках части 2 статьи 1 Федерального закона от 10.01.2003 № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации», в рамках которого отмечается, что железнодорожный транспорт в Российской Федерации состоит из железнодорожного транспорта общего пользования, железнодорожного транспорта необщего пользования, а также технологического железнодорожного транспорта организаций, предназначенного для перемещения товаров на территориях указанных организаций и выполнения начально-конечных операций с железнодорожным подвижным составом для собственных нужд указанных организаций.

Далее в рамках статьи 2 дается определение понятий железнодорожного транспорта общего пользования, включающего в себя в том числе понятие инфраструктуры железнодорожного транспорта. По существу указанное говорит о широкой трактовке указанного термина, в понятие отрасли железнодорожного транспорта отнесены не только сами локомотивные составы, поезда, но также и вся прилегающая инфраструктура (в том числе железнодорожные станции, пути, средства регулирования движения и иные объекты).

Сравнивая указанную терминологию со сферой воздушного транспорта, следует отметить наличие тенденции к расширению термина «транспорт». Так, в Воздушный кодекс РФ была введена статья 7.1., в рамках которой законодателем определены границы понятия транспортной инфраструктуры воздушного транспорта, по существу, аналогичным образом, как в железнодорожном транспорте, то есть воздушный транспорт нормативно расширен до включения в свой состав в том числе и всей прилегающей инфраструктуры, а также аэропортов, сооружений и зданий вспомогательного назначения.

¹ Постановление Правительства РФ от 01.10.2015 № 1050 «Об утверждении требований к программам комплексного развития социальной инфраструктуры поселений, городских округов»// Собрание законодательства Российской Федерации, 2015, № 41 (часть III), Ст. 5661.

Вместе с тем, между железнодорожным и воздушным транспортом существует принципиальное различие в правах собственности на указанную инфраструктуру.

Так, в соответствии с Федеральным законом от 10.01.2003 № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации», а также Федеральным законом от 10.01.2003 № 18-ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» все объекты, рассматриваемые в контексте понятия железнодорожного транспорта могут находиться в любой форме собственности, в том числе в собственности иных частных лиц.

В то же время Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ устанавливает запрет на возможность приобретения в собственность частных лиц и организации любой инфраструктуры государственной авиации и объектов единой системы организации воздушного движения. При этом Верховный Суд РФ отмечал в своем постановлении, что действующим законодательством не предусмотрено в качестве обязательного условия отнесения зданий, строений, сооружений авиационно-ремонтного завода к объектам воздушного транспорта их нахождение в федеральной собственности и системной связи с объектами единой системы организации воздушного движения¹.

Рассматривая аналогичные положения в рамках Кодекса внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 07.03.2001 № 24-ФЗ, также отмечается тенденция ограничения права собственности на отдельное имущество. Так, в рамках статьи 53 названного закона указано, что средства навигационного оборудования и другие объекты навигационно-гидрографического обеспечения, объекты и сооружения, входящие в системы управления движением судов, оборудование технологической связи речного транспорта, объекты и средства автоматической информационной системы, единой службы контроля судоходства и управления судоходством могут находиться только в федеральной собственности.

Указанные выше положения позволяют констатировать, что на сегодняшний день такой критерий, как социальная инфраструктура, с точки зрения его восприятия как средства труда, не является систематизированным для рассматриваемых сфер труда, не позволяет определить единые критерии отнесения работников указанных сфер к одной группе лиц, осуществляющих работы по обеспечению жизнедеятельности общества. То есть, хотя средства труда в виде определенных наименований закреплены в транспортном законодательстве, однако признаки средств труда, в частности, на основании прав собственности, не являются для данных отраслей идентичными.

В то же время сам по себе указанный критерий не смещается из вектора нашего внимания. Действительно, указанным критерием невозможно «приравнять» всех участников трудовых отношений в рамках различных сфер труда к единым признакам, однако указанные субъекты могут быть определены в рамках собственных сфер, поскольку, как и указано выше, термины средств труда определены в рамках регулирующих норм рассматриваемых сфер труда.

Таким образом самостоятельно наделить термин «социальная инфраструктура» собственным смыслом и содержанием в рамках текущего законодательства не представляется возможным. В тоже время мы имеем представление о нормативном перечне сфер хозяйственной деятельности, которые законодательно относятся к области обеспечения жизнедеятельности населения.

Уже в рамках конкретного правового регулирования мы имеем возможность определить через основные понятия, заложенные в законодательство рассматриваемых сфер труда, критерии такой инфраструктуры, что было продемонстрировано на примере железнодорожного, воздушного и водного транспорта выше.

Таким образом, содержание термина «социальная инфраструктура» обусловливается определением средств труда конкретной сферы хозяйствующего субъекта, отнесенного к перечню видов деятельности, закреплённому в рамках статей 142, 413 ТК РФ.

---

¹ Определение Верховного Суда РФ от 22.07.2016 № 308-ЭС16-7807 по делу № А53-16236/2014// СПС Консультант Плюс

Из указанного уже следует, что под критерии рассматриваемого постановления могут попадать лица, осуществляющие свою непосредственную деятельность в рамках инфраструктуры отраслей энергообеспечения, отопления и теплоснабжения, водоснабжения, газоснабжения, в области авиационного, железнодорожного и водного транспорта, связи, больниц.

Вместе с тем, стоит отметить, что в контексте термина «больница» законодательство не содержит легального определения что такое «больница», указанное может вызвать сложности при определении такого вида работ и деятельности.

В целом касаясь сферы здравоохранения, невозможно не отметить большую сложность выработки какого-либо целостного понятия в контексте понимания ее «инфраструктуры», поскольку хотя отраслевое законодательство и апеллирует к терминам «медицинская инфраструктура», «инфраструктура здравоохранения», указанные термины не раскрываются ни в рамках законов, ни в рамках подзаконных актов, что, безусловно, играет свою роль в понимании того, на что именно должны производиться, например, отчисления бюджетных и инвестиционных средств.

В этом ключе хотелось бы упомянуть статью А. Д. Нефедьева и Д. К. Балаханова, в которой авторами отмечается, что инфраструктура здравоохранения на внутреннем уровне, по их мнению, включает в себя структуры непосредственного жизнеобеспечения (медицину), профилактики, рекреации, фармацевтики и медицинского оборудования. Кроме того, авторами делается вывод о том, что инфраструктуру здравоохранения следует развивать как один из важнейших компонентов социальной инфраструктуры [6, с. 31].

Из указанного следует, помимо прочего, необходимость разрешения принципиальной проблемы обособленного рассмотрения термина «социальная инфраструктура», сформировавшегося в силу отсутствия единообразного подхода в науке и законодательстве к содержанию этого понятия, потребность к наделению этого понятия собственной смысловой нагрузкой.

В этом смысле следует признать обоснованность необходимости разработки, в том числе путем включения в состав трудового кодекса новой статьи, единого для отраслей, перечисляемых в статьях 142, 413 ТК РФ понятия термина социальной инфраструктуры, поскольку, как следует из отраслевых норм именно с ее функционированием законодатель связывает особенности труда работников, обеспечивающих жизнедеятельность населения.

Но прежде всего следует определить единый список таких отраслей, поскольку перечни видов деятельности, рассматриваемые в указанных статьях имеют различный состав, что приводит к противоречию уже в самом Трудовом кодексе.

Список источников

1. Милоенко Е. В. Теоретические подходы к понятию социальной инфраструктуры // Инновационная наука. 2015. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-ponyatiyu-sotsialnoy-infrastruktury> (дата обращения: 28.10.2022).
2. Бижанова М. И., Магомедова П. И. К вопросу о трактовке понятия социальной инфраструктуры // ТДР. 2006. №12-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-traktovke-ponyatiya-sotsialnoy-infrastruktury> (дата обращения: 28.10.2022).
3. Абрамов М. А. Производство и сфера обслуживания: размещение, взаимосвязь, комплексное развитие. М., 1977. 238 с.
4. Русскова Е. Г. Становление рыночной инфраструктуры: методологический аспект // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 3. Экономика. Право. Часть 1. Экономика. Вып. 2. 1997.
5. Ковлагина Д. А. Проблемы дифференциации ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма // Уголовное право. 2019. № 6. С. 46–50.
6. Нефедьев А. Д., Балаханова Д. К. Некоторые аспекты развития инфраструктуры здравоохранения // Транспортное дело России. 2009. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-razvitiya-infrastruktury-zdravoohraneniya> (дата обращения: 26.01.2023).

References

1. Miloenko E. V. Theoretical approaches to the concept of social infrastructure. *Innovacionnaya nauka = Innovative science*. 2015;(9). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-ponyatiyu-sotsialnoy-infrastruktury> [Accessed 28.10.2022]. (In Russ.)
2. Bizhanova M. I., Magomedova P. I. To the question of the interpretation of the concept of social infrastructure. *TDR. = Transport business in Russia*. 2006;(12-1). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-traktovke-ponyatiya-sotsialnoy-infrastruktury> [Accessed 28.10.2022]. (In Russ.)
3. Abramov M. A. *Production and service sector: placement, relationship, integrated development*. Moscow; 1977. 238 p. (In Russ.)
4. Russkova E. G. Formation of market infrastructure: methodological aspect. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Volgograd State University. Part. 3. Economy. Right. Part 1. Economics*. Issue. 2. 1997. (In Russ.)
5. Kovlagina D. A. Problems of differentiating responsibility for a knowingly false report about an act of terrorism. *Ugolovnoe parvo = Criminal law*. 2019;(6):46–50. (In Russ.)
6. Nefediev A. D., Balakhanova D. K. Some aspects of healthcare infrastructure development. *Transportnoe delo Rossii = Transport business of Russia*. 2009;(8). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-razvitiya-infrastruktury-zdravoohraneniya> [Accessed 26.01.2023]. (In Russ.)

Информация об авторе

К. В. Пятков – аспирант юридического факультета Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

Information about the author

K. V. Pyatkov – Post-Graduate Student of the Department of Labor and Social Law of Dostoevsky Omsk State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest

Статья поступила в редакцию 06.02.2023; одобрена после рецензирования 28.02.2023; принята к публикации 01.03.2023.

The article was submitted 06.02.2023; approved after reviewing 28.02.2023; accepted for publication 01.03.2023.

РЕЦЕНЗИИ

Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 161–164

North Caucasus Legal Vestnik. 2023;(1):161–164

Рецензии

Рецензия на книгу

УДК 34.01

doi: 10.22394/2074-7306-2023-1-1-161-164

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: СЕРКОВ П. П. ПРАВООТНОШЕНИЕ (ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ): МОНОГРАФИЯ: В ДВУХ ЧАСТЯХ.
М.: НОРМА, 2023. Ч. I – 872 С., Ч. II – 672 С.**

Ибрагим Аюбович Фаргиев

Верховный Суд Республики Ингушетия, Магас, Россия, fargiev@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются идеи профессора П. П. Серкова по проблеме правоотношения через призму теории и практики современной правовой политики. Этот вопрос проанализирован им комплексно, учитывая сведения, накопленные представителями различных наук. Рецензируемая книга включает в себя переплетение исторических, психологических, социологических, антропологических, правовых идей, статистических данных и отношение к правоотношению в научной литературе, а также анализ законодательства. Оценивается подход автора к изучению механизма правоотношения и политико-правовым процессам в широком контексте с использованием достижений общественных и естественных наук. Фундаментальное исследование может стать началом нового этапа размышлений о правовой политике, оно способно стать стимулом для дальнейших исследований в области теории правоотношений.

Ключевые слова: теория правоотношений, правовые идеи, правовая доктрина, правовая политика, нормы права

Для цитирования: Фаргиев И. А. Рецензия на книгу: Серков П. П. Правоотношение (теория и практика современной правовой политики): Монография: в двух частях. М.: Норма, 2023. Ч. I – 872 с., ч. II – 672 с. // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 161–164. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-1-161-164>

Reviews

Book Review

**BOOK REVIEW: SERKOV P. P. LEGAL RELATIONSHIP (THEORY AND PRACTICE
OF MODERN LEGAL POLICY): MONOGRAPH: IN TWO PARTS.
M.: NORMA, 2023. PART I – 872 P., PART II – 672 P.**

Ibragim A. Fargiev

Supreme Court of the Republic of Ingushetia, Magas, Russia, fargiev@yandex.ru

Abstract. The ideas of Professor P. P. Serkov on the problem of legal relations are considered through the prism of the theory and practice of today's legal policy. This issue was analyzed by him comprehensively, taking into account the information accumulated by representatives of various sciences. The book under review includes an interweaving of historical, psychological, sociological, anthropological, legal ideas, statistical data and attitudes to legal relations in the scientific literature, as well as an analysis of legislation. The author's approach to the study to the study of the mechanism of legal relations and political and legal processes in a broad context using the achievements of social and natural sciences is evaluated. Fundamental research can be the beginning of a new stage of reflection on legal policy, it can become an incentive for further research in the field of legal relations theory.

Keywords: theory of legal relations, legal ideas, legal doctrine, legal policy, legal norms

For citation: Fargiev I. A. Book review: Serkov P. P. Legal relationship (theory and practice of modern legal policy): monograph: in two parts. M.: Norma, 2023. Part I – 872 p., part II – 672 p. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(1):161–164. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-161-164>

Не прошло и трех лет, как вышла в свет новая основательная монография П. П. Серкова «Правоотношение (Теория и практика современной правовой политики)», состоящая из двух частей, включающих в себя введение и по две главы в каждой части. Во введении автор формулирует мотивы, побудившие его продолжить углублённое изучение сложной в юриспруденции темы, а именно – правоотношения; ориентирует читателя на ознакомление с нетрадиционным материалом и новыми методами его исследования, позволяющими критически оценить свои способности.

Часть первая «Правовая доктрина и меры правовой политики» и Часть вторая «Обобщение юридических опытов восхождения к человеку, обществу и государству». Следует только всячески приветствовать поистине научный подвиг автора, принимая во внимание его предыдущие солидные труды, изданные в 2018 и 2020 годах [1–2]. Выдающуюся работу сложно оценивать. Исследование, отличающееся новым оригинальным подходом, подвергаясь сомнению устоявшиеся, незыблемые научные доктрины, изложением смелых суждений, современниками воспринимается неоднозначно, критически, с осторожным оптимизмом либо восторженно. Это естественный процесс, характерный для осознания значения фундаментального исследования настоящим и будущим поколениям юристов. В рецензируемой книге ученого, обладающего огромным практическим опытом, профессора П.П. Серкова всесторонне, используя новые методологические подходы и данные междисциплинарных исследований, произведен поиск направлений развития концепции механизма правоотношения через анализ теории и практики современной правовой политики.

Сочинение выделяется следующими важными обстоятельствами:

- во-первых, в конце книги нет библиографического списка, но практически каждую ее страницу украшают многочисленные подстрочные примечания, свидетельствующие о колоссальном объеме работы с исследованиями, проделанной автором;

- во-вторых, разносторонностью: помимо чисто правовых представлений о правоотношении и правовой политике, в издании задействованы и критически оценены не только стандарты юриспруденции, но и психологии, социологии, теологии, политики, истории, философии, лингвистики, антропологии;

- в-третьих, многочисленные сложные вопросы темы сопровождаются иллюстрацией схем, стендов, картин, позволяющих осознать логику рассуждений и направление мыслей автора;

- в-четвертых, индивидуальным стилем, состоящим из сплава терминологического богатства и публицистики, свидетельствующим о преимуществах «оживления» сухого (нормативного) юридического языка словарным запасом других сфер жизни.

Часть первая посвящена правовой доктрине и мерам правовой политики, в которых автор анализирует правовую действительность и сущность правовой политики. В ней подробно изложена отечественная и зарубежная научная мысль о праве, правопонимании, правоотношении, правовом регулировании. При этом высвечиваются закономерности и противоречия современной правовой действительности, обозначаются проблемные вопросы практики применения норм права. Последовательно обосновывается позиция, что выступающие фундаментом социального и правового бытия с древнейших времен принципы взаимности и паритетности прав и обязанностей можно выявить через анализ механизма правоотношений, действие которого автором на протяжении многих лет обосновывается в настоящем и предыдущих научных изданиях. Как следствие, знания о ценностях права должны основываться на выявлении юридических закономерностей, естественной взаимообусловленности, взаимосвязи прав и обязанностей. Между тем в теории права не предполагаются коррективы научных взглядов на онтологический и гносеологический контекст в происходящих событиях, хотя, казалось бы, юридическая наука обязана конкретно систематизировать свои изыскания, чтобы формулировать тактические и стратегические перспективы мер правовой политики. Автор подчеркивает, что высказанные им суждения о состоянии доктрины права не преследуют цель критики или стремление навесить осуждающие ярлыки, а о включении в полемическое пространство системных недостатков самой юридической науки, как методологических, так и содержательных. (ч. 1, с. 58).

Подробно исследовано в рецензируемой работе значение идей слов и дел для современной юриспруденции, теории права, правового регулирования, отображения сущности свобод (ч. 1, с. 165-304). При этом идеи, слова и дела, исходя из принципа их внутренней непротиворечивости и основания корректируемого познания правовой действительности, автор признает рациональным структурировать на описательный режим, режим правовой динамики, режим правовых ощущений, а также режим обобщений. В монографии подробно раскрыто содержание этих новых понятий о режимах, введенных автором в научный оборот.

Оригинальной следует признать и часть работы П. П. Серкова, посвященную сущности правовой политики. Здесь изучены исторические начала и методологические основы мер правовой политики, сделан анализ понимания современной политики в праве, рассмотрены и ее закономерности. В монографии затронуты многие другие вопросы, среди которых: проблема значения правосознания и правовых принципов для правовой социализации; правовая политика и правовая идеология; соотношение правовой политики и правовой культуры; соотношение правовой политики и демократии; соотношение правовой политики и межгосударственных отношений. Также проанализированы некоторые аспекты межгосударственного правосудия.

По результатам всестороннего изучения сущности правовой политики заслуживает всемерной поддержки главная мысль о том, что поверхностный подход в современной юриспруденции и теории права к глубинным закономерностям правовой политики, формальный подход к идеям, словам и делам, без учета их мировоззренческих, этических, моральных составляющих создает угрозу стабильному развитию личности, общества, государства и в условиях развивающейся дисгармонии в международных отношениях не способствует раскрытию реальной глобальной правовой картины мира. В то же время детализация сущности правовой политики, исследование человека, общества и государства через юридический эмпирический путь позволяет, как утверждает автор монографии, раскрыть внутренние закономерности эволюции общественных систем в государстве и праве, а также определить механизм правоотношений как главную юридическую закономерность правового регулирования в правовой политике современности.

Вторая часть книги профессора П. П. Серкова посвящена обобщению юридических опытов восхождения к человеку, обществу и государству. В ней он напоминает, что непоколебимо стабильная работоспособность аналитического потенциала идей о механизме правоотношений позволила в ранее изданных произведениях осязаемо разделить право и правовое регулирование, а также сформулировать различные сущности морали и нравственности, поэтому неизменяемая логика возникновения и развития этого механизма уверенно проявила свою системную конкретику в сфере правовой политики.

Во второй книге ученый-практик критически проанализировал различные аспекты неопределенностей права. Всего их четырнадцать, среди которых неопределенности столпа юриспруденции, правовых идей, режима правовой динамики, правопонимания, правовой онтологии, правовой аксиологии, правовой гносеологии, правовой истории и др. Изучены здесь и проблемы определенностей правового регулирования.

Всестороннее обозрение юридических опытов восхождения к человеку, обществу и государству позволило автору раскрыть глубинные закономерности государственно-правовой эволюции общественных систем и определить механизм правоотношений как основную юридическую закономерность правового регулирования в современной правовой политике. Действительно, заслуживает внимания последовательно аргументируемая в монографии идея о том, что установление внутренних закономерностей и глубинных процессов, происходящих в праве, в правопонимании, в правовой действительности, возможно лишь опираясь на реальные, внятные достижения юридической науки, использующей новейшие и нестандартные методологические подходы, в том числе и предлагаемые автором. В связи с отмеченным читателю будут интересны суждения в рецензируемой книге о том, что «результаты современной правовой теории (если их наделить качествами одушевленности) обязаны «войти в каждый дом», как это произошло, например, с азбукой или правилами арифметики, с тем, чтобы юридическим, но доступным «языком» объяснять человеку обществу, государству, что происходит и каким образом» (ч. 2, с. 233). Иначе говоря, уяснение и тиражирование гармонии в юридической организации

субъективного и социального благополучия неизбежно предполагает нравственную оправданность введения правовых норм и государственного принуждения.

П. П. Серков, сопоставляя предметы правовых и естественных наук, показывает их диалектическую взаимосвязь и невозможность игнорирования достижений естествознания в юриспруденции. В работе с приведением многочисленных примеров и с широкой научной аргументацией доказываем, что правовая действительность носит естественный, социальный характер, поскольку конкретный, а не абстрактный человек имеет физиологические и психологические потребности, реализующиеся в общении между личностями, нуждающийся в упорядочивании этих многочисленных отношений.

Таким образом, современные реалии и вызовы требуют объективного научного переосмысления правового регулирования с учетом достижений теории права, общественных наук и естествознания. Предложенная в рецензируемой монографии перспектива развития юриспруденции со значительной детализацией на междисциплинарном уровне способна внести свой вклад в построение общества, которое в состоянии реально обеспечить себе самому, обществу, свой приоритет перед государством, а каждому индивидууму – статус члена общества и гражданина, моральную уверенность, полноправную его социальную и государственную субъектность.

В завершение рецензии необходимо отметить, что монография профессора П. П. Серкова «Правоотношение (Теория и практика современной правовой политики)» представляет собой фундаментальное, творческое и оригинальное научное произведение, которое может стать началом нового этапа размышлений о правовой политике. Оно способно стать стимулом для дальнейших исследований в области теории правоотношений.

Список источников

1. Серков П. П. Правоотношение (Теория и практика современного правового регулирования)», в 3-х ч. М.: Норма, 2018. 1088 с.
2. Серков П. П. Правоотношение (Нравственность современного правового регулирования). М.: Норма, 2020. 688 с.

References

1. *Serkov P. P. Legal relationship (Theory and practice of modern legal regulation)*", in 3 part. Moscow: Norma; 2018. 1088 p. (In Russ.)
2. *Serkov P. P. Legal relationship (Morality of modern legal regulation)*. Moscow: Norma; 2020. 688 p. (In Russ.)

Информация об авторе

И. А. Фаргиев – доктор юридических наук, профессор, председатель Верховного Суда Республики Ингушетия.

Information about the author

I. A. Fargiev – Doctor of Juridical Science, Professor, Chief Justice of the Supreme Court of the Republic of Ingushetia.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest

Статья поступила в редакцию 09.02.2023; одобрена после рецензирования 21.02.2023; принята к публикации 22.02.2023.

The article was submitted 09.02.2023; approved after reviewing 21.02.2023; accepted for publication 22.02.2023.

Редакционная коллегия журнала «Северо-Кавказский юридический вестник» впервые за всю свою историю открывает со следующего номера новую рубрику – «Золотая пропорция в юриспруденции, законодательстве и практике его применения, юридическом образовании». Предлагаем авторам и читателям журнала принять активное участие в подготовке материалов для этой рубрики!

***

8 февраля 2023 г. в Южно-Российском институте управления – филиале РАНХиГС в смешанном формате прошла **Всероссийская конференция с международным участием на тему: «Российская философия права и культурно-цивилизационный выбор России»**, организованная кафедрой теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС. Целью мероприятия стало осмысление идейно-теоретического наследия отечественной философии права для выявления лучших практик правового и властного воздействия на общество, позволяющих конструировать современную социально-политическую реальность с учетом накопленного опыта и осуществлять стратегическое прогнозирование государственного развития России. Соорганизаторами конференции выступили образовательный фонд братьев Трубецких, кафедра теории и истории государства и права ЮФУ в сотрудничестве с дискуссионной площадкой журнала «Государство. Религия. Биоэтика. Право».

На пленарном заседании конференции выступили ученые из Сербии. В частности, **Митрович Божидар Трифунов**, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой Международного, славянского и экологического права МНЭПУ (Белград), в докладе на тему «Первоначальная философия и вера разума народа Рас (русских и сербов) эпохи Лепенского Вира и сакральность этрусско-римского права» предложил оригинальную происхождения русского и сербского права.

Шатковская Т. В., д. ю. н., профессор, зав. кафедрой теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС в докладе на тему: «**Научный подход Н. Н. Алексеева к выбору пути культурно-цивилизационного развития России**» показала, что модель гарантийного государства, предложенная Н. Н. Алексеевым, соответствует ментальным особенностям россиян и вместе с тем базируется на общечеловеческих ценностях свободы, равенства, правды, мира, согласия, единства, справедливости, составляющих сущность права.

Сидорин В. В., к. ф. н., научный сотрудник, руководитель сектора истории русской философии Института философии РАН раскрыл русское философско-правовое наследие в системе исследовательских задач ИФ Российской академии наук.

На пленарном заседании выступили д.ю.н., профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права ЮФУ **Овчинников А. И.**, д.ю.н., профессор кафедры теории и истории государства и права РЮИ МВД России **Небратенко Г. Г.**, д.ю.н., зав. кафедрой теории и истории государства и права Елецкого государственного университета **Алонцева Д. В.** и другие известные ученые.

В мероприятии приняли участие свыше 40 представителей научного сообщества ЮРИУ РАНХиГС, а также ученые Международного, славянского и экологического права МНЭПУ (Белград), Южного федерального университета, Ростовского юридического института МВД России, Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, Института философии РАН, Ростовского государственного архива Ростовской области, фонда братьев Трубецких, Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия, Ростовского государственного экономического университета (РИНХ).

В результате конференции участники приняли резолюцию о дальнейшем развитии научного сотрудничества правоведов ЮРИУ РАНХиГС и Сербии, проведении серии междисциплинарных мероприятий, нацеленных на актуализацию политико-правового дискурса по проблеме теоретического обоснования стратегии духовно-нравственного развития России.

10 февраля 2023 года состоялось заседание дискуссионной площадки научного журнала «Северо-Кавказский юридический вестник» на тему: «Научная критика произведений о революции и о контрреволюции в России».

Работу дискуссионной площадки открыл главный редактор научного журнала «Северо-Кавказский юридический вестник» Шапсугов Дамир Юсуфович, докт. юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации, директор центра правовых исследований ЮРИУ РАНХиГС.

С основным докладом «Историография революции и контрреволюции (имеется в виду борьба государства с политическими противниками)» – выступил докт. юрид. наук, проф. РАНХиГС К. П. Краковский, отметивший, что история русского революционного движения началась 200 лет назад – с декабристов, – и одновременно началась история борьбы государства с ним, сделав акцент на основании тенденции, проявившейся в этом противостоянии, и представил свою периодизацию этой истории. Далее докладчик дал содержательный анализ каждого периода этой борьбы.

1. 1825–1861 – почти полное молчание и о революционном движении, и борьбе с ним (николаевская пауза).

2. 1860–1905 – очень осторожное фактологическое описание общественного движения (народников) и борьбы с ним – преимущественно в форме политической юстиции (две другие формы – военная и полицейская не освещались).

3. 1905–1917 – после известной либерализации, отмены цензуры и провозглашения свободы слова и печати – как результат, появление и публицистики и серьезных работ по названной теме – но! В значительной части полулегальная или нелегальная литература (о народниках и революционных партиях начала XX в. и борьбе с ними).

4. Октябрь 1917–1991 гг. – советская историческая наука была призвана обосновывать историческую закономерность Октябрьской революции и преимущество советского общественно-политического строя. В связи с этим, основной темой исследований в исторической науке становится революционное движение – действует историографический принцип безудержной героизации революционеров.

В советской историографии с самого начала сложилась и устоялась определенная традиция (подходы, принципы) освещения системы государственной власти Российской империи, в целом, и ее карательного аппарата, в частности. В подавляющем большинстве работ обязательными были ссылки на масштабы политической репрессии («бесчисленные жертвы царизма»), судебный и полицейский произвол, началась демонизация государственного – прежде всего, карательного аппарата царизма.

5. 4.а – хотя внутри этого этапа – с 1960-х годов – А. М. Зайончковский – проложил путь и дал толчок к внимательному изучению самодержавия и его политики (Захарова, Аврех, Сергей Троицкий, Юрий Соловьев, Ерошкин, Давидович и мн. др.) – в понимании российского имперского государства ими было сделано немало.

Теперь современные авторы консервативного направления просто отмахиваются от этого пласта литературы только потому, что она основана на марксистской матрице (яркий пример – недавняя монография Верещагина о кассационном Сенате). Думается – зря, хотя, надо признать, конечно, от многого – однозначности и некоторых крайностей советской историографии – следует все-таки отойти и очиститься.

6. Современная (после 1991)

В постсоветской литературе с начала 90-х гг. XX в. (по выражению историка А. Янова, «1991 г. – это 1861 г. русской историографии») идет процесс изменения акцентов, преодоления догматизированных и однозначных суждений, очищения истории от идеологических наносов, выработки новых теоретических подходов к оценке государственно-правового развития страны в пореформенный период и начале XX в. революционного движения и системы средств борьбы режима с ним. В частности, историки «вспомнили», что были процессы не только большевиков, но и революционеров из мелкобуржуазных партий, что среди судей, прокуроров и даже жандармов были не только «жестокие палачи», но и образованные, и чистоплотные юристы, что карательный механизм был обеспечен достаточно обширной юридической базой, а не был сплошь преисподней беззакония и т.д.

Далее докладчик отметил, что в этот период произошел буквальный всплеск работ, посвященных революционному движению в России и борьбе с ним самодержавия (не только историки, но и юристы активно включились).

С начала 2000-х годов в отечественной историографии вновь, как в былые времена, стало набирать силу «консервативное (правое) направление», превратившееся в 10-е годы нынешнего века в ведущий научный и политический тренд. Можно говорить о серьезной ревизии прежних историографических подходов. Причем, эта ревизия достигает таких размахов, что, подчас, по мнению докладчика, приобретает карикатурные формы. Вместо сбалансированной оценки прошлого представители «новой “старой волны”» сконцентрировались на «переименовании» прежних стереотипов, «перекраске» их в противоположный цвет, из черного в белое. Их симпатии полностью на стороне царской власти, на которую они взглянули, поменяв «черные очки» советской историографии на «розовые». Аксиомы историков «неоконсервативной волны» – революционеры – «бесы», самодержавие с его государственными институтами – «белое и пушистое» – подчеркнул докладчик.

Далее он отметил, что если для суровых критиков либеральной политики государства во второй половине XIX в. в лице публицистов М. Н. Каткова и князя В. П. Мещерского, практиков, вроде В. Я. Фукса или придворного ученого-политика К. П. Победоносцева их жесткие оценки происходящего в России еще как-то объяснимы: они были все же в гуще событий, искренне переживали за судьбы страны, пусть и «со своей охранительной колокольни», то для современных ученых, пользующихся «охранительной лексикой» для оценки политики правительства по «исправлению» либерального курса, это выглядит несколько странно.

Современные консервативные историки и юристы, по мнению докладчика, в стремлении максимально опорочить революцию и ее деятелей, по сути, возрождают старую идею П.Б. Струве¹ о рождении нового типа революционера, пишут о «слиянии революционера и разбойника», освобождении революционной психики от всяких нравственных сдержек, а то и прямо о медицинских проблемах психики у них². Типичным примером таких «обличительных» работ является не так давно защищенная диссертация М. А. Смирнова³, ключевым тезисом которой является отнюдь не новая идея о сращивании уголовной и политической преступности.

Далее докладчик привел конкретные примеры научных исследований, в которых, по его мнению, эта идея реализуется в полной мере.

Отмечая попытки ряда историков «демистифицировать и деромантизировать русское революционное движение» (выражение американского историка А. Гейфман) и одновременно обелить режим «России, которую мы потеряли», он обратил внимание на то, что не следует смотреть на описываемые и оцениваемые ими явления исторического прошлого России из окна Департамента полиции (выражение О.В. Будницкого).

Нам представляется, подчеркнул докладчик, что представителям неоконсервативного направления, следует напомнить очень верные слова человека, далекого от левого радикализма, известного деятеля и одного из лучших ораторов кадетской фракции в Государственной думе Ф.И. Родичева: «В русском революционном движении правительство сыграло выдающуюся роль организатора», – справедливо писал он. – Своими преследованиями оно ожесточало, в сущности, очень молодых людей, способствуя их радикализации (сочувствующего превращая в агитатора, агитатора в подпольщика, подпольщика, печатающего прокламацию в террориста). Это касается не только обычных политических средств борьбы, но даже таких радикальных, как политический террор. Тот же Родичев утверждал: «Руками злобной власти вскормлен террор, погубивший Александра II»⁴.

¹ Струве П.Б. Преступление и жертва // Русская мысль. 1911. №10. С.135-144.

² См., напр.: Лурье Ф.М. Индивидуальный политический террор: что это? // Индивидуальный политический террор в России XIX-начало XX в. Материалы конференции. М., 1996. С. 125-130; Гейфман А. Революционный террор в России. 1894-1917. М., 1997.

³ Смирнов М.А. Отечественная преступность и общественно-политическая ситуация в России во второй половине XIX-начале XX века (1861-1917 гг.) Дисс. ... канд. ист. наук. Кострома, 2006.

⁴ Цит. по: Будницкий О.В. Терроризм в русском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2000. С. 339.

Впрочем, не следует оправдывать террористические методы борьбы, применяемые революционерами, – об этом хорошо сказал Лев Толстой в работе «Не могу молчать!», опубликованной, разумеется, в Европе.

В заключение докладчик сделал общий вывод, что необходимо объективное исследование исторического процесса, пора уже прекратить вкладывать в полемику идеологический подтекст.

Уверен, подчеркнул докладчик, что не следует революционеров идеализировать, как это делалось в советской историографии, но также не следует их демонизировать, как это делают сейчас «неоконсерваторы». В равной мере такой подход должен иметь место и в характеристике «карательного» (в советской лексике) или «правоохранительного» (в лексике современной консервативной литературы) аппарата царской России и его служителей.

Видимо, следует найти какое-то «общее мерило», «общепризнанную ценность», с точки зрения которой мы, ученые, должны оценивать события, факты, акторов и т.д. Подсказку мы сможем найти у великого Гегеля. «Всемирная история, – говорил он в лекциях по философии истории, – есть прогресс в сознании свободы, – прогресс, который мы должны познать в его необходимости». Ему вторил Эрих Фромм: «История человечества является историей борьбы за свободу». Революционеры, как бы к ним кто не относился, как ни крути, борцы за свободу. Соответственно, государство, их подавляющее – противодействует движению общества к свободе...

Работа площадки прошла в динамичном режиме. Выступили ученые разных политических взглядов:

Сырых Владимир Михайлович – д. ю. н., профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (Российский государственный университет правосудия, г. Москва).

Соломко Зарианна Владимировна – к. ю. н., доцент кафедры теории права, государства и судебной власти (Российский государственный университет правосудия, г. Москва)

Туманова Анастасия Сергеевна – д. ю. н., д. ист. н., профессор (Высшая школа экономики, г. Москва).

Шатковская Татьяна Владимировна – д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства (Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону).

Данилов Андрей Геннадьевич – д. ю. н., профессор кафедры теории и истории права и государства (Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону).

Шатковская Т.В. в своем выступлении отметила, что выход из ситуации многообразия разноречивых подходов к советскому государству и праву один – встать на научные позиции. Необходимо исходить из того, что государство должно брать на себя задачи по обеспечению безопасности, охраны жизни, здоровья и имущества не только «гегемонов», но и других людей во имя сохранения государственного единства. Соответственно позитивное право не может быть положительным, если оно служит интересам только одной социальной группы.

С экспертным заключением выступил Кодан Сергей Владимирович – д. ю. н., профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, главный научный сотрудник управления научных исследований, профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург.

Проведение дискуссионной площадки научного журнала «Северо-Кавказский юридический вестник» получило высокую оценку **С. В. Кодана**, а также **В. М. Сырых**, который выразил свое желание направить свою статью в первый номер 2023 г. «столь уважаемого и авторитетного научного журнала».

Такая высокая оценка нашей работы повышает рейтинг журнала среди научного сообщества и имеет большое значение для всех авторов научного журнала «Северо-Кавказский юридический вестник» – отметила в завершение начальник отдела развития научных журналов **Людмила Леонидовна Садовая**.

15 февраля 2023 года в Южно-Российском институте управления – филиале РАНХиГС в смешанном формате состоялось заседание Школы правового мышления на тему: «Манифест как памятник права и выражение политико-правового мышления эпохи». Это уникальный проект, реализуемый под руководством д.ю.н., профессора, Заслуженного юриста РФ, директора центра правовых исследований Д. Ю. Шапсугова совместно с кафедрой теории и истории права и государства (модератор проекта, зав. кафедрой, д.ю.н., профессор Т.В. Шатковская). Соорганизатором проекта выступает Учебно-научный центр ЮРИУ РАНХиГС (координатор проекта к.э.н., доцент Н. В. Брюханова).

Цель проекта состоит в правовом просвещении и консолидации юридического сообщества в направлении формирования навыков правового мышления как в теоретической, так и в практической деятельности юриста.

С основным докладом выступил Д. Ю. Шапсугов. В его выступлении были освещены такие актуальные для современной юриспруденции вопросы, как соотношение юридического и правового мышления, роль манифестов в понимании особенностей политико-правового мышления эпохи, влияние манифестов на общественное правосознание и многие другие дискуссионные вопросы. На примере Коммунистического манифеста 1848 г. Дамир Юсуфович дал мастер-класс критического осмысления памятников политико-правовой мысли.

В докладе зав. кафедрой, д.ю.н., профессора Т. В. Шатковской манифесты получили освещение как памятники российского права, обладавшие высшей юридической силой. Они предназначались для оповещения населения либо о царских милостях, либо об особо крупных государственных событиях, имевших всеобщий характер. На примере манифестов Александра II докладчик показал возрастание роли общественного мнения при переходе к конституционному государству. Данная тенденция просматривается и в манифестах, которые не только содержат милости от императора, минимизирующие зло от несовершенных государственных порядков, но и разъясняют обществу стратегию государственных преобразований.

В порядке дискуссии на заседании выступил к.и.н., доцент, директор Государственного архива Ростовской области Н. А. Трапш. Он, в частности, подчеркнул, что последовательное формирование индивидуального и коллективного правосознания в отдельных случаях детерминировано деструктивными практиками социального протеста, признанные лидеры которых прибегают к целенаправленному использованию легитимационных практик официальных властей. По мнению докладчика, ярким примером подобной трансформации являются сохранившиеся "Манифесты", изданные от имени Петра III самозванцем Е. И. Пугачевым. Сохранив некоторые внешние признаки правового акта, повстанческие лидеры наполнили основной текст актуальными пожалованиями, которым рассчитывали придать легитимный характер.

В выступлении к.ю.н., доцента С. П. Федоренко была дана характеристика Манифеста 17 октября 1905 г., призванного заложить прочную основу взаимодействия императорской, законодательной и представительной власти и обеспечить баланс интересов между основными социально-политическими силами государства. Следующим логическим этапом должно было быть принятие Конституции Российской империи, чему, по мнению докладчика, помешали революционные процессы внутри государства и изменения в геополитическом пространстве.

В обсуждении докладов приняли участие д.и.н., профессор А. Г. Данилов, к.ю.н., доцент Ю. Н. Радачинский, ст. преподаватель М. С. Терентьева и другие ученые.

Интерес к мероприятию проявили не только опытные правоведы и историки, но и молодые исследователи. Активное участие в обсуждении проблематики заседания приняли А. А. Павлова, А. А. Акопян, А. В. Баева, М. С. Диденко и др.

Всего в мероприятии приняли участие свыше 40 ученых, аспирантов, студентов из вузов г. Ростова-на-Дону.

Приглашаем всех заинтересованных в проблематике проекта присоединяться к заседаниям Школы правового мышления!

**Презентация книги А. В. Кокина и А. А. Кокина
«Золотое сечение и эволюция (введение в общую теорию нелокальной эволюции)»**

14 февраля 2023 года на площадке ЮРИУ РАНХиГС прошла презентация новой научной книги А. В. Кокина и А. А. Кокина «Золотое сечение и эволюция (введение в общую теорию нелокальной эволюции)».

Александр Васильевич Кокин – доктор геолого-минералогических наук, профессор кафедры экономики, финансов и природопользования ЮРИУ РАНХиГС – автор более 250 научных работ, включая 43 книги. Область научных интересов: геология, минералогия, литология, геохимия, мировые ресурсы в мировой экономике, экономика природопользования, экология и безопасность, экологический менеджмент.

Книга «Золотое сечение и эволюция» является продолжением междисциплинарного исследования автора в области познания действительного мира и места в нем человека. По словам ученого, это одна из немногих попыток создать общую теорию эволюции. Александр Васильевич Кокин уверен, что ему удалось найти связь между естественными процессами, организацией человеческого общества, экономическими и социальными явлениями и квантовым миром.

Исследования проводились совместно с Александром Александровичем Кокиным, сферу интересов которого составляет ядерная физика. В связи с этим, работа приобрела еще большую объемность и разноплановость. *«Совместно мы нашли общие вопросы, с помощью которых исследовали события. Он в квантовом мире, а я в локальном. У нас получилось создать междисциплинарную работу. В исследовании мы пришли к выводу, что в сотворении Вселенной, социальных проблемах и даже в пропорциях футбольного поля действуют одни и те же законы. Они и описаны в книге»* – рассказал автор.

Мы давно говорим о единстве Мира, который представлен локальным (окружающим нашу действительность, включая масштабы планет, звёзд и Вселенной) и нелокальным – квантовым миром. Существуют много гипотез и теорий, которые пытаются описать природу по частям, включая живой и неживой, социальный мир со всеми его атрибутами отношений и т. д. И сложность создания общей теории эволюции наталкивается на ряд трудностей, связанных с тем, что на разных уровнях организации вещества и материи предполагается возможность действия разных (например, квантовых) законов в рамках не классической, а новой физики. Но если мы допускаем существование единства мира, то локальный мир нашей действительности возник из нелокального – квантового. А стало быть в сущности самой природы, объединяющей наличие локальности и нелокальности, должен существовать принцип эволюции ВСЕГО, в котором не только доминирует вечное движение, но в его состояниях могут периодически возникать необходимости достижения устойчивости или неустойчивости динамического равновесия в зависимости от тех или иных условий среды.

В попытке подойти к созданию всеобщей теории эволюции авторы¹ обратились к модели золотого сечения (пропорции), в рамках которой существует возможность изучить любые состояния относительно числа Фидия ($\Phi=1,618...$). И если сравниваемые состояния отвечают этому числу (или близки к нему), то они находятся в устойчивом динамическом равновесии по отношению к другим.

На уровне эволюции Вселенной, галактик, звёзд, планет, живого и минерального вещества, эволюции социальных систем, культуры и пр. авторам удалось показать, что **природа как сущность периодически транслирует своё подобие эволюции на любом уровне (включая квантовый мир) организации материи и вещества с неизбежностью поиска состояния устойчивости, за которым также неизбежно следует усложнение, ускорение в развитии, но в рамках соответствия фундаментальным законам сохранения.** Предельное ускорение и сложности эволюции любых систем неизбежно приводят к росту энтропии.

Прикладное значение исследования эволюции в локальном мире связано с возможностью поиска оптимальных состояний устойчивости систем. Как известно, во времени непрерывно возрастает сложность как объектов управления, так и самих систем управления. Сравнительным

¹ Кокин А. В., Кокин А. А. Золотое сечение и эволюция (введение в общую теорию нелокальной эволюции). - М.: «Информ-Право». 2022. 231 с, илл.

анализом таких систем, с помощью предлагаемой модели, можно найти условия, при которых достигаются положения устойчивости их динамического состояния с выбором более простых методов управления по кластерному принципу, уменьшая число свободных связей, нарушающих состояние устойчивости управляемой системы.

Явно назревает кластерная система формирования законов, определяющих состояние устойчивого развития общества, с помощью которой возрастание количества и сложности нормативно-правовых актов (в разных и всё количественно увеличивающихся сферах действительности и права) приводит к усложнению не только принятия решений, но и формирования самой системы законодательства.

Принятие и неприятие той или иной модели управления системами зависит от целеполагания, определяющего, например, пути развития образования. Сегодня это особенно актуально после Послания Президента России к Федеральному собранию о необходимости отказа от болонского процесса и возвращения к российскому опыту образования. В этой связи весьма любопытно, как поведет себя Правительство в части формирования платного и бюджетного образования. Золотая пропорция отношения бюджетного к частному финансированию образования логично вытекает из соотношения 61,8 % (бюджетное) и 38,2 % – частное, что и определяется золотым числом вблизи значения $\Phi=1,618...$ Это позволит не потерять роль государства в контроле за тем, какие ему специалисты нужны, какого профиля, в каком объеме в изменяющемся мире.

В целом новое направление в создании общей теории эволюции необходимо использовать в современном образовании в пределах нашего института и РАНХиГС для того, чтобы студенты и преподаватели могли формировать новые идеи в поисках новых финансово-экономических, социальных моделей эффективного управления.

Презентация проводилась в очном формате с применением дистанционных технологий. Ее участниками стали ученые, аспиранты, магистранты, сотрудники института, студенты.

Выступление А. В. Кокина вызвало оживленную дискуссию среди участников мероприятия.

В ходе обсуждения возник вопрос о зависимости эволюции от эмоционального, умственного состояния людей. (Профессор *Ольга Васильевна Коновалова*). На это автор ответил, что эволюция не от чего не зависит. Это развитие дает нам возможность задать такой вопрос. Мы не можем влиять на природу сознанием, даже если бы говорили о квантовой механике. Ни словом, ни делом мы не можем отменить трансляцию подобия природы в тот момент только, когда мы можем задать себе вопрос «насколько мы можем считать себя разумными, по отношению к тому, что произошло в эволюции?».

Поэтому обратного пути нет! Другое дело – человеческое восприятие эволюции всегда будет опосредовано через сущность самой природы. **Природа-человек, но не человек, не его сознание.** В связи с этим, мне хочется вспомнить стихотворение:

Человек! Ты молишься и просишь, и страдаешь,
К своим, взывая трепетно богам...
Но сам того давно не понимаешь,
Что припадаешь с собственным НОГАМ...

Мы тщимся найти сверх разум. А он в нас самих. Поскольку никто кроме нас не ответит на поставленные вопросы.

В диалоге с автором затронули тему коррупции. *Михаил Амиранович Овакимян*, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления: «Чтобы прийти к устойчивому равновесию, надо что-то упрощать, что-то усложнять. Усложнение системы приводит к коррупции. И если в эволюции идет усложнение, то, что же упрощать?»

По мнению профессора Кокина А. В., многие части свободных связей усложняют процедуру управления этими системами.

Чтобы ликвидировать множества, нужно перевести эти свободные связи в кластеры. Кластер производства, кластер управления, военный кластер. Но в каждый кластер нужно будет посадить человека. И мы никогда не исключим возможность человека залезть в карман государства. Животная сущность человека всегда существует. Желание победить коррупцию – это воспитание. В нашем сознании должно быть желание улучшить систему управления.

В развернувшейся дискуссии принял участие директор центра правовых исследований профессор *Дамир Юсуфович Шапсугов*. Уточнив содержание заданных им вопросов о степени достоверности знаний об эволюции Вселенной и человечества, выражаемых через число и понятия, как средств познания и реконструкции весьма отдаленных во времени состояний, он остановил внимание на необходимости развивать прикладные аспекты использования золотой пропорции в обеспечении устойчивого динамического равновесия всех его компонентов в развитии современного общества, государства, правовой системы.

Выступающий призвал очень внимательно проанализировать все возможности формулы Фидия=1,618 для обеспечения гармоничного устойчивого развития современного человечества, особенно близких сотрудникам нашего учебного заведения – в системе современного образования. В связи с этим проф. Д. Ю. Шапсугов анонсировал обсуждение темы «Золотая пропорция в юриспруденции и юридическом образовании» на очередном заседании Школы правового мышления ЮРИУ РАНХиГС в марте текущего года, призвав участников презентации принять активное участие в его подготовке и проведении.

Мария Николаевна Аширова, доцент кафедры государственного и муниципального управления, обратила внимание на сходство концепции нелокальной эволюции (в частности, состояний динамического равновесия в системах) и предложенной ранее в научных трудах Албастовой Л. Н. и Игнатова В. Г. идеи основного противоречия в управлении, разрешения этого противоречия и поиска развития управленческих наук. Так, основным противоречием в управлении, по мнению Албастовой Л. Н., выступает противоречие между формализованными (безличными) и персонизованными (личностными) отношениями управления, т. е. противоречие между рациональным и социально-психологическим в управлении, между гуманистическим и технократическим, между демократическим и авторитарным, между инновационным и бюрократическим. Это диалектическое противоречие означает взаимодействие противоположных, взаимоисключающих сторон системы управленческих отношений, которые выступают источником самодвижения и развития.

Выражая сущность закона единства и борьбы противоположностей, высший момент в развитии основного противоречия в управлении – это переход противоположностей друг в друга. На этой ступени осуществляется разрешение основного противоречия управления и переход системы из одного качественного состояния в другое. Как сказали бы физики, – происходит смена фазы.

Разрешается основное противоречие в управлении нахождением оптимального сочетания этих отношений на разных стадиях развития любой системы, в этом и состоит сходство с концепцией Кокина А. В. – постоянный поиск оптимального сочетания, баланса, динамическое равновесие.

Гармония между законом и правом (как основное стремление юридических наук) с позиции институциональной экономической теории будет выражаться во взаимодействии институциональных правил (правил самоорганизации формального/неформального института) и права. Мария Николаевна задается вопросом, будут ли институциональные правила стремиться к переходу в право?

В рамках дискуссии с Кокиным А.В. был найден ответ: да, при условии соблюдения свойства эмерджентности. Как в рамках гипотезы эмерджентной эволюции новые качества появляются в результате неожиданного проявления новых свойств, не присущих составным частям живой системы, так и правила самоорганизации перейдут в нормы права.

В дискуссии по вопросу, что приоритетней, самоорганизация или регулирование, однозначным ответом выступает приоритет самоорганизации. Александр Васильевич приводит пример о невозможности регулирования такой сверхсложной системы, как климат на нашей планете. Необходимо учиться у природы, не пытаться управлять ею, но приспосабливаться к ее изменениям.

А. В. Кокин – выдающийся ученый с мировой известностью, является действительным членом трех международных академий: Минеральных ресурсов, Ноосферы, Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности. Более 30-ти лет он работал на разных должностях в геологических экспедициях на Чукотке, в Магаданской области, Якутии. Им открыто более двух десятков рудопроявлений золота, редких и цветных металлов на территории Якутии; открыты уникальные месторождения индия, олова, серебра и марганца, не имеющие мировых аналогов.

Организаторы презентации уверены, что книга «Золотое сечение и эволюция (введение в общую теорию нелокальной эволюции)» займет достойное место в ряду научных трудов профессора Кокина Александра Васильевича и будет интересна самому широкому кругу читателей.

ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ

---

11 февраля отметил 70-летний юбилей Александр Иванович Бойко,
доктор юридических наук, профессор Южно-Российского института управления –
филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации.

Юбилей ученого, писателя, чьи достижения в уголовно-правовой науке общепризнаны, а огромное наследие выражается научными и литературными трудами, большой армией его учеников, во главе которой – его верные последователи, избравшие право своей главной дорогой в жизни.

Профессиональная биография Александра Ивановича насыщена и успешна, отражает его целеустремленность, компетентность и увлеченность Правом. Невозможно не отметить выдающийся научный вклад юбиляра: его перу принадлежит множество работ по вопросам уголовного права, криминологии, уголовно-исполнительного права, уголовной политике, философии права и пр. Он автор более 300 трудов, автор и соавтор более 30 монографий, трех комментариев – к Уголовному Кодексу РФ, Уголовно-исполнительному Кодексу РФ и Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Также в библиотеке работ Александра Ивановича несколько художественных произведений и эссе. Он организатор внушительного количества конференций, в том числе международных, ответственный редактор соответствующих тематических сборников. А. И. Бойко всегда желанный гость и активный участник отраслевых мероприятий филологов, философов и богословов. О многогранности научных трудов А. И. Бойко наглядно свидетельствуют названия его работ: «Язык уголовного закона и его понимание», «Религиозные основы правоохранительной деятельности и преподавания уголовного права», «Фантазия и юмор в борьбе с коррупцией», «Размышления провинциала о борьбе с коррупцией».

Профессор А. И. Бойко на протяжении многих лет является членом редакционной коллегии научного журнала «Северо-Кавказский юридический вестник», принимает активное участие в рецензировании поступающих статей.

Сегодня Александр Иванович является увлеченным и компетентным заведующим кафедрой уголовно-правовых дисциплин Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ведущим за собой не только обожающий его коллектив,

но и студентов, аспирантов, молодых ученых из других вузов. Под его руководством кафедра оказывает методическую и консультационную помощь правоохранительным структурам и территориальным органам общей администрации. В частности, А. И. Бойко постоянно привлекается к чтению лекций для государственных и муниципальных служащих ЮФО, является членом Экспертного совета по судебной реформе и правоохранительной деятельности при Полномочном представителе Президента РФ по Южному федеральному округу, членом научно-консультативного совета при прокуратуре Ростовской области, членом комиссии по правам человека при Администрации г. Ростова-на-Дону.

Вне всяких сомнений вклад Александра Ивановича Бойко в развитие уголовно-правовой науки нашей страны признан научным сообществом. Мы верим, что его творчество, эксклюзивность мышления и энергия еще многие лета будут путеводной звездой для учеников и последователей не только в области права, но и в других направлениях науки, которым он посвятил свою жизнь.

Бесконечной крепости здоровья, стабильности и благополучия, дорогой Александр Иванович!

Юридический факультет ЮРИУ РАНХиГС

***Редакционная коллегия журнала
«Северо-Кавказский юридический вестник»***

Коллеги, единомышленники

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Научная статья должна соответствовать профилю журнала, быть ориентированной на актуальные проблемы юриспруденции.

При подготовке статьи необходимо руководствоваться ГОСТ Р 7.07-21 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Объем научной статьи должен быть от 10 до 20 тыс. знаков. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный пробел – 1,5 интервала, поля по 2 см по периметру страницы, абзацный отступ – 1 см. Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком на русском и английском языках. Все графы в таблицах должны также иметь заголовки.

Иллюстративные материалы (рисунки, графики, схемы) должны быть четко читаемыми, черно-белыми, сгруппированными в единый объект, также не более 3-х, их название должно быть представлено на русском и английском языках.

Структура представляемого материала:

1) Научная статья должна быть классифицирована – иметь УДК, указываемый в левом верхнем углу материала.

2) На русском и английском языках:

- заголовок статьи;

- имя, отчество фамилия автора полностью. На следующей строке – организация (вуз), город, страна, код ORCID, электронная почта автора. Ученая степень, звание и другие сведения указываются после списка литературы под заголовком «Информация об авторе/Information about the author»;

- аннотация (до 250 слов);

- ключевые слова или словосочетания, несущие в тексте основную смысловую нагрузку (9-15).

Ключевые слова должны браться из текста научной статьи и выражать ее содержание.

3) Список литературы на русском языке следует оформлять в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка». В список не включаются: нормативные акты, статистические сборники, официальные документы, архивные материалы, интернет-публикации. Ссылки на такие материалы следует давать в тексте подстрочными примечаниями (сносками).

Список литературы должен включать от 10 до 20 научных источников (статьи, монографии), причем публикации самого автора(ов) статьи могут составить не более 20 % списка.

Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [3, с. 15-16]), а список литературы, составленный в порядке встречаемости ссылок, помещается за текстом. В публикациях в списке литературы для каждого источника должно быть указано общее число страниц (например: Гончаров В.И. Институционализация системы местного самоуправления в Российской Федерации. Конституционно-правовое исследование. М.: Проспект, 2016. 268 с.) либо (для статей из журналов и сборников) диапазон страниц, на которых находится статья (например: Шапсугова М.Д. Трансформация классических принципов гражданского права в современном российском праве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2016. № 4. С. 68–71).

После списка литературы на русском языке приводится References (список литературы на английском языке, представленный согласно стилю оформления Vancouver).

4) На последней странице автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения. Научная статья проверена в системе «Антиплагиат». Научная статья должна иметь не менее 80 % оригинальности текста.

Статьи принимаются по адресу: 344002. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54. ЮРИУ РАНХиГС. Редакция журнала «Северо-Кавказский юридический вестник».

Тел. 8-863-203-63-89; e-mail: yurvestnik@mail.ru

Мы не запрещаем позитивизм, но и не пропагандируем!

**СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК**
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1, 2023

Выход в свет 30.03.2023. Гарнитура Cambria. Формат 60x84¹/₈. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Объем 11 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 3082.2

Адрес издателя:

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
119571, г. Москва, пр. Вернадского, 84.

Адрес редакции:

Южно-Российский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54.

Свободная цена

Отпечатано в типографии ООО «Принт». 246035, г. Ижевск, ул. Тимирязева, 5.
Тел.: 8 (3412) 56-95-53